
Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

МИРОВОЙ КРИЗИС И ЯПОНИЯ

GLOBAL CRISIS AND JAPAN

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО–XXI)

МОСКВА
MOSCOW
«АИРО–XXI»
2009

Руководитель проекта Э. В. Молодякова
Project leader E. V. Molodyakova
Ответственные редакторы
И. П. Лебедева, С. Б. Маркарян
Editors I. P. Lebedeva, S. B. Markaryan

Фотография на обложке
О. В. Андреевой

Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э. В. Молодякова. –
М., АИРО-XXI. 2009 – 256 с.

В монографии анализируются особенности протекания кризиса в Японии, реакция на него деловых кругов и государства, а также его влияние на различные стороны жизни японского общества. Монография состоит из трех разделов. В первом рассматривается собственно экономический кризис и его проявления в Японии. Во втором и третьем – воздействие кризиса на ряд сфер и областей жизни страны (социальную сферу, культуру, внешнюю и внутреннюю политику и т. д.). Авторский коллектив представил достаточно полную и многогранную картину событий, происшедших в Японии с начала кризиса, выявил новые тенденции в развитии ее экономики, внутренней и внешней политики, показал, как повлиял кризис на некоторые старые проблемы японского общества и какие новые проблемы он породил.

ISBN 978-5-91022-099-1

© Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2009
«Association of Japanologists», 2009
© «АИРО-XXI», 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводная статья (И. П. Лебедева, С. Б. Маркарян)	7
Раздел первый	
Глава первая. Кризис и государство (И. П. Лебедева)	36
Глава вторая. Мировой экономический кризис и финансовый сектор Японии (Е. Л. Леонтьева)	58
Глава третья. Японские корпорации в условиях мирового финансово-экономического кризиса (И. Л. Тимонина)	72
Раздел второй	
Глава четвертая. Проблема продовольственной безопасности в новых экономических условиях (С. Б. Маркарян)	99
Глава пятая. Глобальный кризис: старые и новые социальные проблемы Японии (Т. Н. Матрусова)	122
Глава шестая. Японская инновационная система – испытание мировым кризисом (Ю. Д. Денисов)	141
Глава седьмая. Экономический кризис и культура: уроки прошлого и прогнозы на будущее (Е. Л. Катасонова)	158
Раздел третий	
Глава восьмая. Внешнеполитический процесс в Японии в период финансово-экономического кризиса (Д. В. Стрельцов)	179
Глава девятая. Долгий путь к двухпартийной системе (Э. В. Молодякова)	201
Глава десятая. Практическая политика эпохи кризисов. Это Сэйсиро – министр, дипломат, законодатель (В. Э. Молодяков)	218
Глава одиннадцатая. Внешняя политика Японии в период мирового финансово-экономического кризиса (А. В. Илышев)	238

CONTENTS

Introduction (Lebedeva I. P., Markaryan S. B.) translated by Leontyeva E. L., Gitman S. S.	7
Part I.	
Chapter 1. Crisis and the State (Lebedeva I. P.)	36
Chapter 2. The World Economic Crisis and Financial Sector of Japan (Leontyeva Y. L.)	58
Chapter 3. Japanese Corporations under the World Financial-Economic Crisis (Timonina I. L.)	72
Part II.	
Chapter 4. The Problem of Food Security under the New Economic Conditions (Markaryan S. B.)	99
Chapter 5. The Global Crisis: Old and New Social Problems of Japan (Matrusova T. N.)	122
Chapter 6. Japanese Innovation System – Trial by World Crisis (Denisov Y. D.)	141
Chapter 7. Economic Crisis and Culture: Lessons of Past and Prospects for Future (Katason.....)	158
Part III.	
Chapter 8. Foreign Policy of Japan in the Period of Financial- Economic Crisis (Streltsov D. V.)	179
Chapter 9. The Long Way towards two-Party System (Molodyakova E. V.)	201
Chapter 10. The Practical Politics of the Crisis Epoch. Eto Seishiro – Minister, Diplomat, Politician (Molodyakov V. E.)	218
Chapter 11. Foreign Policy of Japan in the Period of World Financial- Economic Crisis (Ilyshev A. V.)	238

INTRODUCTION

We bring to attention of our readers a book written by a team of Russian japanologists who represent leading academic institutions and universities in this country. This team of authors has set themselves a task of undertaking a comprehensive study of how the current crisis in Japan is evolving and how it is affecting the livelihood of the Japanese.

The book has three parts. Part One explores specific symptoms of the current economic crisis per se in Japan (Chapters 1, 2 and 3). Part Two examines influence of the crisis on various spheres of Japanese social life (Chapters 4, 5, 6 and 7). Part Three examines a number of issues related to Japan's foreign and domestic policies, including responses to the global crisis (Chapters 8, 9, 10 and 11).

As stated in Chapter 1, as early as in summer 2008 when the economic crisis was already gaining momentum, Japan appeared to be able to survive rather safely in the economic turmoil that engulfed the global economy, hitting most heavily the advanced countries. The following factors gave reasons for this suggestion.

Firstly, Japan is relatively less involved in globalization than other developed economies (particularly in terms of foreign direct and portfolio investment).

Secondly, in recent years, East Asia (China, Asian NIEs, ASEAN), which was less affected by the global crisis, substantially increased its share in Japan's exports, imports and FDI, while developed economies (in the first place, the U. S. A.) lost their positions.

Thirdly, Japanese companies and banks were in quite favorable financial and economic condition in the initial phase of the crisis because they had behaved prudently in the last economic upswing (2002–2007), and also because financial institutions were put under tough supervision by the state.

In the fourth place, during the upswing of 2002–2007 Japan gained financial and economic power, and its economic performance improved a great deal as a result of structural reforms.

Finally, in the fifth place, the state has fresh experience of coping with the problem of bad debts to banks and overcoming of a deflationary crisis.

However, as is generally known, the events followed a quite different scenario, and Japan found herself in perhaps the worst situation among developed countries.

The global crisis reached Japan in the second quarter of 2008, when the economy turned downwards from the phase of growth that had lasted since the end of 2002. Intensity of the shocks suffered by Japan's economy in 2008–2009 was, to a great extent, the aftereffect of the preceding upswing, which sharply increased its dependence on external markets.

In 2002–2007, the main driving force of economic growth was exports, which contributed almost 60% to the increase in GDP. Strong competitive power enabled Japanese companies to take good advantage of prevailing positive trends in the world economy of that time. For instance, while average annual rate of growth in the world economy was 4.5%, Japanese exports grew by 9.2% a year (in real terms). Ratio of exports to Japan's GDP went steadily up and reached a historical peak of 15.5% in 2007 (in 2002 it was 10.1%).

Manufacturing was in the core area of this upswing, turning out more than 90% of total Japanese exports. In those years, average annual growth rate of industrial output was about 2.5%, and of private fixed capital investment, about 4.2% (in some years, the latter grew faster than in the “bubble” period in the second half of the 1980s). Impetus given by rising exports supported domestic demand for digital electronics. As a result, many industrial sectors expanded existing facilities and launched new factory construction.

The global financial crisis in proper sense affected Japan less than other developed economies. Although the Japanese securities market immediately responded to falling share prices at foreign stock exchanges, Japan saw nothing similar to devastating failures that shook the American and some European economies in summer and autumn of 2008.

However, the situation went swiftly worse as soon as the financial crisis triggered a recession in the real economy across the world. Japan's GDP went down for four quarters – from the beginning of the 2nd quarter of 2008 till the end of the 1st quarter of 2009; its dips were most profound in the 4th quarter of 2008 and in the 1st quarter of 2009 (by 3.6% and 3.8%, respectively). The main factor behind this deep downfall was exports, which declined by almost 40% in a half-year (the 4th quarter of 2008 to the 1st quarter of 2009). Along with falling demand for Japanese products in international markets – not only in the recession-hit developed world, but also in fast-growing economies (including China) that suffered from loss of export opportunities, – Japanese exports were also severely hampered by rapid appreciation of the yen against the dollar.

At the start, contraction of exports hit export-oriented and related sectors of manufacturing (their share of industrial output is about 30%), and then spread to other sectors through inter-industry channels. As a result, the recession in manufacturing was worse than in the mid-1970s, after the 1973–74 oil shock, and in the early 1990s, after the burst of financial bubble. For instance, the rate of decline in industrial output during the crisis of the mid-1970s was 20%, and in the early 1990s, 10%, but the slump since the early 2008 till May 2009 (when the economy touched bottom) was 34%. A large part of industrial facilities was idle: the average rate of utilization of equipment declined by almost 40% in the 1st quarter of 2009 from the early 2008.

Outbreak of the recession imposed new strains on sluggish consumer demand, which is a structural problem of Japanese economy. Consumer demand was never too active during the economic upswing of 2002–2007, when average annual rate of increase in consumer spending was about 1.5%. Since the very beginning of the recession, the rate of increase in consumer spending went to negative territory. Depressive sentiment grew stronger in the Japanese society as the recession grew deeper, and propensity to consume was also oppressed by managerial policies (efforts to curb wage increases and to rely on hiring temporary workers on various types of short-term contracts).

In the beginning of 2009 when the recession grew deeper it produced another problem: in January, corporate goods price indices turned downwards, followed by consumer prices in February. The result was imminent deflation, which can make overcoming the recession a much more difficult task. This danger is still more real because Japan has quite recently pulled out of a deflationary spiral (corporate goods price began to rise in 2004, and consumer prices, only in 2006), and positive tendencies have not yet gained momentum.

Prime Minister Aso Taro and his cabinet came to power in September 2008 facing this severe reality, just before the economy entered the worst phase in the current recession: the last quarter of 2008 and the 1st quarter of 2009. Before its resignation in the end of August 2009, the Aso Cabinet compiled three anti-crisis programs totaling to 75 trillion yen (about 750 billion dollars), including a 12 trillion yen-package of various fiscal measures, and 63 trillion yen for support of the financial sector and economic stimulus measures.

The first package included such measures as:

- Disbursement of one-time grants to all citizens (a minimum of 12,000 yen per person; 20,000 yen to persons under 18 and over 65);
- Support of jobless persons, expansion of employment (increase of allowances to jobless workers; subsidies to firms that offered full-time positions

to temporary staff dispatched on assignment to manufacturers; allocation of state grants to local governments for creation of new jobs; extension of unemployment insurance to temporary workers, etc.);

- Tax reduction (a generous tax breaks for mortgages; accelerated depreciation of energy-saving and alternative energy-producing equipment; a temporary tax rate cuts from 22% to 18% on profits of SMEs; extension of the current 10% tax rate for dividend income and equity capital gains to another three years, etc.);

- Measures to boost consumer demand (introduction of an “eco-point system” which allows purchasers of TVs, refrigerators and air conditioners to exchange part of purchase prices to eco-points that can be used later for other goods and services; introduction of tax benefits and subsidies to purchasers of environmentally friendly vehicles, etc.).

In the second package, the most important measures were:

- An about 20 trillion-yen emergency program of loan guarantees for commercial banks lending to smaller firms;

- An about 10 trillion-yen program of loans to SMEs from public financial institutions;

- Expansion of the government share in equity capital of private financial institutions lending to SMEs (about 12 trillion yen from the funds of the Deposit Insurance Corporation);

- Expansion of a state-backed program of purchase equities of private banks to prevent them from a fall of their market value (about 20 trillion yen, backed by a new issue of government bonds).

Along with compilation of three anti-crisis programs (their scale is second only to the United States), the Japanese government closely collaborates with international community in overcoming the global crisis. Aso Taro spoke about the financial component of Japan’s efforts in this field in his statement at the Group of Twenty meeting of world leaders in London in March 13–14, 2009. The main points of these efforts are:

- To increase the sum of official development assistance (ODA) to Asian countries (up to 20 billion dollars);

- To allocate extra 22 billion dollars (in addition to regular annual 90 billion dollars) for financing trade operations by Japanese financial institutions (Nippon Export and Investment Insurance Corporation – NEXI, and Japanese Bank of International Cooperation);

- To give a 100-billion dollars credit to the IMF;

- To allocate \$5 billion in the next two years for financing nature protecting arrangements in developing countries (first of all, in Asia) through the Japanese Bank for International Cooperation;

- To double the volume of Japan’s ODA to African countries by 2012;

- To establish, in cooperation with the IFC, a foundation with capital up to \$2 billion for recapitalization of banks in developing countries.

Carrying out large-scale national anti-crisis programs and international obligations, Japan inevitably came to a huge overstrain of public finance. To fund the above programs and obligations, the government had not only to adopt two supplementary budgets in FY2008, but also to substantially raise fiscal expenditures in the FY2009 budget. This made the formerly announced target to reach primary balance by FY2011 an unattainable goal.

As seen from the latest statistical data, signs of economic revival appeared in the second quarter of 2009, with quarter-on-quarter increase by 0.9% against a decline by 3.8% in the first quarter. Expansion of exports and growing industrial production were the major indicators of the changing situation. For instance, in the second quarter of 2009, quarter-on-quarter growth rate in exports was 12.3%, and in industrial production, 1.8%. On the side of domestic demand, the reversal in the negative trend was backed up with public works (an 8.1%-quarter-on-quarter increase), and what is still more important, with expansion of consumer demand (by 0.8%).

In this way, Japan, following Germany and France, displayed signs of revival, although rather fragile, from the deepest recession in the postwar period.

There is no doubt that external factor, namely, expansion of exports in the improving global economy was the main cause of the reversal in negative trends. However, it is also obvious that if the government took no other efforts to defeat the crisis this year, economic situation in Japan could be much worse, and the revival could not have come so soon.

Chapter 2 deals with the situation in the Japanese financial system. The author notes that as opposed to many other developed economies, Japan was not the core area of the global financial crisis, and it was badly hit by the global recession in real economy rather than by the financial crisis per se. The situation turned out to be even worse in many aspects in Japan than in other developed economies. First of all, its securities market received a severe blow.

Under the crisis, stock prices of Japanese companies fell deeper than prices of European or American equities. The Nikkei 225, the Japanese benchmark stock average, lost 47.5% plunging from its peak of 14,400 in May 2008 to 7,650 in April 2009. Declining profits of exporters and loss of value of their overseas production networks was the initial cause of this blow. Secondly, with the outbreak of the crisis, foreign investors who had owned up to 30% of shares listed at the Tokyo Stock Exchange and had accounted for up to 60% of its turnover, began to sell out their shares. According to Japanese brokerage houses, foreigners sold out 39% of all the

shares they had get hold of in 2003–2007 in terms of volume, and 16% in term of market value. Panic-stricken after the bankruptcy of Lehman Brothers, one out of three Japanese issuers bought out up to a half of their shares in order to boost their market values, making this the third cause of the market plunge.

The long downward trend in market quotations had an unfavorable outcome. Within a year since April 2008 till March 2009, total equity capital of 1,274 non-financial corporations declined by 12%. At the same time, market capitalization of all listed corporations declined by 35.4%, and monthly turnover on the bourses, by 30.4%. In the January-April period, turnover in the Tokyo Stock Exchange accounted for 25% of aggregate turnover of all bourses in Pacific Asia, and the TSE lost the first place to the Shanghai Stock Exchange whose share was 27%.

Although the Tokyo Stock Exchange lowered its listing criteria of minimum required market capitalization by 40% in order to avoid mass delisting, loss of issuers continued. For various reasons (bankruptcies, reorganizations, and exit from the stock market) their number declined by 78 companies in 2008 and by another 39 companies in the first half of 2009.

In this difficult situation, the TSE had to postpone its own IPO and development of new financial products till 2010, so that now it lags behind the NYSE Euronext, Nasdaq Stock Market and other major bourses in the world.

The crisis also affected the corporate bond market, involving six defaults by publicly-offered corporate bonds in 2008–2009, with gross debt standing at 125 billion yen (about 1.3 billion dollars).

Purchasers came back to the market as soon as the global financial panic began calming down and the Japanese economy showed first signs of recovery, and net purchasers were individual investors. The point is that more than a half of total household financial assets of the Japanese are cash and bank deposits. At near-zero interest rates, the Japanese have started to take their money out from bank accounts and to play the market, enjoying low share prices and cheap brokerage fees. To attract individual investors, big companies are using stock splits and small lots. Moreover, foreign investors detected positive changes in the economic situation and have returned to buying. So, in the early fall, the Nikkei 225 index went up to 10,300.

The banking sector has also suffered from losses of capital, but its situation is far better than the position of financial institutions in the United States and Europe. For example, estimated realized losses from subprime-related investments at Japanese banks since April 2007 till the end of December 2008 amounted to 919 billion yen (about 8.1 billion dollars). This

damage is equivalent to 25% of net profit from operations and 2% of capital base (tier-1 capital) of Japanese banks. However, this is a minor portion of world-wide total of losses from subprime-related loans, which were estimated at 2.2 trillion dollars by the end of 2008. Besides, while a wave of bankruptcies inundated American and European financial institutions, Bank of Tokyo-Mitsubishi UFJ, Sumitomo Mitsui Banking, Mizuho Corporate Bank and the investment bank Nomura Securities were buying up the assets from broken-down Merrill Lynch and Lehman Brothers in quest of extension of their branch networks.

Japan could have survived the global crisis with relatively small financial losses relying on the experience of the “lost decade” of the 1990s. In 1990–2002, the Japanese banking system went through a heavy crisis, which required radical changes in the entire financial sphere. Japan resorted to forcible bankruptcy procedures in the financial sector, with 181 bankruptcies occurring since 1991. In 1997–2002, the Government cleaned up balance sheets of banks from non-performing loans and introduced strict rules for classification of assets by degree of risk.

Another effective solution was creation in 2001 of a mega-regulator to govern financial markets – the Financial Service Agency (FSA) directly under the Prime Minister. The nation’s financial system was placed under close supervision of the Agency, which forces its “underlings” to write off their losses as soon as possible. The Agency’s supervision applies to banking; credit unions and cooperatives; consumer loans and credit on mortgage, trade in securities and asset management. The Agency’s ability to keep these sectors under control was facilitated with enactment in 2006 and enforcement in the late 2007 of the new Financial Instruments and Exchange Law, which provided for protection of purchasers of securities (a requirement that issuers should give brokers and final investors full account of inherent risks).

What is also important, Japanese banks, which quite recently recovered from the previous crisis, have not yet fully expanded their overseas networks and large-scale operations before the outbreak of the current crisis. This prevented them from suffering extensive damage in the global market of derivative securities.

At present, the capital base (tier-1 capital) of major Japanese banks exceeds 4% of outstanding loans, and their capital adequacy ratio is over 10%, while the generally accepted capital ratio for internationally operating banks must be equal to at least 8% of their risk-weighted assets. No strong credit crunch is observed in the domestic market, although as soon as such symptoms appeared in the US and EU markets, the major banks sharply reduced their lending to foreign financial institutions. Nevertheless, in spite

of relative soundness of the domestic financial system, the government and the Bank of Japan took measures for its support.

For instance, dividends sent to Japan by overseas units were exempted from taxation in order to boost the inflow of liquidity to the securities market. In October 2008, following the agreement reached at the G7 Summit, the Government eased restrictions on stock buybacks for corporations. Taxation of realized gains on shareholdings and dividends were cut by a half.

To prevent development of a credit crunch upon accumulation of unrealized paper losses on shareholdings on balance sheets of banks, mark-to-market accounting rules were temporarily suspended. There is legal permission for banks to hold up to 5% of shares of any issuer. Since March 2008 till April 2009, aggregate net losses from loss of share prices at 123 banks nationwide totaled 1.996 trillion yen (more than 21 billion dollars).

In November 2008, the Bank Recapitalization Law, which had been put into effect in 2004, was revived allowing the government to inject taxpayer money into the banks that faced capital adequacy issues. In March 2009, responding to first requests, the Government funneled a total of 121 billion yen (about 1.27 billion dollars) in capital into three regional banks – Sapporo Hokuyo, Minami Nippon Ginko and Fukuoka Ginko.

In March 2009, several business associations (The Nippon Keidanren, the Japan Securities Dealers Association and others) proposed that the Government, for underpinning stock prices, should buy shares from shareholdings of banks and non-financial corporations. A similar plan was implemented in 2001–2002 when the purchaser was a bridge-bank – the government-backed Banks' Shareholdings Purchase Corporation (BSPC). Recently, the BSPC resumed its activities with a budget up to March 2012 and purchased a total of 137.9 billion yen in stocks by the end of July, equivalent to 14.5 billion dollars.

The Bank of Japan supports the financial sector with unlimited purchasing of equities, commercial paper and corporate bonds from banks' portfolios. Moreover, the Bank provides unlimited funding to financial institutions at its policy rate, which is now around 0.1%, using corporate bonds and commercial paper as collateral.

In turn, the Financial Service Agency places banks under administrative pressure for increased lending to companies even on the threshold of insolvency and for building up reserves for defaults and write-offs of bad loans.

It should be particularly emphasized that at present, Japan's experience from the "lost decade" has become valuable not just for Japan but for the entire world. Takenaka Heizo, the chief ideologist of the Japanese reform program, asserts that simple injection of public funds into financial institu-

tions is insufficient for coping with the crisis. A very rigorous examination of the assets of all banks should precede the injection of public money. Prompt actions that have been taken by American authorities show, among other things, that the Japanese lesson was learned without delay.

Chapter 3 gives a detailed account of the anti-crisis measures at the micro-level of Japan's economy, namely, of anti-crisis strategies and day-to-day management decisions devised at headquarters of industrial giants.

The author classifies managerial actions under the crisis into two categories according to their goals, scale and time horizons. One category includes urgent measures of day-to-day management to resist negative external forces. Another includes strategies for the future outlining post-crisis development of the companies and their positions in the Japanese and global markets.

The first category consists of cost reduction and loss minimization (lay-offs of personnel, cutbacks in expenditures, disposal of loss-making or low-profit assets and business lines).

Strategic options are mostly centered in geographical and industrial (product) targeting. Choice of key perspective markets for the Japanese companies is focused on further expansion overseas, to emerging markets (BRIC, with China in the first place, and South-East Asia). So far the first positive results of this strategy can be most clearly seen in the Chinese market. At the same time, American market is still so important for companies in many Japanese industries that new markets will hardly be able to compensate for losses in this direction in short- and medium-term perspective. For instance, respondent for a survey conducted by NHK in September 2009 told that revival of the US economy and such fast-growing economies like China is the preliminary condition for return to economic growth.

Japanese companies relate their choice of promising business lines mainly to design, introduction and marketing of new high-tech goods and services that can meet new needs (such as three-dimensional television). As we can see, companies detect, sometimes even anticipate and initiate the quest for ecologically comfortable environment, sustained development, safe and ecologically friendly energy sector. For this reason, R&D can be seen as the main strategic choice for post-crisis development, and it is justified in allocation of companies' financial resources. Apparently, current investments in R&D can serve as a base for future innovative breakthroughs, for opening of new markets under saturated demand for the goods that will pass or will have passed their maturity phase. Japanese companies, as well as corporations in other countries, see this choice as the only way to survive and establish themselves in domestic and foreign markets when the core of competition is shifting to science and technologies

(this was evident even before the crisis). However, in the crisis situation, when proceedings from sales and profits are declining, to continue active innovations is a challenge. In other words, post-crisis winners will be those who have managed not to stop and can even expand innovations, and Japanese industrial corporations are clearly aware of this prospect.

Indeed, sorting of anti-crisis measures into day-to-day managerial and strategic decisions is rather conditional. In many cases, urgent restructuring and asset reorganization bring substantial changes to patterns of business and organizational structures (in many cases these changes were about to happen long ago but put off by various reasons). Staff policy is another example. Such seemingly coercive measures as layoffs and limitations on new hiring can be a next step to elimination of lifetime employment and can substantially change strategic management of labor.

Generally speaking, the set of counter-crisis measures and strategies is almost the same in Japanese, American and European companies. All above mentioned procedures are used in the West, but some specifics can be seen. Firstly, it is the position of Japanese companies in the global market for mergers and acquisitions where the Japanese act as purchasers rather than sellers of assets. In 2008, the total value of Japanese acquisitions in this market has reached the record high level of 65.2 billion dollars (also reflected in outward FDIs). Acquisition of foreign assets along with brands and technologies can lead Japanese companies to a new high level in main foreign markets. As is known, Japanese financial institutions (as well as other service companies) are lagging behind manufacturing companies in terms of trans-national development. Therefore, substantial acquisitions made by Japanese financial institutions in favorable course of events may radically change their positions in major regional financial markets and make a breakthrough in international financial services. At the same time, this is the area of extremely high risks, for financial condition of targeted entities is extremely shaky, and the Japanese banking system has not yet fully recovered from the crisis.

Moreover, Japanese companies have become unusually active in conclusion of inter-corporate alliances (not necessarily based on acquisition of shares in capital stock). They apparently make less and less difference between domestic and foreign partners, looking mainly for synergetic effects and finally, for larger market shares. If this tendency takes hold, Japanese corporations will become more internationalized and open.

As we have already mentioned, signs of revival have become evident in the Japan's economy in the second quarter for 2009, so that the government and business community are facing a most difficult challenge of supporting these fragile tendencies. This will depend not entirely on Japan, because

weak domestic demand will call for reliance on external demand, which will expand along with economic revival of leading countries.

The crisis gave a new dimension to the problem of food security, a painful problem for Japan. Part Two of the book opens with a chapter devoted to this issue.

Food supply, says the author, is one of major global problems the mankind has been facing for many years. The reasons are that human population of our planet is rapidly growing, the most populated countries are underdeveloped, and in recent years, international food prices have soared (only in 2007, by 40 per cent).

At present, this problem has been exacerbated by the global economic crisis, which reduced volumes of production in developed economies and cut down the demand for imports of raw materials from developing economies, so that funds for supply of provisions became less accessible to the latter. The crisis also reduced the resources of developed countries for giving aid to the poorest nations. According to Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), due to shortages of food supply in many countries, together with limited access to imports at high prices, by the end of 2008 the number of people suffering from malnutrition reached almost one billion.

Even in Japan, a wealthy country with large foreign currency reserves, economic availability of foods is becoming one of vital problems in the situation of rising unemployment, declining wages etc.

Member countries of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) render assistance to the developing countries in terms of direct food supplies as well as in terms of organization of local agricultural development in order to boost local production of food. This assistance goes mainly through the channel of Official Development Assistance (ODA). Japan was a very active participant of this Program in 1991–2000, although the scale of its part went gradually down because of a prolonged recession and a number of other reasons (in 2007, its volume was 720 billion yen against 1,752 billion yen in 1999).

Japan's assistance to developing countries is given not in terms of supplies of food (as is done by the United States), but in terms of projects for creation of agricultural infrastructure, professional training of local people at Japanese institutes for agricultural research and experimental stations, assignment of missions of Japanese experts and consultants in agricultural technologies to these countries.

Japan, as well as many other countries, takes part in a number of global campaigns for rise of farming and protection of environment. Japan has joined the movement for "sustainable development" providing for development

and diffusion of ecologically friendly technologies. They include, for example, renewable sources of energy (wind, water, solar power, geothermal waters etc.), recycling of biomass, production of biofuels and reduction in emission of carbon dioxide to the atmosphere to prevent global warming.

Japan is a large-scale producer and user of solar cells, but lags behind other developed nations in the use of other above mentioned sources of energy. This is especially true for production of biofuels, which started quite recently but rather rapidly spreads, for example, in the United States, Brazil and some other countries. In Japan, development of biofuels is still in the initial stage. It is important to mention that production of biofuels from crops (for instance, from corn, as in the USA) will take a part of foodstuffs away from consumers and raise food prices, further aggravating the crisis.

Certainly, this deterioration in global food supply is worrisome for Japan, a net importer of foods on a large scale (imports cover 60% of food consumption). Indeed, being the second economic power in the world Japan has sufficient resources to feed its population even at high food prices. However, food safety becomes a particularly important problem in the present crisis conditions. Akio Shibata, director of the Marubeni Research Institute, has enough grounds to say that “soon you will be unable to buy cereals even if you have money”.

Consequently, Japan is facing urgent need to increase domestic supply of foodstuffs and to ensure steady imports.

To increase domestic supply of foodstuffs and cut its costs for its raising competitive power in global markets (which is extremely important under the worldwide tendency to reduce custom duties), Japan has launched major reforms to change structures of food production and distribution. Although agricultural policy is seriously changing its contents and directions, it has not lost its protective nature (the government still defends the interest of domestic producers, supporting agricultural prices at hard times and applying quotas and high customs rates for food imports). The main goal, which was set in recent decades, is the same: to create large-scale enterprises with high labor productivity, both individual and collective ones. The ways to achieve this goal have changed from administrative regulation of production and distribution to reliance on market forces.

It is worth mentioning that a system was introduced for rendering targeted support only to large farming units, private farms were admitted to pricing by the law of supply and demand, and joint-stock companies engaged in manufacturing and trade were given a right to lease land plots for farming. In July 2009, their leasing rights were expanded, although their right to purchase the land remains undecided.

To ensure uninterrupted supply of foodstuffs, Japan is trying to diversify sources of food imports, to organize agricultural production abroad for further shipment to Japan, and to increase farming in developing countries for expansion of the global food market.

Undoubtedly, the goals set by Japan are difficult ones, especially for a country that has been hit by the global crisis having just emerged from a long period of hardships. These goals show that agricultural policy of the government is undergoing radical changes under pressure of various domestic and foreign conditions. Time will show how strictly they will be implemented. It is doubtful that efficiency of agriculture will improve fast, remembering that preference to evolution is an established Japanese tradition, that enforcement of newly enacted laws is sometimes inconsistent and that agrarian lobby will oppose innovations. However, what is at stake now is survival of an entire and very important industry in the national economy. The nation's history tells that the Japanese are good at mobilizing in dire days.

The economic crisis makes it imperative to reassess the situation in the innovation system of contemporary Japan. Although its status as the world's leader in the field of scientific and technological development remains unchallenged, a revision of this kind calls for certain corrections in what appears to be routine evaluations and opinions.

Not only did the crisis bring about a marked slowing down of investment processes in Japan, but, according to the author of the chapter dealing with this phenomenon, it also called into question the very possibility of implementing many of the innovative projects. With the financial base of innovative development shrinking, those responsible for finding resources to continue major R&D projects are facing serious problems, what with investment in new research appearing very risky as prospects for commercial utilization of its results are estimated as highly uncertain.

The discussion of ways to develop Japanese science under present conditions undertaken last May at Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI), suggests that, in the science sector, the economic situation is most likely to affect fundamental research, where returns on investment take more time than in other fields. On the other hand, the general weakening of consumer demand slows down development of new products. At the same time, strong companies that will be able to offer the market innovative products even at the time of crisis have a good chance of forcing weaker competitors from that market for good.

By and large, the Japanese industry has no plans to drastically cut funding for R&D; thus, a poll of 253 companies conducted by “Nihon keizai

shimbun” newspaper showed that the funding for financial 2009 will only be 6% less than the previous year.

The ratio between R&D expenditures and net sales in machine-building companies, for instance, will come to 2.8%, with 5.4% in IT companies, 5.3% in car manufacturing, and 8.3% in pharmaceutical and biotechnological companies. More investment is expected to go to spheres related to environmental protection. The pharmaceuticals, in particular, will focus on developing medicines to combat oncological diseases, while materials engineering will concentrate on developing a new generation of batteries and lighting equipment for the automotive industry. The largest investment efforts are being planned by Toyota, Honda, Panasonic, Sony and Nissan. Most corporations deem it necessary to boost up application of R&D results in production.

It is noteworthy that the American competitors are just as keen on active introduction of R&D results in production. According to a survey conducted in the United States in late 2008, half of the respondents spoke in favor of maintaining the current scope of funding for R&D. Similar views were also aired by the US leadership when the country’s president told the National Academy of Sciences in April 2009 that more attention should be paid to science, education and public health. The program of speeding up research he proposes calls for changing the ratio between national expenditure on R&D and national product in the near future from the current 2.7 to 3%, which is bound to bolster the US position as the world’s leader in science and technology.

American entrepreneurs point to the following high-tech spheres whose development should be the target of R&D efforts: instrumentation (38% of those polled), nanotechnology (30%), simulation and modeling (29%), smart materials (27%), automation and robotics (25%), biotechnology (25%), green manufacturing and wireless communications (22% each).

This naturally prompts questions as to how big are Japan’s chances to remain among the actively innovative states, whether it will emerge from the crisis with a still higher innovative potential or whether her position in the world high-tech market will be considerably shaken? To answer these questions one has to address the basic parameters characterizing Japanese innovation resources, R&D expenditures above all. In 2007, these outlays amounted to 369 billion dollars in the US, 245 billion in the European Union, and 139 billion in Japan (calculated with regard for purchasing power parity). It follows that large as the Japanese investments in R&D were they fell noticeably short of those in the United States and Europe. Moreover, Japan, with its 710,000 researchers in 2007, trailed behind both its competitors in number of research personnel: 1,388,000 and 1,342,000 in the US and EU respectively.

After examining Japanese high-tech companies, analysts from RAND Corporation pointed to their striving to fine-tune already known processes instead of looking for essentially new solutions. While being perfectly well aware of how to obtain the required result, the Japanese specialists would often have but a rather unclear idea of the mechanisms that propelled processes to produce such results. In explaining certain complex things, Japanese scientists preferred to resort to analogies instead of going for the essence of the phenomena in question. Furthermore, the Japanese sought to eschew high risks or jobs that were likely to bear no fruits.

RAND experts also noted that highly qualified Japanese scientists faced shortages of support personnel and, consequently, had to perform a great deal of routine operations, leaving them little time for creative work. The conclusion drawn by RAND experts, therefore, was that although Japan had scientists of as high qualifications as those in the United States, they were rather few in number.

One gets the feeling that even before the onset of the present crisis Japan’s innovation resources had been all but exhausted, and there may not be enough of them left to enable the country to retain its honorary title of the world’s scientific and technological leader.

The crisis has had the most immediate effect on the social sphere. According to the author who investigated this problem, the lingering Japanese depression of the 1990s combined with the current global crisis spurred the emergence of new and aggravated the former negative trends in the labor market and the social system as a whole.

The increasing instability in the country’s labor market and growing unemployment go hand in hand. Meanwhile, Japanese companies intensify their policy of replacing permanent workforce with temporary personnel or irregularly employed workers, with the contingent of part-time workers growing at the fastest rate. Furthermore, the polarization of the labor market is being intensified and its dual structure is getting more pronounced. What is more, there is a great risk that this dual structure will develop further on, especially since only few part-time workers manage to get regular jobs these days.

The dual structure of labor market in Japan is highly specific and has basically acquired an institutionalized form due to the fact that large companies practice life-long employment of its principal personnel. In the past this practice led to negative consequences, such as gross and unjustified discrepancy in earnings among the hired personnel, but also had some positive aspects: it was largely because of such organization of the labor market that Japan was able to have less than 1% rate of unemployment (practically within the statistical error limit) for nearly the entire post-WWII period.

Being a reliable part and parcel of the anti-crisis mechanism, the system contributed to the stabilization of the labor market not only during the periods of good economic situation, but also during economic repercussions.

Certain hopes were placed on this mechanism also in the circumstances created by the current global crisis. As in the past, companies resorted, first of all, to cutting down overtime, whose share in Japan is considerable. The next step involved transfer of redundant labor from depressed business sectors to branches and subsidiaries which were still doing rather well. At present, however, companies not only cut down overtime, but also reduce regular working hours and actively use other means to cut down labor costs and change the structure of employment by increasing the share of part-time personnel.

This policy helps companies to retain a permanent staff, albeit in minimum numbers, which prevents them from hiring new employees. Because “hiring new staff” in Japanese companies refers primarily to hiring young people, it is the young people who suffer most in this situation. As the economic situation grows more acute, unemployment among young people goes up: in 2008 unemployment among young people was more than 7%, higher than in other age groups, including the traditional problem group of the oldest job-seekers.

The situation with the young people is getting worse these days because an overwhelming majority of them enter the labor market for the first time in their lives, moreover, they do so without any professional skills or qualifications to speak of and with no opportunities to obtain them. One of the paradoxes of Japanese reality is that young people may hope to obtain professional skills only after getting a job, because until very recently major companies were the principal places in the country where one could undergo vocational training.

With an ever diminishing interest of big business in young people, the present-day crisis reveals all the more clearly the serious shortcomings of state policy vis-à-vis employment and professional training of youth, which had been gathering throughout the post-war period. This puts Japan face to face with the need to drastically change its concept of vocational training and direct special efforts toward elaborating a national program to deal with these matters.

The process of stratification of the Japanese labor market helps reveal many other problems. One of these is increasing economic segregation and relative poverty, which, although not quite new but, rather, partially forgotten, appears serious enough and fraught with growing social tension in conditions of the recent global crisis.

Noteworthy in this context are the problem of working women, who comprise a considerable share of the open labor market, and a closely related

problem of single mothers, many of whom are literally in a state of distress. Paradoxical as this may seem, the level of poverty among single working mothers in Japan is higher than among those without jobs. This state is due to unreasoned reforms of the benefit system for single parents, which sought to heighten their motivation for work through taxation. The high level of poverty among single mothers is the main cause of the current rise in the so-called children poverty in Japan.

To oppose the trend toward greater inequality and impoverishment in Japanese society requires, according to experts, limiting the growing discrepancy between the two parts of the labor market and the elimination of the consequences of its dual structure. According to one opinion, increased social protection of temporary employees could reduce the acuteness of the problem; other moves to this end could be opening more chances to those people to get regular jobs and increasing the share of government spending earmarked for low-income families. Moreover, it is deemed necessary to speed up elaboration of methods of redistribution of primary incomes with the help of taxation, which has recently become less fair toward some parts of the population of the working age.

The crisis affected even the sphere of culture, far removed as it seems from the economic sphere. Some aspects of this problem are examined in the concluding chapter of Part Two of the monograph under review.

The author observes that arts and culture react invariably and keenly to all kinds of social repercussions – wars or economic cataclysms, etc. Numerous examples bear this out. World War One, for example, gave rise to the emergence of surrealism and other avant-garde trends, while the Great Depression of the 1930s made jazz and blues, the music of the poor “black quarters” in the United States, popular all over the world. It was at that time that the notion gain currency that during economic distress songs get sadder, movies turn into family sagas, novels become lengthier, people tend to be more serious, and skirts grow longer.

How will culture and arts develop in the present-day circumstances?

Numerous forecasts and scenarios to this effect have been produced everywhere, including Japan. According to the author of this chapter, Japanese scholar Nishida Hideharu produced one of the more realistic and substantiated ones. He believes that in the current hard circumstances the Japanese economy will survive largely thanks to such cultural industries as fashion and production of cultural content – manga, anime, computer games, and other digital products.

In order to assess this forecast in practical terms one may refer to a not so distant period of economic stagnation in the 1990s, usually called the “lost decade.” What did Japan gain and/or lose during those years?

There was a sharp dropping off of the rate of growth of GDP – an average 1.7% for the period. Unemployment shot up from 2% to 5%. Declined birth rate and extended life expectancy led to rapid ageing of the population: the number of Japanese over the age of 65 rose from 14,930,000 to 24,100,000. The economy was skidding, political instability was on the rise, and the stratification of the population was gaining speed, while the awareness of the middle class was disintegrating. To make the picture complete there followed an earthquake in Kobe and the Aum Shinrikyo gas attack in the Tokyo subway.

Yet seen from a different perspective, one may come across some positive specifics associated with the period. It was a time when the Internet was already being used by more than 50% of the populace, and spreading rapidly. The country was making a transition to digital technologies, and engineering progress and the falling prices of IT products opened up to lay users the spheres of activity that were formerly accessible to professional users alone. A desk-top computer and a bunch of special programs made it possible to perform the same huge amount of creative work that in the past required a big studio and a large staff of well-trained personnel.

It was also a period of bloom for a new digital culture, as Japanese manga, anime, computer games, music, etc., were spreading around the globe via the Internet, not only winning devotees but also imparting a powerful impetus to the development of these genres of pop-culture in Japan. By this time, a new creative industry – manufacture of the so-called commercial culture products – had sprung up in several developed countries, Japan among them.

When the Japanese economy was in deep depression back in the 1990s, the number of employees in all creative industries grew by 16% (from 1.2 mln. in 1996 to 1.4 mln. in 2001); in other industries there was a 4.3% decline (from 60.9 mln. to 58.3 mln.).

The stagnation of the national economy and the curtailment of the home demand forced the creative sector to concentrate on promoting its products on the world market. Between 1996 and 2006, exports of cultural products grew more than three times – from 837 billion yen (\$8 billion) to 2 trillion 539 billion yen (\$25 billion). For comparison's sake one may note that Japan's entire industrial exports rose during the period by 68 %.

As quite a number of experts point out, the cultural influence of Japan in world grew impressively precisely at a time when the country's economy and politics were experiencing dark times. Indeed, during the 1990s Japan emerged as a cultural superpower, and its cultural influence around the globe increased thanks to the spread of pop-culture, including animation, video games, etc (in addition to traditional arts, design and cuisine).

One may borrow a term from the well-known political scholar Josef Noem, who said that the period had seen a significant growth of Japan's "soft power," that is increase of its influence on the world through culture.

Will Japan be able to repeat the feat this time around? Many experts are of the opinion that Japan stands a good chance of boosting production and consumption of modern-day cultural-content products and, hence, of greatly increasing their share in its overall exports. Hence, continued growth of its "soft power" is to be expected.

As regards the nearest upshots of the crisis, they are quite obvious. Among them are substantial cuts in such important funding for culture as direct payments from business: donations from sponsors, charitable allocations for advertising, etc.

Considerable changes also occur in state cultural policy. Although the 2009 budget of the Department of Culture was increased by 0.3%, its structure underwent adjustments that were far from positive. Thus, the amount of funding for personnel training in the field of arts and culture was reduced and additional funding of cultural institutions was put on hold.

But the primary effects of any crisis are an outburst of emotions, heightened state of critical public opinion, intensified accent of social issues in literature and art, etc. It is noteworthy that the crisis seems to have rekindled interest among some Japanese readers in the proletarian literature of the 1930s, in particular, the works of the founder of that trend, the communist writer Kobayashi Takiji. Furthermore, F. M. Dostoyevsky, with his philosophical reflections on eternal spiritual values and secrets of human existence, regained his popularity in today's Japan as well.

Taking this situation into consideration, the Japanese publishers reoriented their business to publications of cheaper books, depriving them of polygraphic extravagances and lowering prices. Likewise some Japanese cinemas, museums, and theaters cut down ticket prices for some categories of visitors.

Yet another tendency that has become more pronounced during the crisis is a rather successful progress attested in mass culture, above all in such principal exponents of the genre as manga and anime.

Part Three of the monograph is devoted to Japan's home and foreign policy; it opens with a chapter which gives a profound and comprehensive analysis of the mechanism of decision-making in the field of foreign policy.

The author of this chapter asserts that the world financial and economic crisis is fraught with profound political consequences for Japan, as the need to elaborate a strategy to extricate the country from the extraordinary situation may put on the agenda an item such as radical transformation of political institutions.

Since foreign-policy is an important component of the strategy to disentangle Japan from the crisis, it is very interesting to examine internal factors involved in the foreign-policy process. The chapter includes a detailed description of legal norms underlying the foreign-policy making process and examines the importance and functions of its makers – cabinet of ministers, parliament, individual officials in the state administration hierarchy, and the part played by political parties, business circles, the expert community, and public opinion.

While examining the foreign-policy functions of various ministries and departments (such as the ministry of foreign affairs, the ministry of the economy, trade and industry, the ministry of finance, and the ministry of agriculture, forestry and fisheries, etc.), the author concludes that circumstances characterizing the realization of Japan's foreign policy in the post-war period were marked by considerable departmental dissociation and sectionalism, intradepartmental egoism, and a relative weakness of general coordination on the part of the cabinet and prime-minister.

Moreover, though the ministry of foreign affairs is formally the chief department as regards foreign-policy matters, various other government departments may perform parts in decision-making depending on a concrete context. During the last decade, for example, the ministry of foreign affairs and the ministry of the economy, trade and industry, in implementing their strategy for extending the formats of agreement on free trade and economic partnership, constantly conflicted with the ministry of agriculture and the ministry of public health and labor, which opposed liberalization of the home market and free imports of foreign labor to Japan.

Though the bureaucratic component performs key functions in the foreign-policy process, the independence of the foreign-policy departments from politicians is relative. The ministry of foreign affairs, for example, restricted as it is in its capabilities of seeking political "cover" in parliament, is quite exposed to interference on the part of political authorities.

The past decade has witnessed a certain shift in the subject base underlying the process of foreign-policy planning toward its non-government component, political structures, above all. This has manifested itself in strengthening the part played by bodies engaged in political planning within political parties, and the part played by what is known as "manifestos," or programs promulgated during parliamentary election campaigns. Besides, foreign-policy moves made on behalf of individual political leaders (such as heads of government, ministers of foreign affairs and the economy, trade and industry, and leaders of opposition parties) objectively acquire ever greater importance.

As regards differences between the principal political parties making up the backbone of the emerging two-party system – the Liberal Democratic

and the Democratic parties, the debate between them on the main international issues is of no fundamental importance. To illustrate, one can refer to the difference between them regarding the issue of sending "forces of self-defense" abroad. Both parties acknowledge the legitimacy of Japanese troops' participation in peace-keeping operations, yet, unlike the Democratic Party of Japan (DPJ), the Liberal Democratic Party (LDP) does not regard the UN mandate as binding Japan to assume military responsibilities within the anti-terrorist coalition.

With the recent coming to power of the Democratic Party and its cabinet led by Yu. Hatoyama, experts switched their attention to particulars in the preparation of decisions within the DPJ apparatus. Whether the change of administration and formation of a two-party system will bring about substantial corrections to this process remains to be seen. What is clear at this time is that DPJ lacks both experience and a bifurcated and well-institutionalized infrastructure to prepare foreign-policy decisions. It seems most likely that DPJ will rely, to a greater extent than LDP, on structure of political planning that are alternative to the bureaucratic structures. One of the principal agencies of this type will be the Japanese Agency for State Strategy, which will become formally integrated into the mechanism of state administration while retaining its essential status of a non-bureaucratic body.

The greater importance of foreign-trade in the government's international activities (which is due to the limited resources on which the economy can rely and the orientation of the industry toward exports) results in considerable influence on the foreign-policy process exerted by Japan's business circles. This influence is especially noticeable in Japan's relations with countries of East and South-East Asia, key recipients of Japanese investments. It was not unusual that Japan's official position in negotiations with foreign trade partners was modified considerably to suit the interests of farmers and fisheries workers, who make an important electoral base of the ruling bloc's parties.

Several entrepreneur associations and other economic organizations pool their efforts in order to consolidate and articulate various and diverse (often even contradictory) interests of business circles as regards foreign policy. Among major such organizations are Nippon Keidanren (Federation of Economic Organizations), Nissho (Chamber of Commerce and Industry), and Keizai dooyukai (Association of Economic Associates). These organizations lobby the government by presenting their views of the foreign policy agenda and proposing their solutions to problems through personal contacts of influential businessmen with representatives of foreign governments and by participating together with government agencies in negotiations with foreign partners, etc.

The expert community has some bearing on the foreign-policy process, too. There are several hundred “think-tanks” in Japan, which, however, differ greatly in their scope, legal status, influence, and expert staff potential. These centers often come forth with interesting analytical materials and evaluations, which are taken into account by official structures, such as the ministry of foreign affairs. At the same time, these centers have only limited possibilities to influence their target audiences, especially in comparison to other countries.

It is the country’s public that has recently exerted ever growing influence on the foreign-policy process. This is due, to a large extent, to the growing significance of populism as a major political resource used by both those in office and the opposition camp. The trend has gained new strength especially after 2001, when D. Koizumi ran the risk of appealing for support to the party masses. The story of Japanese citizens kidnapped by the secret services of North Korea was vigorously disseminated with a view to raising the ratings of the administration; the story evoked a much bigger response at home than abroad.

Pacifism, that is the preservation of the country’s unique non-military status, should be considered among the systemic features of Japanese mentality that has a bearing on decision-making with regard to foreign-policy. Other features of this kind are “Asiatism,” or Japan’s belonging to the East-Asian cultural and civilization area, and Western missionary work, that is awareness of the Japanese of their belonging to the western community and of its specific mission in Asia as a purveyor of the western value system. The weakening of its pacifistic component points to the general vector that has recently characterized the development of the nation’s foreign-policy mentality. This is linked to generational changes and the fading of memories of war-time hardships accompanied by the strengthening of “Asiatism” and “missionary” elements.

Meanwhile, the influence of public opinion on foreign policy decision-making is of mediated nature; it manifests itself during parliamentary elections in the form of support for this or that party that uses (or does not use) foreign-policy initiatives in its political platform. By and large, foreign-policy issues recede to the outlying spheres in the post-bipolar epoch, leaving the foreground to home-policy issues.

The past few years have seen a greater role played by “people diplomacy,” which can, under certain circumstances, exert a direct effect on the foreign policy process. This is seen especially evident in Japan’s relations with countries such as Taiwan, Iraq, Russia, Belarus, and some African countries, as official Tokyo feels somewhat tight in dealing with them. Here, NGOs and non-commercial organizations, especially those active in

the humanitarian or cultural fields, can play a more important part improving the image of their country and helping it promote its international relations. To illustrate, some humanitarian organizations active in Iraq did a lot to supplement and extend the mission performed by the “self-defense” units, which were there as part of the peace-keeping contingent.

Referring to influence of the current crisis in Japan’s foreign policy, the chapter of the book which deals with this problem shows that along with the global financial crisis, a unique situation in domestic political atmosphere after the opposition Democratic party of Japan (DPJ) won a victory in the lower house also made its impact on foreign policy.

However, this internal political factor should not be overestimated. So far, the novelties declared by the DPJ leadership in foreign policy, particularly in the spheres of bilateral American-Japanese and Russian-Japanese relations, were not yet confirmed with any concrete approaches. At the same time, the existence of long-term national goals and plans supported with strong economic potential is a warranty for stability and continuity in Tokyo’s foreign policy at global, regional and bilateral levels.

As for the global level, first of all, Japan has become much more actively engaged in collaboration with the United Nations. Japan, one of major contributors to the UN (Japan’s contribution to the regular budget of the United Nations is 20%) was again elected to the Security Council as its non-permanent member for the period of 2009–2010. Japan is focusing its attention on the need to reform the UN, to improve its structure, to optimize its activities and to strengthen its budgetary discipline. Along with these efforts, Japan is trying to secure larger participation of its personnel in the UN System in order to make it adequate to the nation’s financial contribution and to its worldwide authority.

Japan is an influential participant in summits of The Group of Eight and The Group of Twenty. In particular, Japan took active part in discussions about ways of exit from the global financial crisis at the G-8 and G-20 summits in 2008–2009. Tokyo supported general regulatory and policy approaches, that is, the idea of taking additional measures for stronger international supervision of financial markets, and also spoke in favor of upgrading the regulatory standards that are maintained in the international financial system, to begin with the IMF and the World Bank.

At the regional level, Asia Pacific remains the crucial direction. With coming of the Hatoyama Yukio Cabinet to power, Tokyo clearly tries to improve its image in this region with the aim to take over the leadership in crucial areas of regional diplomacy. A concept of East Asian Community advocated by the new prime minister was a symbolic event in these efforts.

The idea to build the so-called monolithic East Asian Community (EAC) was manifested in the DPJ election campaign as one of key

components of the new policy course that was aimed at improving relations with close neighbors in the Asia Pacific region, the relations which bear the burden of antagonistic attitudes to past history.

The new Japanese leader sees the East Asian Community as a sturdy and closely knit integration of Asian nations that will be comparable to the EU in terms of its scale and goals, including creation of a single regional currency. The new leader suggests that building of the Community on the principles of open regionalism should be relied on experience, which has been accumulated by Asian countries in economic collaboration (including trade liberalization and financial cooperation under free trade agreements), in protection of environment, and in control of natural disasters. Positive development of bilateral relations should be also used, as well as closer interaction under the existing multilateral structure.

At the level of bilateral relations, Japan's relationship with the United States is an absolute priority, and the military and political alliance with the USA remains a "cornerstone" of Japan's foreign policy, in the first place as a guarantee of national security. At the same time, prime minister Hatoyama has recently began to stress the need to adapt this relationship to new realities, including provision of greater role of Japan in the alliance and its extension to "non-military" areas, such as public health, education and other.

The United States also support the expansion of Japan's role in the alliance, but in such way as to reserve the main functions and to pass auxiliary functions to Japan.

In spite of these opposing views, the parties recognize that the bilateral alliance is a matter of crucial importance not only for the guarantee of Japan's national security but also for maintenance of stability in the entire Asia Pacific region.

Relations with China also belong to priorities of Japan's foreign policy, for the Japanese regard China as the perspective "number two" in world politics. China welcomed the advent of Hatoyama to power and took it for a positive signal for further promotion of political and economic relations between the two nations. At the same time, recent official talks between Japan and China give evidence to the fact that the two nations still keep a number of serious differences in their approach to problems related to their national interests.

In general, Japan's foreign policy under the current crisis shows steadiness and continuity. At the same time, new tendencies are visible – towards a more active role of Japan in the world. This will create new opportunities for a more active interaction between Russia and Japan in the Asia and the Pacific region, including perspective strategic partnership. This kind of partnership will presume real cooperation in guaranteeing security at global

and regional levels, mutual assistance in international affairs, large-scale economic, scientific and technological cooperation, and major expansion of cultural, humanitarian and personal exchanges and inter-regional relations.

Significant changes have also occurred in Japan's political system during the crisis years. Chief among them is that the need to create an effective two-party system moved from the realm of theoretical thinking to the sphere of practical politics.

Several reasons led to this happening. First, the Liberal Democrats were rapidly losing electoral support, with the popularity of Aso Taro's cabinet falling by February 2009 to the critical low 14 %. Second, disagreement within the party regarding the implementation of the main course became so acute that outlines of a possible split began to take shape within the ranks of LDP. The third reason was the continuing strengthening of LDP's chief opponent, the Democratic Party of Japan, which, advocating "change of the political regime", achieved an unprecedented victory in the August 2009 elections – winning 308 out of 480 mandates. It was for the first time that an opposition party came to power winning so many seats in the lower chamber of parliament (and the first instance when one party got so many seats). The Liberal Democrats preserved slightly over one-third of their mandates, and many of its "heavy weights" did not make it on board the new parliament.

Setting up a two-party system in Japan is an issue with a long history. It would seem that conditions to form a political system of the classical European type were available back in the first post-war decade. It was the conservatives, however, who came to power practically from the very beginning, and who kept it permanently till the early 1990s. Ever since its establishment in 1955 as a result of the merger of the Liberal and the Democratic parties and up to 1993, LDP formed all cabinets unassisted. This unity of the conservative forces was dictated by the needs of building a powerful economy. Hence, LDP came into being as a parliamentary party whose goal was to gain and keep power. Contributing to the dominant party phenomenon that began to function in the country was the electoral system of those days, namely, a multi-mandate system of relative majority under which several deputies are elected from each district; the system facilitated major parties to get more mandates, while guaranteeing the presence of several parties in representative organs of power. With several different parties functioning in society, the arrangement appeared pluralistic.

The political structure that came forth in 1955 concentrated all conservative forces, represented by LDP, at one pole, and all social-democratic forces, represented by the Socialist Party of Japan (SPJ, nowadays SDPJ), on the other. For many years, the correlation between the ruling party and

opposition as a whole reflected the real situation in society where LDP represented the interests of people as a whole while the opposition parties stood for relatively small groups. It is noteworthy that it was not opposition parties but LDP which, thanks to its factionalism, ensured the dynamism of Japan's social development. Rivalry among factions for real political power ensured that the party course remained flexible and adaptive, while preserving its fundamental continuity.

Despite gradual changes in the correlation of forces both among the major parties and the new ones, which kept springing into being now and again, and despite serious crisis phenomena manifesting themselves in the ruling party, no other force could really compete with it for power; this was so because the opposition, while criticizing all and everything, had never come forth with positive alternatives. At the same time, serious changes in the situation at home, the diversification of the elite, diversity of public preferences, and growing interest in the experience of West European countries – all that pointed to Japan's intention not only to make its political potential in the world match its economic one, but also to seek ways to renovate their country inside. One of the first such ways was the altering of the political system whereby the country's two major parties should take turns ruling Japan.

All debate on the establishment of a capable opposition body and on transition to a two-party system before the 1990s, were nothing if not a mere speculation. The debate moved to a practical plane only after the 1993 elections, when the one-party rule of LDP had ended and new parties came into being, which, after their self-disbanding, integrated with the older ones to form a united nation-wide Party of New Frontiers (PNF). This opened a real opportunity for a collation of opposition forces, which might now compel LDP to power-sharing. It so happened, however, that PNF only lasted till 1997, when it split into six parties, the largest of which were the Liberal Party led by I. Ozawa and the New Komeito Party, which revived itself in 1998 after self-dissolution.

Japan's election system was modified in 1994: one-mandate electoral districts replaced the old arrangement (which left little hope for smaller parties), but, by way of compromise, the proportional representation according to party lists was still retained. The results of 2009 election showed the new system to be effective. One of the most important goals of the new system was to shift the center of gravity of political struggle from the personality of candidates to the parties, to enhancing their importance and attracting the attention of voters to their programs. The reform helped create an effective opposition, which put an end to many years of LDP monopoly of power.

The Democratic Party of Japan (DPJ) was founded in the late 1990s by former members of several opposition parties; it positioned itself as a party of urban populace. In 2003, it united with the Liberal Party of I. Ozawa, an event that the two leaders regarded as a major step toward formation of a two-party system. The new party was chaired, in turn, by Kan Naoto and Hatoyama Yukio, and for one year this post was held by K. Okada and S. Maehara. In 2006, I. Ozawa was asked to head the party, whose secretary general he became after the 2009 elections.

Contrary to asseverations by their leaders, the confrontation between the Liberal Democrats and Democrats is not of fundamental importance. Nearly all DPJ leaders are former members of LDP; they all have the same political and social background and share similar views and opinions.

For all of DPJ's many strong aspects, such as a large number of young and energetic deputies, who look good on television screens and rostrums, its rather "clean" image and not quite obvious links to lobbyist groups, its political status remained rather vague for quite some time. In fact, until the recent elections, most DPJ deputies did look like "kid brothers" of the Liberal Democrats.

DPJ was led to victory in 2009 by Yu. Hatoyama, who replaced earlier that year the former chairman, I. Ozawa. In his first formal statement as the leader of the winning party, the new elected Prime-Minister Hatoyama, who represents the fourth generation of the well-known political dynasty, said his party regards the election returns very seriously and is determined to justify the trust of its voters.

The victory scored by the Democrats is truly illustrious, but can they rule the country as effectively? The question is not at all rhetorical because the electoral support for the party is not as unconditional as its leaders tend to believe. This was made clear as a result of an opinion poll conducted by the Asahi newspaper immediately after the election. While voters welcome changes on the political arena in general, many of them are not overly fascinated with the populist promises DPJ made before the ballot and are not convinced the party will fulfill them.

The chief question at present is whether this party is capable of running the country as successfully as LDP did for over half a century. Only if the outcome of this operation is positive can one conclude that a real, stable, and effective two-party system has taken root in Japan.

Connoisseurs of political kitchen are eagerly waiting for the new parliament to begin its work; in particular, they are making forecasts as regards a possible split in the LDP ranks. "Dissidents" in that party, which lives through hard times, may choose to strengthen the ranks of the Democrats, or, conversely, may prefer building a new party of their own – which

is bound to make the Japan's political landscape even more various and diverse.

Continuing this theme, the next chapter of the Part Three presents a political life-story of Eto Seishiro, a well-known politician and one of the "heavy-weights" of the Liberal Democratic Party.

An analysis of Japan's political life in the epoch of economic crisis would be incomplete without account taken of the "human factor", justly notes the author. This refers to potential of the elite that may be involved in the search for ways out of home and international impasses and other conflicts.

After the defeat of his party in the 2009 elections, S. Eto, who held important posts in the party, government and parliament in the past, became the vice-speaker of the lower chamber of the country's parliament. With his political career lasting for four decades this "self-made" politician has a well-deserved reputation as a crisis manager, a reputation he served dealing, among other things, with problems facing the newly elected democratic government.

As head of the Department for National Defense (DND, the ministry of defense at present) in 1995 and 1996, Eto was involved in the settlement of the incident with US servicemen in Okinawa. A rather commonplace incident for this situation (the raping of a Japanese schoolgirl by US marines), the incident grew up to become a nation-wide campaign against US military bases and seriously aggravated relations between the two countries. Though Eto spoke strongly for revision of the existing agreements concerning the status of American military in Japan, and his stand received considerable support on the part of the public, he only managed to secure partial concessions. The issue acquired an added topicality, however, after the change of the political regime in the country in 2009, and it is premature at this time to think that a final settlement has been achieved yet. Furthermore, as head of DND, Eto commenced what proved to be successful regular ties between the defense departments of Japan and the Republic of Korea, and initiated establishment of similar contacts with Russia. He also proved his skills at reconciling conflict situations between Tokyo and Washington during his stint as state secretary at the ministry of foreign affairs in 2001.

As regards home policy, Eto is known for his interest in issues such as the development of merchant marine and protection of seafaring in the world ocean. As one of the authors of the Basic Sea Law, approved by parliament on April 20, 2007 and enacted three months later, Eto stressed the complex nature of the new law for Japan, where seafaring is a "lifeline" as, among other things, the country is highly dependent on imports of energy

resources. Well aware that the country's safety – economic, energy, raw-materials, and military proper – should be ensured in all the elements, Eto would emphasize the importance of land power and sky power alongside sea power. To borrow a geopolitical term, he is a champion of "borderline balance", whereby Japan can ensure its safety on land, at sea (within the limits of its territorial waters and the economic zone), and in air – the latter medium acquiring special significance in view of the threat of potential rocket attack from North Korea.

With LDP joining the ranks of the opposition, Seishiro Eto, despite his position as vice-speaker of the lower chamber (the second most important in that key body of parliament), can no longer influence the government's decisions directly, yet his versatile and successful experience as a crisis manager will undoubtedly come in handy in Japan's big-time politics today.

Раздел первый

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРИЗИС И ГОСУДАРСТВО

Еще летом 2008 г., когда мировой финансовый кризис был уже в самом разгаре, казалось, что Япония сможет относительно благополучно пережить потрясения, охватившие мировую экономику, и, прежде всего, наиболее развитые страны. Основанием для таких предположений служили следующие обстоятельства.

Во-первых, относительно меньшая по сравнению с другими развитыми странами степень вовлеченности Японии в процессы глобализации (особенно в сфере движения прямых и портфельных инвестиций).

Во-вторых, значительное повышение в последние годы в японском экспорте, импорте и зарубежных прямых инвестициях доли государств Восточной Азии (Китай, НИЭ Азии, АСЕАН), относительно меньше задетых мировым кризисом, и снижение доли развитых стран (в первую очередь США).

В-третьих, достаточно благополучное финансово-экономическое положение японских компаний и банков к началу кризиса как следствие их осторожного поведения в период последнего экономического подъема (2002–2007 гг.).

В-четвертых, значительное укрепление финансово-экономической мощи страны за время подъема 2002–2007 гг., улучшение качественных характеристик японской экономики в результате проведения структурных реформ.

И, наконец, в-пятых, наличие у государства «свежего» опыта по урегулированию проблемы неплатежей в банковской системе и преодолению дефляционного кризиса.

Однако, события, как известно, стали развиваться по совсем другому сценарию, и среди развитых государств Япония оказалась едва ли не в самом тяжелом положении.

Мировой кризис «добрался» до Японии во втором квартале 2008 г., когда в экономической динамике произошел перелом, ознаменовавший

окончание периода подъема конъюнктуры, продолжавшегося с конца 2002 г. При этом глубина потрясений, через которые японская экономика прошла в 2008–2009 гг., в немалой степени была предопределена именно характером экономического развития страны в период подъема 2002–2007 гг.

Подъем конъюнктуры, начавшийся в Японии с 2002 г. после выхода из тяжелой, многолетней депрессии, стал самым продолжительным за всю послевоенную историю развития страны. Позитивная динамика ВВП на годовом уровне отмечалась на протяжении почти шести лет (с первого квартала 2002 г. по первый квартал 2008 г.), а среднегодовые темпы роста составили более 2,0 %. При этом главной отличительной чертой этого подъема было то, что экономический рост происходил, прежде всего, за счет расширения внешнего спроса. Об этом наглядно свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Структура экономического роста Японии в 2002–2007 гг.
(по компонентам конечного спроса), %^{*}

Компоненты конечного спроса	Вклад в среднегодовые темпы роста	Вклад в рост ВВП
ВВП	2,2	100,0
Экспорт	1,3	59,0
Чистый экспорт ^{**}	0,7	31,0
Частные инвестиции в оборудование	0,8	37,0
Частный потребительский спрос	0,7	35,0
Инвестиции в общественные работы	-0,4	-20,0

^{*} Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior. Bank of Japan. October, 2007. Chart 2.

Чистый экспорт = экспорт-импорт

Как видно из данных табл. 1, в 2002–2007 гг. ведущим фактором экономического роста стал экспорт: за счет его расширения было обеспечено почти 60 % прироста ВВП. Такой характер роста японской экономики свидетельствует о том, что японские компании смогли весьма успешно воспользоваться теми позитивными тенденциями, которые наблюдались в эти годы в развитии мировой экономики. Так, если среднегодовые темпы роста мировой экономики в период 2002–

2007 гг. составили 4,5 %, то японский экспорт прирастал в среднем на 9,2 % в год (в реальном исчислении). При этом его доля в ВВП страны неуклонно повышалась и в 2007 г. достигла своего исторического максимума – 15,5 % (в 2002 г. она составляла 10,1 %), а в абсолютном выражении объем японского экспорта за эти годы увеличился с 49,5 трлн. иен до 79,7 трлн. иен¹.

В эпицентре подъема находилась обрабатывающая промышленность, на продукцию которой приходится более 90 % общей стоимости японского экспорта. Среднегодовые темпы роста промышленного производства составляли в эти годы порядка 2,5 %, а частных инвестиций в оборудование – около 4,2 % (причем в отдельные годы они прирастали темпами, не регистрировавшимися в Японии со времен экономики «мыльного пузыря»). Импульсы, посылаемые расширением экспорта, поддерживал рост внутреннего спроса на продукцию цифровой электроники. В результате во многих отраслях происходило не только расширение мощностей на действующих предприятиях, но и строительство новых.

Собственно финансовый кризис затронул Японию в меньшей степени, чем другие развитые страны. Благодаря предпринятым правительством мерам по оздоровлению банковской системы и усилиям самих банков к середине 2000-х годов удалось практически урегулировать проблему «плохих долгов» крупных банков, и с точки зрения структуры балансов их положение к началу кризиса было вполне благополучным (так, доля «плохих долгов» в их портфеле, в марте 2002 г. достигавшая 8,5 %, к марту 2007 г. снизилась до 1,5 %)². И хотя японский рынок ценных бумаг практически сразу же отреагировал на падение котировок на зарубежных фондовых рынках, здесь не было ничего подобного тем громким банкротствам, которые происходили летом-осенью 2008 г. в США и некоторых европейских странах.

Однако, ситуация стала быстро ухудшаться, когда в результате финансового кризиса началась рецессия в реальном секторе мировой экономики. О том, насколько значительным оказалось воздействие рецессии на японскую экономику, можно судить по данным, приведенным в табл. 2.

Как показывают данные табл. 2, ВВП Японии снижался на протяжении четырех кварталов – с начала второго квартала 2008 г. по конец первого квартала 2009 г., причем особенно заметным было его падение в четвертом квартале 2008 г. и первом квартале 2009 г. (3,6 % и 3,8 % соответственно). Из таблицы видно также, что главным фактором

¹ www.go.jp/datagetujidb/zuhyou

² JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, с. 55.

столь глубокого падения стало резкое сокращение экспорта, объем которого за полгода (четвертый квартал 2008 г. – первый квартал 2009 г.) уменьшился почти на 40%. При этом наряду с падением спроса на японскую продукцию на мировых рынках – не только со стороны развитых стран, охваченных рецессией, но и стран с быстрорастущей экономикой (включая Китай), пострадавших из-за резкого сужения экспортных возможностей – угнетающее воздействие на японский экспорт оказало значительное повышение курса иены по отношению к доллару.

Таблица 2

Динамика экономического развития Японии в 2008–2009 гг., % *

Основные Показатели	2008				2009	
	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	1 кв.	2 кв.
ВВП	0,6	-1,0	-0,5	-3,6	-3,8	0,9
Промышленное производство	-0,7	-0,8	-1,3	-11,3	-22,1	-0,8
Оптовые цены	3,5	4,9	7,1	2,6	-1,8	-5,3
Розничные цены	1,0	1,5	2,3	1,0	-0,1	-1,0
Конечный потребительский спрос	-0,4	-2,0	-0,5	-0,3	1,0	-0,2
Объем заказов на машины и оборудование, в том числе в обрабатывающей промышленности	2,2	0,6	-10,4	-15,1	-9,9	-4,9
	-5,9	2,7	-10,9	-22,4	-31,1	10,8
Инвестиции в общественные работы	-0,5	-8,3	11,3	-1,4	3,7	5,4
Экспорт	3,2	-3,3	1,7	-14,6	-28,9	12,3
Импорт	0,8	-3,2	2,9	0,7	-17,9	-1,8

* Monthly report of Recent Economic and Financial Developments. Bank of Japan, December, 2008; August, 2009 (www.go.jp/data/getujidb/zuhyou).

Рост курса иены начался в середине 2008 г. и продолжался до начала 2009 г. (за это время иена подорожала почти на 20 %), после чего наступила его относительная стабилизация. Отрицательные стороны этой ситуации усугублял тот факт, что иена оказалась единственной валютой, чей курс по отношению к доллару в условиях кризиса вырос: евро, фунт стерлингов, валюты стран с быстрорастущей экономикой с

началом кризиса и падением биржевых индексов, напротив, начали дешеветь относительно доллара.

Необычное поведение иены в период кризиса предопределили следующие обстоятельства. Во-первых, с началом кризиса разного рода предпринимательские структуры (банки, компании, инвестиционные фонды и т. д.), а также японские домохозяйки (которых стали называть «трейдеры в кимоно»), активно занимавшиеся операциями на валютном рынке по типу *carry trade* (смысл которых состоит в получении дохода за счет продажи низкодоходной валюты и покупки высокодоходной), закрыли свои позиции и конвертировали деньги в иены. Во-вторых, ввиду достаточно стабильного положения японской финансовой системы (по сравнению с финансовыми системами других развитых стран) с началом кризиса начался «уход» в иену мировых спекулятивных капиталов³. Два этих мощных потока привели к значительному возрастанию спроса на японскую валюту и спровоцировали повышение ее курса, что усугубило и без того тяжелое положение японских экспортеров.

Резкое снижение экспорта сначала нанесло удар по экспорториентированным и смежным с ними отраслям и производствам японской промышленности (на них приходится около 30% промышленного производства), а затем через каналы производственных связей начало оказывать воздействие и на другие отрасли. В результате в промышленности произошел спад производства, по глубине превзошедший как спад середины 1970-х гг., спровоцированный энергетическим кризисом 1973–74 гг., так и спад начала 1990-х годов, наступивший в результате краха экономики «мыльного пузыря». Так, если в период кризиса середины 70-х годов объем промышленного производства упал на 20% по отношению к предкризисному уровню, а в период кризиса начала 90-х годов – на 10%⁴, то с начала 2008 г. по май 2009 г. («дно» кризиса) общий объем промышленного производства сократился на 34%. Значительная часть производственных мощностей простаивала: в целом по промышленности степень загрузки оборудования к концу первого квартала 2009 г. снизилась почти на 40 % по сравнению с началом 2008 г.⁵.

Особенно драматичным было положение в ведущих машиностроительных отраслях. Так, в транспортном машиностроении в первом

³ Highlighting Japan. February, 2009, с. 17–18.

⁴ И. П. Лебедева «Япония: промышленность и предпринимательство». М., «Восточная литература» РАН, 2007, с. 21, 55.

⁵ Сэйсан сюкка дзайко сису какухо (Индексы производства, отгрузок и запасов). МЭТП, июнь 2009 г.

квартале 2009 г. объем производства оказался на 52% меньше показателя первого квартала 2008 г., в производстве электронных деталей и компонентов – на 49%, в общем машиностроении – на 50%, в производстве средств связи и информации – на 28%, в электромашиностроении – на 30%⁶.

Не менее тяжелым оказалось и положение зарубежной филиальной сети японских промышленных компаний. В последние годы на зарубежные предприятия приходилось уже более 18% общего объема производства японских компаний, а доходы от зарубежного предпринимательства составляли более 30% их совокупных доходов. Кроме того, происходило быстрое нарастание в японском экспорте доли товарных потоков, связанных с деятельностью зарубежных филиалов, и в последние годы она составляла уже почти 1/3 общей его стоимости⁷.

Как показывают недавние обследования, проведенные министерством экономики, торговли и промышленности Японии (МЭТП), кризис нанес довольно серьезный удар по зарубежной филиальной сети японских компаний. При этом, как и следовало ожидать, в наименьшей степени оказались задеты японские филиалы, расположенные в Восточной Азии, а в наибольшей – американские и западноевропейские филиалы.

Положение дел на японских предприятиях в США начало ухудшаться с середины 2008 г., и в результате их совокупный объем продаж в 2008 г. оказался на 16,4% меньше, чем в 2007 г., а в автомобилестроении – на 25,6%. Однако все рекорды побил первый квартал 2009: общее падение продаж составило почти 30% по сравнению с предыдущим кварталом, в том числе в автомобилестроении – 37%.

В Европе ситуация оказалась ничуть не лучше. В 2008 г. общий объем продаж японских филиалов сократился на 24,3% по сравнению с уровнем 2007 г., в том числе в автомобилестроении – на 31,0%, электромашиностроении – на 25,9%, общем машиностроении – на 24,8%. Но особенно тяжелым оказался первый квартал 2009 г., когда продажи упали почти на 1/4 по сравнению с предыдущим кварталом⁸.

В силу высокой зависимости от экспорта в развитые страны филиальная сеть японских компаний в Восточной Азии также ощутила на себе воздействие мирового кризиса. Согласно данным обследований МЭТП, в 2008 г. общий объем продаж азиатских филиалов сократился на 4,4% по сравнению с 2007 г., а в первом квартале 2009 г. упал еще

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, June 2009, с. 1–2; Кайгай гэнти ходзин-но доко (Развитие зарубежных предприятий). METI, March 2009.

на 20 % (относительно уровня предыдущего квартала). Особенно сильно пострадали японские предприятия, расположенные в НИЭ Азии (падение продаж в 2008 г. составило здесь 24,1%). В меньшей степени оказались задеты кризисом японские филиалы в АСЕАН (падение продаж в 2008 г. – 8,0%). Что же касается Китая, то хотя в целом за 2008 г. местные японские филиалы показали прирост продаж на 6,7%, в первом квартале 2009 г. и здесь произошло значительное – на 16,2% – падение их объема (главным образом за счет сокращения более чем на четверть экспорта в Японию и другие развитые страны)⁹.

Таким образом, если до кризиса зарубежная филиальная сеть являлась для японских компаний важным источником доходов и каналом расширения экспорта, то с началом кризиса она превратилась в источник дополнительных проблем, усугубляющих и без того тяжелое их положение.

Гораздо острее, чем собственно промышленное производство на сокращение экспорта и ухудшение мировой конъюнктуры отреагировали частные инвестиции в оборудование, в первую очередь инвестиции промышленных компаний. Как показывают данные табл. 1, объем заказов на машины и оборудование в целом по экономике начал снижаться со второго квартала 2008 г. и во втором квартале 2009 г. оказался на 35% меньше показателя годичной давности. В промышленности первое серьезное снижение объема заказов на машины и оборудование было зарегистрировано еще в первом квартале 2008 г., а затем, после незначительного всплеска во втором квартале, началось его стремительное падение, и в результате в первом квартале 2009 г. он оказался на 50% ниже уровня первого квартала 2008 г. Такого глубокого падения этого показателя японская экономика не знала ни в период кризиса середины 1970-х годов, ни в период депрессии 1990-х годов.

С началом рецессии еще больше обострилась и такая структурная проблема японской экономики, как вялый потребительский спрос. Он был не слишком активен и в период подъема 2002–2007 гг. – средние темпы прироста потребительских расходов составляли порядка 1,5%. Главным фактором, сдерживавшим потребительскую активность населения в эти годы, было ограничение роста заработной платы, особенно в крупных компаниях, стремившихся в условиях усиления глобальной конкуренции сдерживать рост издержек на оплату труда. Так, например, в промышленности при росте производительности труда за 2002–2007 гг. на 16,7% заработная плата возросла лишь на 2,5%¹⁰.

Что же касается нынешней ситуации, то, как видно из данных табл. 2, темпы прироста потребительских расходов ушли в область отрицатель-

⁹ Там же.

¹⁰ www.jil.go.jp/english/estatis/

ных значений с самого начала рецессии. Помимо депрессивных настроений, усиливавшихся в японском обществе по мере углубления рецессии, угнетающее воздействие на склонность населения к потреблению оказали и меры, предпринятые компаниями в сфере управления трудом.

В ряду этих мер, прежде всего, следует упомянуть о расширении использования компаниями различных форм временного найма. К этой мере они прибегали и раньше, в том числе и в период подъема конъюнктуры 2002–2007 гг. Однако в эти годы при опережающих темпах роста численности временных работников происходил и рост числа постоянных работников, хотя и значительно более медленными темпами. Так, если численность временных работников увеличилась за 2002–2007 гг. на 19,2%, то численность постоянно занятых – лишь на 2,5%. Особенностью же нынешней ситуации стало то, что с января 2009 г. расширение масштабов временной занятости происходило при одновременном сокращении числа постоянных работников. В результате, если численность временной рабочей силы к июню 2009 г. возросла на 2,7% по сравнению с показателем годичной давности, то число постоянных работников сократилось на 1,2%, в том числе в обрабатывающей промышленности (которая в течение всего послевоенного периода была цитаделью системы пожизненного найма) – на 2,7%¹¹.

Весьма наглядно изменение подходов японских компаний к вопросам найма рабочей силы отражает динамика такого важного индикатора состояния рынка труда, как коэффициент эффективного спроса на труд (показывающего соотношение между числом вакансий и количеством претендентов на них). Вот как выглядела в последние годы динамика этого показателя по двум категориям – временная рабочая сила и постоянные работники (%)¹²:

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г.
			январь	июнь
Временная рабочая сила	1,42	1,24	1,02	0,72
Постоянные работники	0,92	0,76	0,55	0,35

По разным оценкам, сейчас в Японии доля лиц, работающих на условиях временной или неполной занятости, составляет от 33 до 39% общей численности рабочей силы (в 1990-е годы она не превышала 20%). Если учесть, что доходы лиц этой категории в среднем в два раза ниже доходов постоянных работников (примерно 2–3 млн. иен и 6 млн. иен

¹¹ Main Labor Economic Indicators. August 2009. (www.jil.go.jp/english/estatis).

¹² Там же.

в год соответственно), то становится очевидно, что такие изменения в структуре рабочей силы не могли не повлиять отрицательно на потребительскую активность населения¹³.

Аналогичным было и воздействие другой меры, к которой прибегли японские компании с началом рецессии – сокращения размеров заработной платы. Так, в промышленности в 2008 г. размеры реальной заработной платы уменьшились на 1,8% по сравнению с предыдущим годом, а в июне 2009 г. она оказалась уже на 5,2% ниже уровня годичной давности. Однако, если сопоставить эти цифры с динамикой индекса производительности труда, то станет понятно, насколько неизбежна и даже оправдана была эта мера в нынешней ситуации. Так, индекс производительности труда (уровень 2005 г. принят за 100), поднявшись к сентябрю 2008 г. до 108,1, к декабрю опустился до 88,6, а к февралю 2009 г. – до 72,6 (в марте – июне он колебался в пределах 75–85)¹⁴.

Хотя очевидно, что меры по реструктуризации занятости и ограничению заработной платы, предпринятые японскими компаниями, способствовали сокращению потребительского спроса населения, нельзя не признать, что масштабы этих мер были гораздо скромнее масштабов тех потерь, которые понесла японская экономика, и особенно промышленность, в результате рецессии. Это лишний раз свидетельствует о том, что при всех изменениях менеджмент японских компаний по-прежнему относится к своим работникам как к наиболее ценному производственному ресурсу и делает все возможное для того, чтобы смягчить для них последствия разного рода экономических неурядиц.

Помимо упомянутых выше еще целый ряд экономических показателей позволяет судить о том, насколько глубоко поразила рецессия японскую экономику.

Так, уровень безработицы, в первом квартале 2008 г. составлявший 3,9%, в первом квартале 2009 г. достиг 4,5%, а во втором – уже 5,2%. Уровень прибыли (рассчитанный как отношение прибыли к объему продаж) в целом по экономике снизился с 4,3% во втором квартале 2008 г. до 1,4% в первом квартале 2009 г., при этом многие крупные и крупнейшие компании завершили 2008 фин. г. с убытками. Количество часов, отработанных одним работником за месяц, к июню 2009 г. оказалось на 11% меньше показателя годичной давности (137,9 часа и 154,7 часа соответственно). Наконец, число банкротств, в первом

¹³ Japan Echo. April 2009, p. 24. См. также главу Т. Н. Матрусовой в настоящей монографии.

¹⁴ Main Labor Economic Indicators. August 2009.

квартале 2008 г. составившее 1238 случаев в месяц, в четвертом квартале увеличилось до 1356, а в первом квартале 2009 г. – до 1405¹⁵.

Углубление рецессии в начале 2009 г. породило еще одну проблему: с января началось снижение оптовых цен, а с февраля начали снижаться и розничные цены. В результате над экономикой страны нависла угроза дефляции, которая может существенно осложнить задачу преодоления рецессии. Ведь дефляция, как известно, препятствует восстановлению инвестиционного и потребительского спроса, поскольку и экономические агенты, и индивидуальные потребители, ожидая дальнейшего снижения цен, откладывают реализацию своих планов на будущее. Эта угроза тем более реальна, что японская экономика лишь совсем недавно смогла вырваться из дефляционной спирали, в которую вошла в конце 1990-х годов (оптовые цены начали повышаться с 2004 г., а розничные – только с 2006 г.), и позитивные тенденции еще не успели набрать силу.

С очерченной выше суровой реальностью и пришлось иметь дело японскому правительству во главе с Т. Асо, пришедшему к власти в сентябре 2008 г., т. е. накануне вступления Японии в самый тяжелый этап нынешней рецессии – последний квартал 2008 г. – первый квартал 2009 г.

Следует подчеркнуть, что с самого начала своей деятельности на посту премьер-министра Т. Асо хорошо понимал, как непросто будет преодолеть кризис, поразивший японскую экономику. Еще в сентябре 2008 г., в преддверии своего избрания на этот пост, он заявлял, что для полного восстановления экономики Японии потребуются не менее трех лет. Серьезность ситуации требовала быстрых действий, и первый пакет мер по противодействию кризису, который получил название «Меры по поддержке жизнедеятельности населения», был представлен уже 30 октября 2008 г.¹⁶

В этом документе отмечалось, что наряду с мировым финансовым кризисом появляется все больше симптомов рецессии в реальном секторе мировой экономики и что, хотя финансовая система Японии по сравнению с финансовыми системами других развитых стран находится в относительно благополучном состоянии, экономика страны под воздействием мирового кризиса может оказаться ввергнута в продолжительный спад. В этих условиях, говорилось в документе, необходимо как можно быстрее трансформировать структуру экономики с тем, чтобы перейти к росту, основанному на частном внутреннем

¹⁵ Monthly Report of Resent Economic and Financial Developments. BOJ. August 2009; Main Labor Economic Indicators. JIL. August 2009.

¹⁶ Economic Policy Package: Measures to Support People's Daily Lives. (www.cao.go.jp/).

спросе. Для достижения этой цели правительство выделило три приоритетных направления политики – поддержка населения, укрепление финансовой системы и стабилизация экономики, содействие реализации потенциала развития регионов. Общая стоимость пакета предложенных мер составила 26,9 трлн. иен, а распределялись эти средства следующим образом:

I. Поддержка населения	3,0
Срочная помощь семьям	2,0
Поддержка занятости	0,3
Прочие меры	0,7
II. Укрепление финансовой системы и стабилизация экономики	21,9
Стабилизация финансовой системы и рынка капиталов	—
Поддержка мелкого и среднего предпринимательства	21,8
Содействие экономическому росту	0,1
III. Содействие реализации потенциала роста регионов	2,0
Меры по оживлению регионов	1,0
Инвестиции в жилищное строительство и предотвращение стихийных бедствий	0,4
Поддержка местных правительств	0,6

Как видно из приведенных выше цифр, основной акцент в этом пакете мер сделан на втором направлении, а именно на оказании поддержки мелким и средним предприятиям, что, с учетом той важной роли, которую играет малый бизнес в экономике страны и поддержании ее социально-политической стабильности, представляется весьма своевременным и нужным шагом. В частности, предусматривалось увеличение на 14 трлн. иен (в дополнение к выделенным ранее 6 трлн. иен) объема средств, направляемых на гарантирование государством кредитов частных банков мелким и средним предприятиям, а также увеличение на 7 трлн. иен (в дополнение к выделенным прежде 3 трлн. иен) объема кредитов, предоставляемых малому бизнесу государственными финансовыми институтами (Финансовой корпорацией и Банком торгово-промышленных кооперативов)¹⁷.

Кроме того, для всех категорий предприятий предусматривалось введение схемы ускоренной амортизации энергосберегающего оборудо-

¹⁷ Там же, с. 9.

ования и оборудования по производству новых видов энергии, а также льготное финансирование НИОКР и инноваций.

Что касается мер, направленных на поддержку населения, то помимо осуществления до конца 2008 ф. г. выплат единовременных дотаций всем гражданам страны и сокращения на 0,4% взносов в систему страхования по безработице, правительство брало на себя следующие обязательства: обратиться к бизнес-сообществу с предложением о повышении заработной платы; провести переговоры с компаниями-поставщиками электроэнергии и газа о сдерживании роста тарифов в январе-марте 2009 г.; пересмотреть цены на импортируемую пшеницу с учетом изменения цен на мировых рынках; оказывать финансовую поддержку предприятиям, нанимающим пожилых работников; создать в сфере ухода за престарелыми и инвалидами дополнительно порядка 100 тыс. рабочих мест и т. д.

Наконец, в комплексе мер по реализации потенциала роста регионов наряду с такими традиционными направлениями, как развитие и совершенствование инфраструктуры, стимулирование жилищного строительства, содействие развитию сельского хозяйства, рыболовства, лесного хозяйства, местных промыслов и т. д. появилось и такое «новшество», как снижение платы за пользование скоростными дорогами в выходные дни с целью развития внутреннего туризма.

Следует также отметить, что в первом пакете мер по противодействию кризису особо оговаривалось, что реализация предложенных мер не будет входить в противоречие с предшествующим курсом правительства на оздоровление государственных финансов (т. е. с курсом на достижение к 2011 г. баланса первичного бюджета) и что их финансирование не будет осуществляться за счет выпуска государственных облигаций, чтобы не перекладывать финансовое бремя на плечи будущих поколений. Государство также брало на себя обязательство и дальше проводить реформу государственных расходов, а также как можно быстрее разработать среднесрочную программу создания устойчивой системы социального обеспечения и формирования стабильных источников доходов для нее¹⁸.

Следующим шагом правительства в борьбе с кризисом можно считать ряд специальных мер, направленных на оздоровление финансовой системы и рынка капиталов. Хотя осенью 2008 г. рецессия в реальном секторе экономики была уже налицо, правительство полагало, что предотвратить ее дальнейшее углубление можно путем улучшения ситуации в финансовой системе страны. Как отмечалось выше, к началу финансового кризиса банковская система Японии находилась в

¹⁸ Там же, с. 4, 5–14.

достаточно благополучном положении: балансы банков были практически очищены от «плохих долгов», в стране не было финансовых пузырей, подобных тем, что образовались в США или Великобритании. Тем не менее, когда началось падение фондовых рынков по всему миру, японские банки стали нести убытки от инвестиций в ценные бумаги, прежде всего за рубежом. И хотя эти убытки в основном остались нереализованными, это создало дополнительное давление на капитал банков и негативно повлияло на возможности их кредитной экспансии¹⁹.

О необходимости принятия специальных мер по стабилизации положения в финансовой сфере и на рынке капиталов Т. Асо заявил 15 ноября 2008 г. В документе, названном «Преодолеваю нынешний кризис. Предложения Таро Асо на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу», он назвал эту сферу главным приоритетом текущей экономической политики правительства. При этом в краткосрочном плане предлагалось сделать акцент на таких мерах, как:

- объективная оценка и раннее обнаружение «плохих долгов» на основании соответствующих критериев, списание их с балансов;
- вливание средств в банки с использованием общественных фондов до тех пор, пока не заработает механизм обеспечения экономики кредитами на достаточном уровне;
- использование схемы одновременного избавления от «плохих долгов» финансовых институтов и уменьшения объема чрезмерных долгов компаний-заемщиков;
- обеспечение экономики ликвидными ресурсами со стороны Банка Японии (в частности, долларами)²⁰.

Эти идеи легли в основу обнародованной 12 декабря 2008 г. новой программы борьбы с кризисом, получившей название «Срочные меры по защите жизнедеятельности народа». Общая стоимость этой программы (включая некоторые меры, входившие и в первый пакет) составила 44 трлн. иен, из которых основная часть – 33 трлн. иен – выделялась на цели стабилизации финансовой системы и оказание поддержки корпорациям²¹.

В рамках этого направления были определены две основные схемы поддержки.

¹⁹ Подробно см. интервью Р. Ку («Эксперт», № 15 (654), 20 апреля 2009 г.). О положении финансовой системы Японии в период кризиса см. главу Е. Л. Леонтьевой в настоящей монографии.

²⁰ Overcoming the Current Crisis. Taro Aso's Proposals for short, mid- and long terms, p. 2–3. (www.cao.go.jp/).

²¹ Immediate Policy Package to Safeguard People's Daily Lives. December 19, 2009. (www.cao.go.jp/).

Во-первых, предусматривалось увеличение с 2 трлн. иен до 12 трлн. иен объема средств, направляемых на расширение участия государства в капитале финансовых институтов, кредитующих мелкий и средний бизнес и содействующих оживлению местных экономик. Законодательную основу этой меры составил принятый 12 декабря закон «Об активизации функционирования финансовой системы», который будет действовать до марта 2012 г., а ее финансовой базой станут депозиты, накопленные на счетах Корпорации страхования депозитов (объем которых достигает 17 трлн. иен)²².

Во-вторых, предусматривалось расширение объема операций Корпорации по покупке акций частных банков (специальной государственной структуры, созданной в январе 2002 г. с целью скупки акций банков, если начинается их массовый выброс на рынок, для недопущения резкого падения биржевых котировок). На финансирование этой меры направлялось 20 трлн. иен (что потребовало соответствующего повышения верхнего предела выпуска государственных обязательств под эти цели).

Кроме того, 12 декабря была запущена еще одна предусмотренная программой схема, имеющая целью облегчение финансового положения компаний путем покупки государством их коммерческих бумаг (СР). В этих операциях государство должен представлять Японский банк развития, а в качестве источника средств для них (общим объемом 2 трлн. иен) предполагалось использовать фонды Японской финансовой корпорации.

Другая часть программы (объемом более 10 трлн. иен) представляет собой набор разного рода фискальных мер. Расходы на заявленные в первой программе меры по поддержке населения (выплата единовременных дотаций всем гражданам страны, увеличение затрат на организацию ухода за престарелыми, детьми, инвалидами и т. д.) были увеличены в два раза – до 6 трлн. иен. Остальные средства (более 4 трлн. иен) распределялись следующим образом:

- поддержка занятости (выплата пособий по безработице, предоставление субсидий компаниям, нанимающим командированных работников на условиях постоянного найма, выделение грантов местным органам власти на создание новых рабочих мест, распространение системы страхования по безработице на временных работников и т. д.) – 2,1 трлн. иен;
- создание специального бюджета для быстрого реагирования на изменение экономической ситуации (использование этих средств в пределах финансового года для таких целей, как поддержка занятости,

²² Japan Brief/ FPCJ, No. 0872 December 17, 2008.

финансирование малого бизнеса и инфраструктурных проектов и т. д.) – 1 трлн. иен;

– сокращение налогов (резкое снижение ставки налога на ипотечные кредиты, введение ускоренной амортизации для энергосберегающего оборудования и оборудования по производству новых видов энергии, временное снижение с 22% до 18% налога на прибыль для мелких и средних предприятий, продление на три года срока применения нынешней 10%-ной ставки налога на дивиденды и на доходы от капитала и т. д.) – 1,1 трлн. иен.

Таким образом, за вычетом стоимости некоторых дублирующих первую программу мер общий объем средств, выделенных японским правительством на борьбу с кризисом, на конец 2008 г. составил 64 трлн. (более 650 млрд. долл.). При этом в отличие от первой программы во втором пакете антикризисных мер об обязательствах государства обеспечить к 2011 г. достижение баланса первичного бюджета уже не упоминалось. Более того, в течение 2008 ф. г. для обеспечения этих программ финансовыми ресурсами потребовалось принятие двух дополнительных бюджетов на общую сумму 27 трлн. иен, и было совершенно очевидно, что бюджет 2009 фин. г. еще более отдалит достижение этой цели.

Между тем частный сектор на усилия, предпринимаемые правительством, практически не реагировал, макроэкономическая ситуация продолжала быстро ухудшаться, и в такой обстановке на повестку дня встал вопрос о принятии бюджета на 2009 фин. г.

Следует отметить, что чем больше углублялся кризис, тем заметнее становился отход Т.Асо от курса, разработанного Д.Коидзуми и взятого на вооружение двумя последующими премьер-министрами – С.Абэ и Ё.Фукуда.

Как известно, еще летом 2001 г. кабинет Д.Коидзуми принял программу структурных реформ, основная идея которой состояла в отказе государства от стимулирования экономики, передаче этой функции целиком частному сектору и выдвигении в качестве приоритетной задачи оздоровления системы государственных финансов. В 2006 г. в развитие этой идеи была поставлена конкретная цель – достижение профицита первичного бюджета к 2011 фин. г. и сокращение размеров государственного долга до 60% относительно объема ВВП.

О том, насколько радикально экономическая политика кабинета Т.Асо отклонилась от курса его предшественников, можно судить по его выступлению на пленарной сессии нижней палаты парламента (проходившей в конце января 2009 г.) в связи с представлением проекта бюджета на 2009 фин. г.

Заявив о необходимости ряда концептуальных изменений в экономической политике правительства, Т.Асо резко раскритиковал позицию сторонников либерально-рыночной модели капитализма с их идеями о создании «малого правительства» и передаче как можно большего числа функций от государства к частному бизнесу. Затронув вопрос о характере нынешнего мирового кризиса, он назвал ошибочным постулат о том, что «рынок все расставит по своим местам», подчеркнув, что самым наглядным подтверждением этого является сам кризис.

Основными целями своей политики Т.Асо назвал преодоление кризиса и создание общества «защищенности и активности», отметив, что для их достижения необходимо усиление роли государства, в частности, увеличение бюджетных расходов на поддержку населения и стимулирование экономики. При этом он обозначил те направления развития, которые будут поддерживаться правительством с помощью разного рода стимулирующих мер, в том числе: эко-технологии, способствующие формированию «низкоуглеродной экономики», биотехнологии и новые методы лечения, перестройка сельского хозяйства, анимационная индустрия и т. д.²³

Между тем, в начале апреля 2009 г. была обнародована еще одна, третья по счету, программа антикризисных мер – «Пакет мер по борьбе с кризисом», и в результате общая стоимость японской антикризисной программы достигла 75 трлн. иен, в том числе 12 трлн. иен составила стоимость пакета разного рода фискальных мер, а 63 трлн. иен – мер, направленных на поддержку финансового сектора и стимулирование экономики. При этом стоимость третьей программы составила 15,4 трлн. иен²⁴.

Судя по содержанию этого документа, на этот раз помимо непростой экономической ситуации на его разработчиков сильное влияние оказали факторы внутривластного характера, а именно предстоящие выборы в нижнюю палату японского парламента. Особенно заметен пропагандистский налет в содержании второй части программы, озаглавленной «Стратегия роста – инвестиции в будущее», которая, скорее всего, была включена в программу в ответ на критику действий правительства как спорадических, сиюминутных и на упрёки в отсутствии у него четкого видения перспектив развития страны. При этом впечатление о пропагандистском характере этого раздела создает, прежде всего, обилие мер, намеченных к реализации по каждому из обозначенных направлений развития страны, в то время как сами эти направления (создание низкоуглеродного общества, ориентированно-

²³ www.eri-21.or.jp/

²⁴ Policy Package to Address Economic Crisis. (www.cao.go.jp/).

го на рециклирование ресурсов; развитие здравоохранения, сферы ухода за детьми, поддержка пожилых граждан; реализация потенциала роста японской экономики через развитие сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства, туризма и т. д. и создание инфраструктуры, адекватной требованиям XXI в.) представляются вполне обоснованными и отвечающими задачам, стоящим перед японским обществом.

Что же касается мер, направленных на преодоление текущего кризиса, то необходимость дальнейшего наращивания их объема обострялась возросшей опасностью втягивания японской экономики в так называемую «негативную спираль», т. е. в ситуацию, когда тяжелое состояние реальной экономики приводит к дестабилизации финансовой системы, а это, в свою очередь, еще больше угнетает реальную экономику и т. д. Недопущение развития событий по такому сценарию провозглашалось главной задачей экономической политики на период примерно до середины 2010 фин. г.

Схемы поддержки финансового сектора и стимулирования экономики остались по сути без изменений, а пакет фискальных мер был несколько расширен (за счет включения таких мер, как снижение налога на дарение денег при использовании их на покупку жилья, сокращение налогов на социальные расходы для мелких и средних предприятий, расширение круга льгот, поощряющих инвестиции предприятий в НИОКР и т. д.). В целом же структура расходов по третьей антикризисной программе такова²⁵:

– инвестиции в будущее	6,2 трлн. иен
– меры по предотвращению вхождения экономики в «негативную спираль»	4,9 трлн. иен
поддержка занятости	1,9 трлн. иен
стабилизация финансовой системы и стимулирование экономики	3,0 трлн. иен
– меры по поддержке населения и оживлению экономики	4,3 трлн. иен
поддержка местных правительств	2,4 трлн. иен
оживление экономик регионов	0,2 трлн. иен
социальная поддержка населения	1,7 трлн. иен
– налоговые меры	0,1 трлн. иен

Помимо разработки национальных антикризисных программ (по масштабам которых Япония уступает лишь США) японское правительство активно сотрудничает с международным сообществом в деле преодоления глобального кризиса. Финансовая составляющая усилий,

²⁵ Там же, с. 11.

прилагаемых Японией на этом направлении, была, в частности, озвучена Т. Асо в его выступлении на встрече лидеров 20 стран с наиболее крупными экономиками, прошедшей в начале апреля 2009 г. в Лондоне. Основные направления этих усилий таковы:

- увеличение размеров официальной помощи развитию (ОПР) странам Азии (до 20 млрд. долл.);
- выделение дополнительно 22 млрд. долл. (к ежегодным 90 млрд. долл.) на финансирование торговых операций японскими финансовыми институтами (Японской корпорацией страхования экспорта и инвестиций и Японским банком международного сотрудничества);
- предоставление МВФ кредита в размере 100 млрд. долл.;
- выделение в ближайшие два года 5 млрд. долл. на финансирование природоохранных мероприятий в развивающихся странах (прежде всего в Азии) по линии Японского банка международного сотрудничества;
- удвоение к 2012 г. размеров японской ОПР странам Африки;
- создание совместно с IFC фонда (с капиталом до 2 млрд. долл.) для рекапитализации банков в развивающихся странах²⁶.

Как видно из этого перечня, в Японии хорошо понимают, что преодоление глобального кризиса невозможно без помощи наиболее слабым звеньям мировой экономики – развивающимся странам. При этом основное внимание уделяется странам Азии, которые в цитируемом документе названы «центром роста, открытым миру».

Очевидно, что выполнение национальных антикризисных программ и взятых международных обязательств не могло не привести к огромному перенапряжению государственных финансов Японии. Для финансирования этих программ и обязательств пришлось не только принять два дополнительных бюджета в 2008 фин. г., но и значительно увеличить расходную часть бюджета 2009 фин. г. И хотя в одном из своих выступлений министр финансов Японии К. Ёсано подтвердил намерение правительства идти к намеченной ранее цели (т. е. сбалансированию доходов и расходов первичного бюджета к 2011 г.), он в то же время признал, что для выполнения всех своих обязательств государству придется прибегнуть к выпуску в 2009 фин. г. облигаций на сумму более 33 трлн. иен²⁷.

Бюджет 2009 фин. г. достиг рекордной величины – 88,548 трлн. иен, что на 6,6% превысило показатель 2008 ф. г. Его принятие шло с огромным трудом, критике подвергались и концепция формирования бюд-

²⁶ Overcoming the crises: Japan's Efforts. (www.cao.go.jp/).

²⁷ Policy Statement of Kaoru Yosano at the Committee on Financial Affairs of the House of Councilors. March 12, 2009. (www.fsa.go.jp/en/announce/state).

жета в целом, и отдельные его статьи. Так, одни упрекали правительство в нерешительности относительно повышения налога на табачные изделия с целью покрытия возрастающих из года в год расходов на социальные нужды. Другие отмечали чисто декоративный характер такой меры, как решение о переводе дорожного налога с особого спецсчета в центральный бюджет (поскольку львиная доля этой суммы в виде грантов местным правительствам направлялась опять-таки на дорожное строительство). Третьим не нравилось появление в расходной части бюджета такой статьи, как резервы на случай возникновения чрезвычайных экономических обстоятельств и т. д.²⁸

Однако, при всех недостатках бюджет 2009 ф. г. обладает совершенно очевидным достоинством – четкой антикризисной направленностью, о чем можно судить по приводимым ниже данным.

Как показывают материалы табл. 3, в расходной части бюджета 2009 фин. г. по сравнению с бюджетом 2008 фин. г. наиболее значительно приросли затраты именно по тем статьям, которые соответствуют целям антикризисных правительственных программ (поддержка малого бизнеса, гранты местным правительствам, инвестиции в общественные работы, а также расходы на систему социального обеспечения). В то же время в отличие от бюджетов предыдущих лет (начиная с 2002 фин. г.) в доходной части последнего бюджета предусмотрен резкий рост (более чем на 30%) выпуска государственных облигаций при одновременном значительном снижении (почти на 14%) налоговых поступлений. При этом по расчетам правительства, к концу 2009 фин. г. совокупный долг центрального и местных правительств достигнет 804 трлн. иен (158% относительно размеров ВВП).

Однако, вполне вероятно, что реальное положение дел в японской экономике окажется более благоприятным, чем те сценарии, из которых исходило правительство при разработке бюджета. Так, в начале 2009 г. Банк Японии прогнозировал на 2009 фин. г. снижение ВВП на 2,0%, а кабинет министров полагал, что темпы его роста будут близки к нулю и что лишь в 2010 г. можно ожидать улучшения ситуации. Однако, как свидетельствуют последние статистические данные, во втором квартале 2009 г. в японской экономике наметилось некоторое оживление, и после падения в первом квартале 2009 г. на 3,8% во втором квартале ВВП страны вырос на 0,9% (см. табл. 2).

О переломе негативных тенденций, хотя и с большой осторожностью, говорят и официальные источники. Так, Банк Японии в одном из последних аналитических обзоров отметил, что «ухудшение экономической ситуации в Японии закончилось». О том, что «худшее осталось

²⁸ Japan Echo. April 2009, с. 19–22.

Таблица 3
Общий счет бюджета Японии (млрд. иен) *

	2008 фин. г.	2009 фин. г.	Рост/снижение (%)
Доходы	83061,3	88548,0	6,6
Налоги и сборы	53554,0	46103,0	-13,9
Неналоговые поступления	4159,3	9151,0	120,0
Выпуск государственных облигаций	25348,0	33294,0	31,3
Расходы	83061,3	88548,0	6,6
Обслуживание государственного долга	20163,2	20243,7	0,4
Гранты местным правительствам	15613,6	16573,3	6,1
Расходы центрального правительства	47284,5	51731,0	9,4
Социальное обеспечение	21782,9	24834,4	14,0
Наука и образование	5311,9	5310,4	0,0
Пенсии бывшим военным	852,2	787,2	-7,6
Оборона	4779,7	4774,1	-0,1
Общественные работы	6735,2	7070,1	5,0
Экономическая помощь	666,0	629,5	-5,5
Поддержка малого бизнеса	176,1	189,0	7,3
Энергетика	865,5	856,2	-1,1
Продовольственное обеспечение	858,2	865,9	0,9
Прочее	4907,0	5064,2	3,2
Резервы на случай чрезвычайной экономической ситуации	—	1000,0	
Резервы на случай непредвиденных ситуаций	350,0	350,0	0,0

* Ministry of Finance.(www.mof.go.jp/).

позади» говорится и в правительственном докладе о результатах экономического развития страны в апреле-июне 2009 г.²⁹

Главным показателем перемен в экономической ситуации стали расширение экспорта и рост промышленного производства. Так, экспорт после снижения на 14,6% в четвертом квартале 2008 г. и на 28,9% в первом квартале 2009 г. во втором квартале вырос на 12,3%. Особенно значительно расширились поставки в страны Восточной Азии, прежде всего Китай (соответственно на 18,2% и 19,7%). При этом с апреля начался рост экспорта автомобилей, в том числе благодаря мерам, поощряющим покупателей менять старые автомобили на новые (они были введены в Китае, Южной Корее, Малайзии, Франции, Германии, Великобритании, США).

Что же касается промышленного производства, то по данным МЭТП, после непрерывного снижения на протяжении восьми месяцев (с июня 2008 г.) с марта 2009 г. началось постепенное восстановление его объема, хотя к концу второго квартала он был все еще на 25% ниже показателя годичной давности³⁰.

Со стороны внутреннего спроса перелом негативных тенденций поддержали инвестиции в общественные работы (прирост на 8,1% по сравнению с первым кварталом), а главное – расширение личного потребительского спроса (на 0,8%). При этом очевидно, что на рост последнего показателя повлияли предпринятые правительством меры по стимулированию потребления. Так, еще в марте началась выдача гражданам страны единовременных дотаций в размере 12 тыс. иен (несовершеннолетним детям и лицам старше 75 лет – в размере 20 тыс. иен). С 15 мая 2009 г. была введена в действие так называемая «система эко-баллов» (*Eco-point System*), в соответствии с которой при покупке холодильников, кондиционеров, телевизоров и другой бытовой техники с повышенной энергоэкономичностью часть цены товара возвращается покупателю в виде эко-баллов (срок ее действия – по март 2010 г.). Кроме того, с 1 апреля 2009 г. по конец марта 2011 г. будет действовать система налоговых скидок для покупателей автомобилей, «дружественных окружающей среде». При этом полностью отменяется налог на покупку автомобиля и налог на мощность двигателя (взимаемый при покупке автомобиля и при прохождении техосмотра) в отношении электромобилей, автомобилей, работающих на биотопливе и машин с гибридным двигателем. В отношении обычных автомобилей предусмотрено сокращение ставок налогов, дифференцированное

в зависимости от степени их экономичности. В дополнение к этому с 10 апреля 2009 г. покупателям автомобилей, «дружественных окружающей среде», стали предоставляться субсидии³¹.

В то же время, несмотря на мощные финансовые меры, предпринятые правительством для стимулирования экономики, частные инвестиции в оборудование – важнейший индикатор состояния конъюнктуры – продолжали снижаться и во втором квартале 2009 г., т. е. пятый квартал подряд. Продолжается падение оптовых и розничных цен, что препятствует расширению потребительского и инвестиционного спроса. Наконец, на высоком для Японии уровне – 5,4% – сохраняется безработица.

Таким образом, после года рецессии, по глубине побившей все послевоенные рекорды, Япония (вслед за Германией и Францией), стала показывать признаки оживления, хотя пока и весьма хрупкие. Разумеется, нельзя отрицать, что главную роль в переломе негативных тенденций сыграл внешний фактор, а именно расширение экспорта в результате улучшения положения дел в мировой экономике. Но очевидно также, что без тех усилий по борьбе с кризисом, которые предпринимало правительство на протяжении последнего года, японская экономика оказалась бы в гораздо более сложном положении, да и само оживление вряд ли наступило бы так быстро.

Сейчас Япония стоит перед сложнейшей задачей – как поддержать те хрупкие тенденции к оживлению, которые наметились во втором квартале текущего года. Очевидно, что не все здесь будет зависеть от самой Японии, поскольку ввиду слабости внутреннего спроса она вынуждена будет опираться на внешний спрос, а возможности его расширения напрямую зависят от того, как будут обстоять дела в ведущих экономиках мира.

Однако с этой задачей придется иметь дело уже другому правительству – правительству Ю. Хатояма, пришедшему к власти в результате убедительной победы демократической партии на выборах в нижнюю палату парламента, прошедших в конце августа 2009 г.

²⁹ BOJ Monthly Report of Recent Economic and Financial Developments. August 2009; Japan Brief /FPCJ. No. 0948, August 21, 2009.

³⁰ www.meti.go.jp/

³¹ BOJ Monthly Report of Recent Economic and Financial Developments. August, 2009, с. 6–7.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР ЯПОНИИ

Десятки «мыльных пузырей» на финансовых рынках сопровождали развитие капиталистической экономики весь XX век. Экономисты Международного валютного фонда подсчитали, что в развитых странах только за 1970-е – 2000-е гг. возникло 24 спекулятивных бума на рынках ценных бумаг и 18 «пузырей» на рынках недвижимости¹. Спровоцированные ими кризисы в отдельных экономиках прошли незамеченными. В экономической истории осталась Великая депрессия в США – ключевое событие первой половины XX века.

В Японии «финансовый пузырь», лопнувший в 1990 г., вызвал длительный застой, беспрецедентный для крупной развитой страны.

Японцы называют кризисные годы «потерянным десятилетием» (хотя депрессия продолжалась больше 10 лет – с 1990 г. по 2002 г.), и даже «великой рецессией», т. е. повторением, пусть в смягченном виде, Великой американской депрессии 1929–1933 гг.

В наши дни японский кризис выглядит как репетиция или локальный прообраз нынешнего ипотечного кризиса в Соединённых Штатах. Основанием для исторических параллелей служит типичная последовательность событий в развитии кризисов этого вида: вначале возникает «бум» на финансовых рынках и происходит общий экономический подъём, затем наступает биржевой крах, за которым следуют накопление «плохих долгов» в балансах компаний и банков, банкротства банков, дефляция цен, стагнация спроса и общий экономический спад.

Великая депрессия в США была кризисом острым, глубоким и продолжительным, «великая рецессия» в Японии – кризис смягченный и медленный. Японское «потерянное десятилетие» оказалось автономным кризисом национальной экономики, возможно, последним в условиях глобализации. Современный финансовый кризис стал все-

мирным, развивается стремительно, а его глубина и продолжительность пока непредсказуемы.

Если бы не благоприятные условия на мировом рынке, не рост японского экспорта, кризис 1990-х годов мог бы стать ещё более тяжёлым. Кабинету Коидзуми Дзюньитиро и Банку Японии, работавшим слаженной командой, удалось вывести из него экономику при помощи санации банковской системы и денежной политики, преодолевшей дефицит ликвидности².

Распространение мирового кризиса на реальную экономику Японии

Японию поразили не только и не столько мировой финансовый кризис, сколько вызванная им мировая рецессия в реальной экономике.

В 2008 г. экономика Японии испытала два сильных удара извне: шок от динамики мировых цен на сырьё и топливо и шок от паники на мировых финансовых рынках. Шок от динамики мировых цен на сырьё и топливо в начале 2008 г. был связан с оттоком денежных ресурсов с финансовых рынков на товарные рынки и с ослаблением доллара. В 2008 г. впервые с середины 1960-х годов торговый баланс Японии был сведен с дефицитом (172,8 млрд. иен, или 1,74 млрд. долл.).

Толчок к ревальвации иены был дан в марте 2008 г., когда в панике из-за угрозы банкротства американского инвестиционного банка «Bear Stearns» финансовые учреждения многих стран мира «раскрутили» спекуляции на разнице процентных ставок по типу *carry trade* (сначала иена – доллар, а затем и иена – евро), пользуясь тем, что стоимость заимствования в Японии была близка к нулю. Иена стала дешёвым источником ликвидности на мировом валютном рынке и оказалась сильнейшей мировой валютой, так как уровень инфляции в Японии – самый низкий в мире. Её курс относительно доллара поднялся со 113 иен за доллар в конце 2007 г. до 104–105 иен в середине 2008 г. и до 90–92 иен в августе-сентябре 2009 г. Относительно евро курс поднялся со 160 иен за евро в 2007 г. до 130–132 иен в августе-сентябре 2009 г.

В этих условиях японские экспортёры начали «бегство» от доллара и перевод расчётов в иены, юани и даже рубли. За первое полугодие 2009 г. доля торгового оборота, обслуживаемого иеной, поднялась до 24,6% по импорту (на 3,9 п.п.) и до 40,2% по экспорту (на 0,6 п.п.)³.

¹ International Monetary Fund. World Economic Outlook 2000, part III. Asset Prices and the Business Cycle, pp. 77–112.

² См.: Леонтьева Е. Финансовый кризис и денежно-кредитная политика Банка Японии. Японский калейдоскоп. М., Изд. «Восточная литература» РАН, 2006, с. 80–133.

³ The Nikkei, July 29, 2009.

Ревальвация иены компенсировала поднявшиеся цены на топливо, сырьё и продовольствие, но одновременно затормозила рост экспорта, что наряду с прямой потерей спроса на зарубежных рынках, привело к его резкому падению.

Движущей силой спада в японской экономике в 2009 г. стало именно сокращение спроса на основных экспортных рынках. Дело в том, что экспортная квота экономики Японии с начала XXI в. в условиях мирового подъёма возросла с 11–12% до 15–17% ВВП. Экспорт страны на 2/3 состоит из продукции машиностроения. В докризисных условиях на внешний рынок уходило 28% машин и оборудования, в том числе около 28% продукции транспортного и 30% продукции электротехнического машиностроения⁴. Около 20% экспорта направлялось в США, 18% – в Китай и 15% – в страны Евросоюза. Мировая рецессия вызывала резкое сокращение спроса на автомобили, потребительские товары длительного пользования и товары инвестиционного спроса на этих рынках.

Всем известен треугольник международного разделения труда: Япония поставляет в Китай оборудование, материалы, детали, а Китай выполняет функцию сборочной мастерской с дешевой рабочей силой и экспортирует готовую продукцию в США и на европейские рынки. При этом обе страны имеют устойчиво положительный торговый баланс и огромные валютные резервы. Япония, как и Китай, финансирует внешнеторговый дефицит и государственный долг США своими валютными резервами (в долговые обязательства американского казначейства вложено около 580 млрд. долл. – примерно половина валютного запаса страны). Не будет преувеличением сказать, что долговое финансирование американской экономики «раздуло» мировой спрос на товары японского экспорта.

В условиях мирового кризиса промышленность Японии оказалась «избыточной», потеря зарубежных рынков ввергла ее в глубокий спад⁵. Падение промышленного производства началось в ноябре 2008 г. – с максимального показателя 110,2% (2005=100) в феврале 2008 г. индекс промышленного производства опустился до низшей точки 69,5% в феврале 2009 г. Глубина падения составила 36,9% (40,7 п.п.). В июле 2009 г. индекс поднялся до 82,6%, а дистанция от уровня годичной давности сократилась до 22,6% (24,2 п.п.).

На уровне ВВП спад был не таким глубоким: в четвертом квартале 2008 г. ВВП был меньше, чем год назад, на 4,3%, в первом квартале

⁴ Подсчитано по данным межотраслевого баланса 2000 г. (более поздний не публиковался).

⁵ Здесь и дальше конъюнктурные показатели приводятся по данным газеты Nikkei и бюллетеня Japan Statistics Monthly, September 2009. (www.stat.go.jp).

2009 г. – на 8,8% и во втором – на 6,7%. Снижение ВВП на 70% было обусловлено потерей внешнего спроса и на 30% – сокращением спроса на внутреннем рынке. Капиталовложения (на которые приходится четверть внутреннего спроса) в первом квартале 2009 г. были на 25,4%, а во втором – на 22,2% ниже, чем год назад, а потребительские расходы (более половины внутреннего спроса) – соответственно на 2,8 и 2,9% ниже.

Дно кризиса было пройдено благодаря оживлению спроса на китайском рынке и сокращению товарных запасов в Японии, а также – не в последнюю очередь – благодаря бюджетным программам стимулирования внутреннего спроса. Но летом 2009 г. до восстановления было ещё далеко. Уровень прибылей крупных компаний, от которого зависят капиталовложения, оставался низким (78% от уровня второго квартала 2008 г.)⁶. Крупные убытки понесли такие гранды японской электротехнической и электронной промышленности, как «Хитати», «Панасоник», «NEC», «Тосиба» и «Сони». Убытки понесли и автомобильные гиганты – «Тоёта», «Ниссан» и «Хонда». Так, «Тоёта» потеряла 461 млрд. иен (4,85 млрд. долл.) от сокращения на 22% продаж на всех своих рынках – в Северной Америке, Европе, Азии и в самой Японии. Лидеры японской промышленности не ожидают восстановления докризисного уровня прибылей до 2010 г.

Социальные последствия промышленного спада начали проявляться позже – они обычно идут вслед за снижением производства. Уровень безработицы – 5,7% в июле 2009 г. – скромен по международным стандартам, но очень высок по японским меркам. Теряют работу, главным образом, временные работники и занятые неполный рабочий день, у которых заканчиваются контракты (это около трети всех работающих по найму и две трети уволенных). Крупномасштабные увольнения начались, когда стали закрываться заводы. Но компании стараются не увольнять постоянные кадры, пользуясь государственными целевыми субсидиями для сохранения занятости.

Средний уровень заработной платы в феврале 2009 г. был на 3,2% ниже, чем год назад, а объём потребительских расходов населения снизился на 3,5%. Хотя потребительский спрос инерционен, давление на него уменьшившихся доходов уже ощущается. Сжатие спроса приводит к снижению цен. Оптовые цены на внутреннем рынке в январь-марте снизились соответственно на 0,3%, 1,1% и 0,4% в годовом исчислении, главным образом за счёт падения внешнеторговых цен. Индекс потребительских цен «стоит на нуле». В Японии снова забрезжила опасность дефляции – её страна переживала в 1998–2002 гг.

⁶ The Nikkei, August 2, 2009.

Меры, принятые правительством для расширения спроса на внутреннем рынке

В настоящее время никто не говорит о том, что Японию ожидает крах модели роста, ведомой экспортом. Но возможности резко расширить внутренний спрос в стране практически отсутствуют. Антикризисная политика правительства и Банка Японии решает тактическую задачу – как удержать экономику на плаву и не потерять уникальный промышленный потенциал, дожидаясь, когда начнётся восстановление спроса на внешних рынках. Очевидно, что правительство не может полностью компенсировать недостаток спроса за счёт бюджета, но созданием спроса оно пытается ускорить поворот в экономической динамике⁷.

Правительство ввело в действие, один за другим, бюджетные стимулы (пакеты) для поддержания внутреннего спроса, раздувая государственный долг. Бюджетный дефицит превышает 8% ВВП, а накопленный долг достиг 169% ВВП. Ещё кабинет Д.Коидзуми (2001–2006 гг.) поставил задачу восстановить бюджетную дисциплину и к 2010 г. свести первичный баланс (баланс поступлений и расходов за вычетом обслуживания госдолга) без дефицита. Затем эта цель была сдвинута на 2011 г., потом – на 2013 г., а теперь её достижение отложено, по крайней мере, до 2018 г.

Пакеты бюджетных стимулов были либо проведены через парламент как дополнительные бюджеты (в 2008 г. и 2009 г.), либо включены в основной бюджет на 2009–2010 фин. г. Всего было принято четыре пакета общей стоимостью более 750 млрд. долл.

В первых двух пакетах львиная доля средств пошла на помощь мелким и средним предприятиям в виде гарантирования банковских кредитов. Это очень важная социальная мера, так как на предприятиях этой категории работают 70% занятых по найму. Во второй пакет была включена также такая мера, как раздача «живых» денег населению на общую сумму в 2 трлн. иен (20 млрд. долл.) – по 12 тыс. иен (120 долл.) на душу населения. Японцы моложе 18 лет и старше 65 лет получают ещё по 8 тыс. иен. Эта программа стоила 0,15% ВВП и была реализована весной 2009 г.

У населения Японии есть большая «подушка» накопленных сбережений: они в среднем в пять раз больше годового располагаемого дохода семей. Но три пятых финансовых активов принадлежит поколениям старше 60 лет. «Распотрошить подушку» и стимулировать рост потре-

⁷ Заявление Ёсано Каору, министра финансов в кабинете Асо Таро. The Nikkei Weekly, April 13, 2009.

бительских расходов можно было бы, снизив налоги на наследство и дарение детям. Но это небезопасно для финансовой системы страны, так как почти 60% семейных сбережений находятся на банковских счетах и составляют значительную часть ресурсной базы банков.

В помощь бизнесу в Японии впервые «распечатали» валютные резервы – 5 млрд. долл. (из 1 трлн. долл.) предназначены для кредитования фирм, которые не могут купить валюту для осуществления торговых операций.

В третий пакет были включены разнообразные меры для поддержки внутреннего рынка. Розничные продавцы по программе стимулирования продажи энергосберегающих холодильников, кондиционеров, телевизоров с ЖК- и плазменными панелями начисляют покупателям баллы, которые обмениваются на деньги по карточкам Suica и используются для оплаты проезда на общественном транспорте. Введены льготы по страхованию жилых домов, купленных на вторичном рынке, при покупке «гибридных» автомобилей и электромобилей. Владельцы машин, которым больше 13 лет (их в стране 10 млн.) при покупке новой машины получают государственную субсидию в 250 тыс. иен (2 600 долл.).

В четвертый пакет были включены расходы на инфраструктурное строительство (шоссе, мосты и путепроводы, школьные здания и пр.). В 2009 фин. г. с целью незамедлительного создания рабочих мест и расширения спроса на товары и услуги объём контрактов на общественные работы был увеличен на 20%.

Когда снова стали накапливаться «плохие долги», перед властями вновь встал вопрос: кого спасать? Главными получателями льгот на общую сумму в 37 трлн. иен (388 млрд. долл.) стали средние и крупные компании (20 трлн. иен было предоставлено крупным и 17 трлн. иен – средним фирмам).

На октябрь 2008 г. было намечено начать приватизацию Японского Банка Развития (ЯБР). Его превратили в акционерное общество и собирались распродать его акции в течение 7 лет, но правительство не успело этим заняться из-за мирового кризиса. Через ЯБР и «Синкин тую гинко» (Центральный банк кредитных кооперативов) были выданы экстренные займы из средств госбюджета крупным и средним компаниям, пострадавшим от потери экспортных рынков. Среди их получателей есть даже такие гиганты, как «Ниссан» и «Мицубиси дзидося». Займы были выданы под залог краткосрочных векселей. С октября 2008 г. по май 2009 г. по этой программе было предоставлено более 1 290 млрд. иен (около 13,6 млрд. долл.).

Распространение кризиса на финансовые рынки Японии

Хотя Япония не была эпицентром мирового финансового кризиса, акции японских компаний обесценились больше, чем акции компаний Европы и США. Биржевой индекс Никкэй 225 показал очень глубокое снижение курсовой стоимости японских акций – с высшей точки в 14 400 пунктов в мае 2008 г. он опустился до 7 560 в апреле 2009 г. Первопричиной падения фондового рынка стали потери прибылей компаниями-экспортёрами и обесценение капиталов их зарубежной филиальной сети. По данным Токийской фондовой биржи, к началу 2009 г. до 30% акций в её листинге принадлежало иностранцам, и на их долю приходилось 60% оборота. С началом кризиса иностранные инвесторы стали распродавать свои акции. По оценкам японских брокеров, иностранцы продали 39% того, что было куплено ими в 2003–2007 гг. по числу акций, и 16% – по курсовой стоимости.

В результате соотношение рыночной и балансовой стоимости для 73 из 225 компаний, чьи акции включены в индекс Никкэй 225 (т. е. у 30%), упало ниже 1. Это означает, что акционеры могут получить прибыль только в случае ликвидации компаний-эмитентов. Токийская фондовая биржа снизила требования к объёму минимального капитала эмитентов на 40%, чтобы предотвратить их массовый уход (делистинг). К тому же в панике после банкротства «Lehman Brothers» каждая третья из японских компаний-эмитентов выкупила до половины своих акций⁸, чтобы поднять их котировки, и это было третьей причиной обвала на рынке.

Долгий понижающий тренд рыночных котировок сделал своё дело. Совокупный акционерный капитал 1274 нефинансовых корпораций за год (апрель 2008 г. – март 2009 г.) снизился на 12%. Капитализация рынка за этот же период упала на 35,4%, а месячный биржевой оборот акций – на 30,4%⁹. В январе-апреле 2009 г. оборот Токийской фондовой биржи составил 25% оборота всех бирж Азиатско-Тихоокеанского региона. В результате Токийский рынок впервые уступил первенство Шанхайской бирже (доля которой – 27%)¹⁰. Токийская фондовая биржа откладывает до 2010 г. первое публичное размещение своих собственных акций и организацию торговли многими финансовыми продуктами, отставая в этом отношении от «NYSE Euronext», «Nasdaq Stock Market» и других важнейших бирж мира. Токийская фондовая биржа теряет эмитентов: в 2008 г. в силу разных

⁸ The Nikkei, December 30, 2008.

⁹ Данные Токийской фондовой биржи (1-я и 2-я секции). (www.tse.or.jp).

¹⁰ Данные Всемирной федерации бирж. The Nikkei, June 7, 2009.

причин (банкротства, реорганизации, ухода из листинга) её покинули 78 компаний, в первой половине 2009 г. – ещё 39.

Кризис затронул и рынок корпоративных облигаций: в 2008–2009 фин. г. по ним было объявлено шесть дефолтов с общей задолженность в 125 млрд. иен (примерно 1,3 млрд. долл.).

Когда мировая финансовая паника стала утихать, а в экономике Японии появились первые признаки выздоровления, на рынок пришли покупатели. При этом нетто-покупателями стали индивидуальные инвесторы. Более половины финансовых активов населения – это наличные деньги и вклады в банках. При процентных ставках, близких к нулю, вклады не приносят дохода. Люди снимают деньги со счетов и играют на рынке, пользуясь дешевизной акций и брокерских комиссионных. Крупные корпорации «расщепляют» свои акции и уменьшают лоты, чтобы привлечь индивидуальных инвесторов. В мае 2009 г. на рынок вернулись иностранные инвесторы, а индекс Никкэй 225 к началу осени поднялся до уровня 10 300.

Банковский сектор Японии также понёс потери капитала, хотя его положение несравненно легче, чем финансовых учреждений в США и странах Европы. Статистика не приводит данных о банкротствах в финансовом секторе. Судя по газетной информации, можно предположить, что банкроты есть среди мелких местных банков и кредитных кооперативов. Дело в том, что японская банковская система пережила тяжёлый кризис в 1991–2002 гг. В 1991 г. была введена процедура принудительного банкротства, через которую прошло 181 финансовое учреждение. Теперь финансовые власти Японии стараются не доводить банки до банкротства. Капитальная база (tier-1 capital) крупнейших банков превышает 4% объёма выданных кредитов, а уровень достаточности капитала – не ниже 10%, в то время как общепринятый в мире норматив для банков, ведущих международные операции, составляет 8%¹¹. Напомним, что американские власти только лишь призывают банки своей страны добиваться таких показателей¹².

Ещё в 1997–2002 гг. правительство Японии провело расчистку балансов банков от «плохих долгов» и ввело жёсткие правила классификации активов по степеням риска. На внутреннем рынке не наблюдается сильного кредитного сжатия, но как только осенью 2008 г. симптомы кредитного сжатия появились на рынках США и стран Евро-

¹¹ Нормативы достаточности капитала Базельского комитета по банковскому надзору разделяют капитал банков на два уровня: первый – акционерный капитал банков и второй – резервы для погашения рисков и переоценки имущества банков по рыночной стоимости.

¹² Douglas J. Elliott. “Bad Bank”, “Nationalization”, “Guaranteeing Toxic Assets”: Choosing among the options. The Brookings Institution. January 2009.

союза, крупнейшие банки резко сократили кредитование иностранных финансовых учреждений.

Выйти из мирового кризиса с относительно небольшими потерями Японии помогает не только опыт «потерянного десятилетия», но и исторические особенности развития её финансового сектора¹³.

Особенности развития финансового сектора в Японии

Центром финансового сектора Японии после второй мировой войны были банки. Реформы, проведенные оккупационной администрацией в 1946–1949 гг., оставили рынок ценных бумаг в ущербном состоянии¹⁴, его развитие было надолго подавлено. Япония была изолирована от мировых финансовых рынков вплоть до вступления страны в ОЭСР (1964 г.) и стала их полноправным участником только после введения обратимости иены (1971 г.). С середины 1980-х гг. крупные корпорации Японии перешли к финансированию на фондовом рынке.

Элементы современной инфраструктуры фондового рынка, его информационное обеспечение и новые финансовые инструменты вводились в строй с немалым опозданием по сравнению с другими развитыми экономиками. Так, фьючерсные сделки оставались под запретом вплоть до 1985 г. Рейтинговые агентства были созданы только в 1980-х годах. Инвестиционные банки появились во второй половине 1990-х гг. – ими стали крупные брокерские компании. «Мидзухо сёкэн», «Номура сёкэн» и «Дайва сёкэн SMBC» вошли в круг транснациональных инвестиционных банков только в начале 2000-х годов.

«Китайская стена», разделявшая кредитный и фондовый рынки, просуществовала вплоть до финансовой реформы 1998 г. Массовый выпуск производных ценных бумаг, обеспеченных активами (ABS), начался в 2002 г. под эгидой Банка Японии. Банк поддержал секьюритизацию как способ перевода косвенного финансирования на рынок ценных бумаг и способ снижения риска для эмитентов¹⁵. Выпуск ABS

¹³ Понятия «финансовые рынки, финансовый сектор» охватывают фондовые рынки (рынки ценных бумаг – акций и облигаций), называемые также рынками прямого финансирования, и рынки финансовых посредников (банки и небанковские учреждения), называемые рынками косвенного финансирования.

¹⁴ Закон о ценных бумагах и биржах от 1947 г. признал ценными бумагами только государственные и муниципальные облигации, долговые обязательства корпораций и новые выпуски акций. Были запрещены сделки на вторичном рынке и выпуск ценных бумаг под ипотечные контракты (секьюритизация залдных). Закон не допустил внебиржевую куплю-продажу ценных бумаг. Сделки разрешались только за наличные, но не в кредит за счет брокера (*margin transactions*).

¹⁵ Почти половина (46%) эмиссии ABS в Японии обеспечивается контрактами жилищной ипотеки, 15% выпускается под залог недвижимости, 12% – под потребительские

достиг максимума в 2006 г. (9,8 трлн. иен, или 82,4 млрд. долл.), но резко сократился уже при первых признаках финансового кризиса в США.

Японские финансовые учреждения совсем недавно «пришли к себе» после продолжительного кризиса 1990-х годов. Они ещё не нарастили объемы своих операций за рубежом настолько, чтобы участвовать в широких масштабах в сделках с ненадежными иностранными бумагами ради извлечения сиюминутной прибыли. Когда производные ценные бумаги стали неликвидными за рубежом, японские покупатели начали опасаться, что эти бумаги станут неликвидными и на внутреннем рынке страны. Во многом благодаря консерватизму своих инвесторов Япония оказалась относительно огражденной от прямых потерь на международном рынке производных ценных бумаг, выпущенных под залог пакетов, составленных из субстандартных ипотечных облигаций.

Свою роль сыграло и создание в 2001 г. мега-регулятора финансовых рынков¹⁶ – Агентства финансовых услуг (Financial Service Agency, FSA), непосредственно подчиненного премьер-министру. Команда премьера Д. Коидзуми, «вытащив» финансовый сектор из кризиса, поставила его под пристальный надзор Агентства финансовых услуг, которое заставляет своих «поднадзорных» списывать потери как можно скорее.

Инспекторский надзор Агентства распространяется на банковское дело, кооперативный, потребительский и ипотечный кредит, операции с ценными бумагами и управление активами. Помог и новый Закон о финансовых инструментах и биржах, принятый в 2006 г. и вступивший в силу в конце 2007 г. Этот закон содержал статьи в защиту покупателей ценных бумаг (правила раскрытия эмитентами информации о рисках для брокеров и конечных инвесторов).

Ещё в 2008 г. в Японии считали, что американский кризис страну не затронет, так как японские финансовые учреждения не очень много потеряли на субстандартных ипотечных облигациях. Реализованные потери банковских учреждений от сделок с субстандартными ипотечными облигациями за период с апреля 2007 г. до конца декабря 2008 г. оценивались в 919 млрд. иен (примерно 8,1 млрд. долл.). Этот ущерб эквивалентен 25% операционной прибыли и 2% капитальной базы (*tier-1 capital*) японских банков¹⁷. Но это лишь малая часть общемировой суммы потерь на субстандартных ипотечных облигациях, которые оценивались

кредиты, 9% – под лизинговые контракты. Иностранные инвесторы их практически не покупают. The Nikkei, December 19, 2008.

¹⁶ В США создание единого регулятора системных рисков находится в стадии обсуждения. См., например, публикации Брукингского института за март-июль 2009 г. (www.brookings.edu/economics/publications).

¹⁷ Данные Агентства финансовых услуг по банковским учреждениям Японии. В оценку включены все банки и кредитные кооперативы (*deposit-taking institutions*). (www.fsa.go.jp).

на конец 2008 г. в 2,2 трлн. долл.¹⁸. Крупнейшие банковские холдинги «Токио Мицубиси – UFJ» (MUFG), «Мицуй – Сумитомо», «Мидзухо» и инвестиционный банк «Номура» скупали активы разорившихся «Merrill Lynch» и «Lehman Brothers», чтобы развернуть свои филиальные сети.

Действия правительства и Банка Японии в поддержку финансовых рынков

Правительство и Банк Японии действуют в соответствии с изменением ситуации, а также в превентивном порядке и по запросам участников рынков.

Бюджетные пакеты 2008–2009 гг. принимались в расчёте на то, что ситуация в экономике улучшится и рынок акций стабилизируется сам собой. Но и не только на это. От налогов были освобождены дивиденды, переводимые в Японию из зарубежных филиалов компаний, чтобы увеличить приток ликвидности на рынок ценных бумаг. В октябре 2008 г., следуя соглашению, достигнутому на саммите G7, правительство облегчило корпорациям процедуру выкупа собственных акций на рынке. Налоги на реализованную курсовую прибыль и дивиденды были уменьшены наполовину.

Чтобы накопление на балансах банков нереализованных потерь от падения курсов акций (paper losses on shareholdings) не вызвало сжатия кредита, были пересмотрены правила переоценки ценных бумаг на основе текущих цен (mark-to-market accounting rules). Закон разрешает банкам держать до 5% акций любого эмитента, и с марта 2008 г. по апрель 2009 г. 123 банка¹⁹ потеряли на их обесценении более 1 трлн. 996 млрд. иен (более 21 млрд. долл.).

В ноябре 2008 г. был принят закон о превентивном вливании государственных средств в капиталы банков. По первым запросам правительство в марте 2009 г. предоставило 121 млрд. иен (около 1,27 млрд. долл.) трём региональным банкам – «Саппоро хокуё», «Минами Ниппон гинко» и «Фукуока гинко».

Различные бизнес-группы («Ниппон кэйданрэн», «Японская ассоциация брокеров» и другие) в марте 2009 г. выступили с предложением правительству о выкупе акций из пакетов банков и нефинансовых компаний для поддержки рынка. В 2001–2002 гг. эту функцию выполнял бридж-банк – государственная корпорация «The Banks' Shareholdings Purchase Corporation» (BSPC). Недавно деятельность BSPC возобновилась, корпорация получила бюджет на срок до 2012 г. и выкупила

¹⁸ Оценка Международного валютного фонда. IMF Survey online, January 28, 2009. (www.imf.org).

¹⁹ Шесть банковских холдингов и региональные банки.

акции на сумму в 137,9 млрд. иен (примерно 14,5 млрд. долл.) из банковских портфелей в 18,7 трлн. иен²⁰.

Банк Японии поддерживает финансовый сектор нелимитированной покупкой акций, векселей и корпоративных облигаций из банковских портфелей. Кроме того, Банк принимает эти ценные бумаги в залог под свои кредиты сроком на три месяца по льготной ставке 0,1%, т. е. такой же, как базовая ставка «овернайт» на межбанковском рынке.

Агентство финансовых услуг оказывает административный нажим на банки, требуя, чтобы они активнее кредитовали компании, даже находящиеся на пороге банкротства, и резервировали средства для компенсации будущих «плохих долгов».

Опыт «потерянного десятилетия» для современной Японии и для мира

Д. Коидзуми покинул пост премьера 26 сентября 2006 г. Программа структурных реформ, принятая его кабинетом ещё 26 июня 2001 г., предполагала ликвидацию «плохих долгов» в банковском секторе и корпорациях, сокращение государственных расходов, приватизацию государственных предприятий и учреждений.

Целью бюджетной реформы, начатой Д. Коидзуми, было снижение нагрузки государственного долга на текущую частную экономическую деятельность и на доходы будущих поколений и максимальная передача частному сектору исполнения государственных услуг на основе торгов и лицензирования. Д. Коидзуми считал своей личной приоритетной задачей расчленение огромного почтового ведомства, совмещавшего почтовую связь, сберегательное и страховое дело, и выведение всех его составляющих на рынок²¹. При Д. Коидзуми началось также сокращение бюджетных расходов на инфраструктурное строительство – сферу, печально известную коррупцией чиновников и ценовыми сговорами подрядчиков.

Одна из составляющих бюджетной реформы – продажа в частные руки экономически неэффективных предприятий и учреждений государственного сектора. Были проданы четыре государственные корпорации по строительству и содержанию скоростных шоссе, а также реорганизованы восемь государственных финансовых учреждений.

Своей программой бюджетной реформы Д. Коидзуми нажил себе немало врагов среди политиков, связанных с почтовым ведомством и

²⁰ Bloomberg, August 10, 2009.

²¹ В октябре 2007 г. почтово-сберегательная система была преобразована в государственный холдинг, объединивший четыре акционерные компании: коммерческий банк «Yusho», компанию страхования жизни «Kampo», компанию рассылки почтовых отправлений и компанию, управляющую 24 тыс. почтовых отделений по всей стране.

строительными работами, финансируемыми из казны. После его ухода с поста премьер-министра началась «чехарда» кабинетов – Абэ Синдзо (26 сентября 2006 г. – 26 сентября 2007 г.), Фукуда Ясуо (26 сентября 2007 г. – 2 августа 2008 г.), Асо Таро (24 сентября 2008 г. – 16 сентября 2009 г.). Как известно, либерально-демократическая партия Японии, стоявшая у власти почти непрерывно с ноября 1955 г., потеряла доверие избирателей, а вместе с ним и власть.

Следует подчеркнуть, что во время «потерянного десятилетия» в Японии были опробованы многие меры, которые оказались востребованными в современной кризисной ситуации. Вместе с тем, было допущено и немало просчетов, также весьма поучительных.

К числу самых серьёзных ошибок властей в Японии относят потерю времени для санации банков и компаний. Вместо этого правительство в 1992–1997 гг. увеличило бюджетные расходы на «общественные работы» и создало привилегированную группу строительных компаний, которые хорошо зарабатывали на подрядах и поддерживали своими пожертвованиями правящую партию.

Кризис в Японии 1990-х годов был проще в техническом отношении, чем ипотечный кризис в США по составу активов, на базе которых сформировался долговой навес. Поскольку производные от ипотечных облигаций менее прозрачны, оценка «токсичных активов» оказывается ещё труднее, чем это было в Японии.

Когда Министерство финансов США в октябре 2008 г. готовило законопроект о «вливании» в американский финансовый сектор 700 млрд. долл. (Emergency Economic Stabilization Act of 2008), оно внимательно изучило опыт Японии в борьбе с банковским кризисом 1990-х гг.²² Тимоти Гайтнер – президент «Федерального резервного банка Нью-Йорка» и министр финансов США с января 2009 г. – знаком с этим опытом не понаслышке²³.

В Америке главным для себя уроком сочли замедленную реакцию японских властей.

Во-первых, японские власти недооценили природу и серьёзность проблемы и слишком долго надеялись на то, что экономический рост и дешёвый кредит помогут ей «рассосаться».

Во-вторых, масштабы «плохих долгов» не были обнаружены вовремя, множество фактических банкротов слишком долго поддерживались банками; потребовалась долговременная и дорогостоящая программа рекапитализации банков.

²² Dick K. Nanto. The U.S. Financial Crisis: Lessons From Japan. Congressional Research Service, Report for Congress. Washington D.C., September 29, 2008.

²³ Тимоти Гайтнер был атташе Посольства США в Токио в 1988–1995 г.

В результате произошло сжатие кредита, сократились капиталовложения, кризис стал затяжным и обернулся длительной стагнацией.

Главный реформатор в правительстве Д. Коидзуми Такэнака Хэйдзо, министр по делам экономики и бюджетной политики и глава Агентства финансовых услуг, вспоминает: «Как только я встречался с растущим сопротивлением банков и строительных фирм, Коидзуми каждый день звонил мне и говорил: «Никогда не уступай оппозиции»²⁴.

Антикризисная политика нуждается в политической воле. Она должна преодолеть недоверие экономического сообщества. В Японии кризис доверия случился в 1997–1998 гг. и сильно затруднил выход экономики из депрессии. «Горький опыт Японии в борьбе с кризисом доверия даёт уроки всему миру», – говорил Х. Такэнака на конференции в Брукингском институте и подчеркивал два основных момента. «Во-первых, вливание государственных средств не решает проблему. Важнее другое. Прежде всего, нужна точная и жёсткая оценка активов финансовых институтов. Только после этого можно вливать капитал. Недоверие к бухгалтерским балансам – главный источник беспокойства для финансового рынка». Второй момент связан с активностью государства. «В своей активности государство может заходить слишком далеко. Активная роль государства в период кризиса очень важна, но если несоразмерная защита даётся избирательно кому-то одному, её воздействие на других может усугубить кризис доверия»²⁵.

«Стресс-тесты» (аудиторские проверки 19 крупнейших американских банков для определения масштабов «токсичных активов») были начаты в феврале 2009 г. Программа покупки государством активов и акций финансовых учреждений на сумму в 700 млрд. долл. с целью их рекапитализации (The Troubled Asset Relief Program (TARP)) действует с начала 2009 г. Национализация гигантских ипотечных корпораций «Fannie Mae» и «Freddie Mac» была проведена быстро. Банкротство инвестиционного банка «Lehman Brothers» состоялось 15 сентября 2008 г. Произошло поглощение инвестиционных банков «Bear Stearns» и «Merrill Lynch» коммерческими банками и преобразование «Goldman Sachs» и «Morgan Stanley» в коммерческие банки.

Глава Федеральной резервной системы Бен Бернанке в годовщину банкротства «Lehman Brothers» «с осторожным оптимизмом» заявил, что рецессия в США, «весьма вероятно», закончилась²⁶.

Таким образом, некоторые уроки японского кризиса были оперативно усвоены администрацией Барака Обамы.

²⁴ The Nikkei Weekly, October 13, 2008.

²⁵ Japan's Lost Decade: Lessons for the United States. Washington, D.C. March 26, 2009, p. 7–8.

²⁶ The New York Times, September 16, 2009.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЯПОНСКИЕ КОРПОРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Нынешний финансово-экономический кризис, затронувший в большей или меньшей степени все страны мира и, безусловно, группу ведущих экономик, существенным образом изменил условия функционирования компаний самых различных отраслей, повысил уровень неопределенности внешней среды, ухудшил их финансовое положение. При этом, как полагают эксперты, одной из особенностей нынешнего кризиса стало отсутствие «тихих гаваней» – стран и регионов, куда можно вывести активы и которые можно осваивать при стагнации традиционных рынков. В этих условиях компании разных стран и отраслей разрабатывают свои антикризисные программы и стратегии. Активизируется взаимодействие бизнеса с правительством не только в тех странах, где государство и предпринимательские круги традиционно действуют в унисон (к ним, в частности, относится Япония и государства континентальной Европы), но и в странах с «более рыночной» экономикой, в том числе в США.

Ситуация в экономике Японии до кризиса

Мировой финансовый кризис (впоследствии его стали именовать финансово-экономическим кризисом) настиг японскую экономику в фазе подъема, начавшегося с 2002 г. после длительной депрессии 1990-х годов. Правда, в ежегодном отчете кабинета министров о состоянии японской экономики и государственных финансов за 2007 г. этот подъем более осторожно именуется восстановлением («*current period of economic recovery*»). Его характеризуют, как отмечают эксперты, значительно более низкие темпы роста ВВП (номинальные среднегодовые темпы прироста в 2002–2007 гг. – 0,9%, реальные – 2,2%) по сравнению с повышательными фазами цикла октября 1965 г. – июля

1970 г. («бум Идзанаги») и ноября 1986 г. – февраля 1991 г. (экономика «мыльного пузыря»). Поэтому этот подъем, как отмечается в отчете, не был так заметен для населения, тем более что при росте занятости уровень оплаты труда оставался примерно на одном уровне¹.

Заметим, что само соотношение реальных и номинальных темпов роста свидетельствует о том, что дефляционные тенденции в экономике не были до конца преодолены, несмотря на рост цен на энергоносители, который при очевидных негативных последствиях для японской экономики в то же время способствовал выходу из дефляционной спирали.

Не менее важны для прогнозирования дальнейших событий и факторы, которые обусловили подъем 2002 г. – начала 2008 г.

Среди них особую роль, как это не раз бывало в Японии в кризисные и послекризисные периоды, сыграла активизация деятельности японских корпораций на зарубежных рынках². Устойчивые темпы роста мировой экономики (в 2004 – 2007 гг. они составляли от 4,4% до 5%)³ способствовали динамичному расширению японского экспорта (в 2007 г. его рост составил 10,1%, и это был шестой год подряд позитивной динамики), который, как было отмечено в упомянутом выше ежегодном отчете кабинета министров, стал движущей силой восстановления экономической конъюнктуры в Японии в 2000-е годы⁴. Более того, в 2007 г. были установлены своеобразные рекорды: экспорт Японии впервые превысил отметку в 700 млрд. долл., а экспортная квота (также впервые!) достигла уровня в 16,3% ВВП⁵.

При этом экспорт некоторых видов машиностроительной продукции рос опережающими темпами. Так, экспорт строительного оборудования увеличился в 2007 г. на 17%, телефонно-телеграфного оборудования – на 104%, автомобилей – на 15%⁶. Сальдо торгового баланса (в торговле товарами и услугами) достигло в том же году 83,5 млрд.

¹ Annual Report on the Japanese Economy and Public Finance 2007, p. 5–6 (<http://www5.cao.go.jp/keizai3/2007/0807wp-keizai/1syo-hyoshi.pdf>).

² По данному вопросу см. также: Лебедева И. П. Роль внешнего фактора в развитии японской экономики. Япония 2008. Ежегодник, М.: «АИРО-XXI», 2008.

³ http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf

⁴ Annual Report on the Japanese Economy and Public Finance 2007, p. 6 (<http://www5.cao.go.jp/keizai3/2007/0807wp-keizai/1syo-hyoshi.pdf>); 2008 JETRO White Paper on International Trade and Investment, p. 64 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf).

⁵ Экспорт – на базе таможенной статистики, ВВП – номинальный. 2008 JETRO White Paper on International Trade and Investment, p. 64, 83 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf).

⁶ 2008 JETRO White Paper on International Trade and Investment, p. 278 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf).

долл., а сальдо торговли только товарами – 104,7 млрд. долл. Вклад экспорта в экономический рост Японии в период подъема составлял, по оценкам, более чем 50%.

С 2005 г. обозначилась тенденция к превышению доходов, полученных из-за рубежа над чистыми доходами от экспорта. Первые достигли в 2007 г. рекордного показателя в 138,6 млрд. долл., причем 74% из них составили доходы от инвестиций в ценные бумаги. Отдача от прямых инвестиций также росла, что стало результатом роста прибылей зарубежных филиалов японских корпораций⁷. Все это отражает тенденцию превращения Японии в «зрелого кредитора», который получает доходы преимущественно от зарубежных инвестиций, а не от торговли⁸.

Увеличение объемов внешних поступлений способствовало дальнейшему росту вложений японских компаний за рубежом. Экспорт прямых инвестиций из Японии в 2007 г. достиг рекордного (с 1983 г.) показателя в 73 млрд. долл.⁹. Доля зарубежного производства в общем объеме производства компаний обрабатывающей промышленности выросла за 1993 – 2008 гг. с 7 до 17%¹⁰.

Для оценки текущей и будущей ситуации в корпоративном секторе важно отметить и тенденцию к росту доли зарубежных рынков в структуре продаж и получения прибыли японскими компаниями. По данным JETRO, доля зарубежных продаж японских компаний увеличилась в 1997 – 2007 гг. с 28,6% до 36,9%, а доля операционной прибыли, получаемой за рубежом, за тот же период выросла с 23,4% до 32,9%¹¹. Это свидетельствует о дальнейшей интернационализации деятельности японских корпораций, которые провели существенную реорганизацию своих производственных сетей за рубежом и добились благодаря этому заметного роста производства и продаж на важнейших для себя зарубежных рынках¹².

⁷ 2008 JETRO White Paper on International Trade and Investment, p. 64, 83 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf).

⁸ 2008 JETRO White Paper on International Trade and Investment, p. 68 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf).

⁹ <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>

¹⁰ <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c03cont.htm>

¹¹ Данные за 1997 г. – по 582 компаниям, за 2007 г. – по 866 компаниям, представленным на фондовом рынке. Без учета экспорта из Японии. Источник: 2008 JETRO White Paper on International Trade and Investment, p. 77 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf).

¹² О деятельности японских корпораций на рынках США и Восточной Азии см.: Лебедева И. П. Япония – Восточная Азия: новые контуры экономического взаимодействия. – Япония, открытая миру. М., 2007, глава шестая; Лебедева И. П. Японо-американские экономические отношения в контексте глобализации. – Глобальные вызовы – японский ответ. М., 2008, глава восьмая; Тимонина И. Л. Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее. Там же, глава седьмая.

Какие же рынки были ключевыми для японских ТНК непосредственно перед кризисом и какова была значимость каждого из них? Если ориентироваться на показатели экспорта, то опережающий рост демонстрировал экспорт японских промышленных товаров в Китай (прирост в 2007 г. на 17,5%) и страны АСЕАН 10 (на 13,9%) при увеличении объема всего экспорта на 10,1% и сокращении экспорта в США на 1,6%. Однако рынок США в этом предкризисном году все же оставался для Японии самым крупным из страновых рынков (20,1% общего объема экспорта). Что же касается основных азиатских рынков, то доля экспорта Японии в КНР составила в 2007 г. 15,3%, в АСЕАН 10 – 12,2%, в азиатские НИС – 22,4%. Таким образом, в совокупности на азиатских рынках было реализовано 49,9% японского промышленного экспорта¹³.

Если проанализировать структуру накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) японских корпораций за рубежом, которая довольно точно отражает особенности размещения их зарубежной производственной базы, то окажется, что основные приоритеты в своих инвестиционных стратегиях они отдают Северной Америке (33,6% накопленных ПИИ на конец 2007 г., в том числе 31,9% в США) и Западной Европе (26,7%), в то время как доля всей Азии составила менее ¼ (24,3%).

Однако, здесь, как и в случае с экспортом, важна динамика процесса. Накопленные инвестиции Японии за рубежом выросли в 2005 – 2007 гг. на 40,9% (показатель значимый сам по себе, поскольку отражает растущую активность японских компаний за рубежом). В то же время инвестиции в европейские экономики увеличились на 57%, в азиатские – на 50%, а в США – только на 16%. Из четырех стран группы БРИК опережающий рост японских инвестиций наблюдался в двух из них: Китае (прирост накопленных инвестиций – 53% в 2005 – 2007 гг.) и Бразилии (прирост – 85% за тот же период). Для Индии и России аналогичные показатели составили соответственно 33 и 38%¹⁴.

Таким образом, мы видим, что непосредственно перед кризисом японские компании оставались в большей степени ориентированными на рынки развитых стран – США и Европы (имея в виду экспорт и размещение производственных активов). Вместе с тем анализ динамики основных показателей их торгово-инвестиционной деятельности позволяет сделать вывод о продолжении ими стратегии расширения своего присутствия на азиатских рынках, и эта стратегия уже дала

¹³ Подсчитано по: 2008 JETRO White Paper on International Trade and Investment, p. 278 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf).

¹⁴ Подсчитано по: 2008 JETRO White Paper on International Trade and Investment, p. 282 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf).

свои плоды, свидетельством чему может служить динамика структуры продаж и получения прибыли по регионам (см. Диаграммы 1 и 2).

Диаграмма 1–2

Обращает на себя внимание тот факт, что в 2007 г. прибыли от азиатских подразделений японских компаний (вместе с Океанией) впервые превысили прибыли от американских филиалов, что вместе с ростом показателей по Европе (во многом благодаря повышению курса евро) позволило японским компаниям компенсировать падение своих прибылей в США.

Вместе с тем внутренний рынок Японии в период восстановления экономического роста в 2002 – 2007 гг. характеризовался застоем потребительского спроса и строительного сектора. Расширение рынка происходило, главным образом, за счет инвестиций производственных компаний, в том числе в строительство предприятий в самой Японии.

В целом же, с высокой долей вероятности можно утверждать, что японская экономика как таковая не стала источником нынешних кризисных потрясений, кризис пришел в Японию извне, что было неизбежно, учитывая высокую и все возрастающую степень интернационализации деятельности основных хозяйственных субъектов.

Проявления мирового финансово-экономического кризиса в Японии

Ухудшение всех экономических показателей в Японии началось со второго квартала 2008 г. В конце ноября 2008 г. статистическое управление Японии зафиксировало рецессию официально¹⁵. Уже в 1-м квартале 2008 фин.г. начали сокращаться инвестиции компаний, а с июля – и заказы на машины и оборудование. Снижение ВВП за июль – сентябрь 2008 г. составило 0,4% (в годовом исчислении), а по уточненным в начале декабря официальным данным – 0,5%. В годовом исчислении темпы роста экономики страны снизились на 1,8%, а в первом квартале 2009 г. составили почти минус 4% по сравнению с четвертым кварталом 2008 г. (в реальном выражении)¹⁶.

Началось падение промышленного производства (в четвертом квартале 2008 г. его индекс составил около 94% по сравнению с показателем 2005 г.) при одновременном росте товарных запасов (индекс за тот же период вырос до 110%) и их уровня (до 124%)¹⁷. Особенно заметное снижение объемов производства (на базе добавленной стоимости) произошло в текстильной (минус 8,9% в 2008 г. по сравнению с 2007 г.) и химической промышленности (минус 6,6% за тот же период, без фармацевтики), общем машиностроении (минус 8,1%), цветной

* Составлено по: 2008 JETRO White Paper on International Trade and Investment, p. 77. (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf); 2009 JETRO White Paper on International Trade and Investment. Summary and Reference Materials. August 25, 2009, p. 21 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2009.pdf).

¹⁵ Снижение ВВП на протяжении двух кварталов служит критерием технического определения рецессии.

¹⁶ <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c03cont.htm>

¹⁷ <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c06cont.htm>

металлургии (минус 5,2%), производстве информационно-коммуникационного и электронного оборудования (минус 4,8%)¹⁸.

Товарные запасы в 2008 г. выросли почти во всех отраслях, но особенно «драматично» – в производстве информационно-коммуникационного оборудования и электронных частей и компонентов (соответственно на 35% и на 46% по сравнению с 2007 г.)¹⁹. При этом производственные мощности электронной промышленности продолжали расти до апреля 2009 г.: так в 2008 г. индекс их роста (2005 = 100) составил 152,9, в марте 2009 г. – 161,1, апреле – 153,7, мае 2009 г. – 153. Таким образом, проблемы реализации, роста товарных запасов и недогрузки мощностей для компаний этой отрасли, по-видимому, оказались более серьезными, чем для других отраслей.

Прибыли корпораций (без учета показателей финансовых холдингов) в апреле-июне 2008 г. упали на 10,5% из-за сокращения объема продаж. При этом прибыли компаний обрабатывающей промышленности сократились еще больше – на 11,7% за тот же период. Началось сокращение реального экспорта и возможностей экспорта капитала.

В августе 2008 г. число корпоративных банкротств в Японии увеличилось на 4,2% по сравнению с аналогичным периодом 2007 года²⁰.

Цены на товары производственного назначения начали показывать отрицательную динамику с сентября 2008 г. Ежемесячные отрицательные показатели в диапазоне от минус 2,1 до минус 0,4% наблюдались до июня 2009 г. В июле и августе 2009 г. была отмечена стабилизация и слабый рост – соответственно на 0,4% и 0,0%²¹, который, однако, вряд ли можно расценивать как тенденцию. Индекс роста потребительских цен в июле 2009 г. также показал слабый рост – 100,1 (2005 = 100), однако в годовом исчислении цены упали на 2,2%.

Уровень безработицы начал довольно резко и устойчиво повышаться с октября 2008 г., когда он составлял 3,8%, и в июле 2009 г. достиг 5,7% (с учетом сезонных колебаний). Численность безработных к этому времени достигла 3,59 млн. чел, что на 40,2% больше, чем год назад²².

Произошло снижение ежемесячных потребительских расходов: по данным на июль 2009 г. оно составило 4,2% в номинальном и 1,6% – в реальном выражении (в годовом исчислении)²³.

¹⁸ <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c06cont.htm>

¹⁹ <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c06cont.htm>

²⁰ Monthly Economic Report, November 2008 (www5.cao.go.jp/keizai3/getsurei-e/2008nov.html); <http://www.stat.go.jp/english/data/cpi/1581.htm>

²¹ http://www.boj.or.jp/en/type/stat/boj_stat/cgpi/cgpi0908.pdf

²² <http://www.stat.go.jp/english/data/roudou/154.htm>

²³ По городским домашним хозяйствам численностью от 2 человек. <http://www.stat.go.jp/english/data/kakei/156.htm>

И, наконец, наиболее драматично на этом фоне выглядят показатели внешнеэкономической деятельности. В 2008 г. впервые за семь лет в Японии сократился индекс физического объема экспорта – на 1,6% (2005=100). В том же году почти на 72 млрд. долл. уменьшилось положительное сальдо торгового баланса – до 19,8 млрд. долл. В 4-м квартале 2008 г. – 2-м квартале 2009 г. сокращались стоимостные объемы экспорта (соответственно на 11,9%, 38,7% и 34,9%), в 3-м квартале 2008 г. – 1-м квартале 2009 г. фиксировался дефицит торгового баланса (подобная ситуация в последний раз имела место в 1979–1980 гг. после второго нефтяного шока). Общий же рост стоимостного объема японского экспорта в 2008 г. (на 8,9%) был достигнут благодаря росту продаж на азиатских рынках, прежде всего, китайском. Однако, начиная с четвертого квартала 2008 г. и здесь фиксировалось снижение экспорта, продолжавшееся вплоть до второго квартала 2009 г.

Вместе с тем, в платежном балансе 2008 г., как и в предыдущем году, наблюдалось большое положительное сальдо по статье «доходы» – 152, 2 млрд. долл., которое обеспечил рост доходов от зарубежной деятельности²⁴.

Политика японских компаний в условиях кризиса

Итак, с сентября 2008 г. японская экономика вступила в период рецессии, вызванной мировым финансовым кризисом. Вполне очевидно, что макроэкономические показатели, на которые мы опирались, отражают, прежде всего, положение японских корпораций – основных субъектов экономической деятельности. Дальнейшее развитие ситуации, и перспективы выхода из кризиса также в значительной мере будут зависеть от действий компаний, прежде всего, крупнейших²⁵.

Как мы уже отмечали выше, японские компании преодолевали кризисные явления 1990-х годов на основе максимального использования тех возможностей, которые предоставляет глобализация, и на путях дальнейшей транснационализации своей деятельности. Подобная стратегия нашла отражение в расширении экспорта товаров, услуг (в меньшей степени) и капитала, активизации участия в корпоративных слияниях и поглощениях, заключении международных межфирменных союзов, расширении и рационализации зарубежных бизнес-сетей.

²⁴ 2009 JETRO White Paper on International Trade and Investment. Summary and Reference Materials. August 25, 2009, p. 16, 17 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2009.pdf).

²⁵ Положение малого и среднего бизнеса, сектора домашних хозяйств, позиция и политика государства также, безусловно, будут оказывать влияние на дальнейшее развитие событий, но данная статья посвящена именно ведущим корпорациям Японии.

В условиях же нынешнего кризиса внешний рынок превратился для японских компаний в источник неустойчивости, рисков и неопределенности.

По мнению ведущего экономиста «Мицубиси – UFJ Секьюритиз» Сикано Тацуси, в настоящее время ситуацию ухудшают растущие государственные расходы и снижение экспорта. Ведущие японские производители, включая «Тоёта», «Мицубиси», «Ниссан» и «Сони», продолжают сталкиваться с падением сбыта на ведущих экспортных рынках в США и ЕС²⁶.

В начале рецессии (осенью 2008 г.) ситуация в японских корпорациях с более высокой степенью транснационализации была в большинстве случаев хуже, чем в тех, которые были более ориентированы на внутренний рынок. Однако впоследствии положение начало стремительно ухудшаться для всех компаний.

Председатель правления «Тоёта Моторс» Ф. Тё в интервью газете «Ведомости» (декабрь 2008 г.) заметил, что ему «приходилось сталкиваться с кризисными ситуациями и раньше, но нынешний кризис уникален и отличается от всего, что мы видели до сих пор. Все предыдущие кризисы, которые переживали автопроизводители, можно описать формулировкой «одна причина – одно следствие»... Что касается сегодняшнего кризиса, то он имеет совсем иную природу... здесь уже не «одна причина – одно следствие», но множество причин, усугубляющих ситуацию... Во время предыдущих кризисов всегда оставались тихие гавани: если падали азиатские экономики, то в США все было хорошо, если страдали страны Западной Европы, то росли Россия и Китай... Сейчас мы столкнулись с кризисом, когда плохо всем и везде»²⁷.

Какие же действия предпринимают ведущие японские компании, чтобы противостоять кризису и какой стратегической линии они придерживаются, чтобы выйти из него еще более сильными? При всех различиях антикризисных корпоративных программ, мы можем выделить некоторые общие стратегические подходы. Это – дальнейшая экспансия и диверсификация производства как в географическом, так и в отраслевом плане. Иными словами, японские корпорации планируют продолжить освоение зарубежных рынков и перспективных продуктовых ниш.

Расширение зарубежной деятельности

Зарубежные рынки и производственные базы, по-видимому, остаются приоритетными для многих японских компаний. По результатам

опроса, проведенного JETRO в конце 2008 г., 50,3% из 928 компаний различных отраслей и сфер деятельности, принявших участие в опросе, собираются в ближайшие три года расширить операции за рубежом, а 32,9% намерены сохранить их масштабы. К расширению же бизнеса на внутреннем рынке готовы 35,5% опрошенных компаний²⁸.

В то же время кризис, конечно, повлиял на их планы. По данным того же опроса, доля компаний обрабатывающей промышленности и торговли, которые собираются расширять зарубежные операции, в конце 2008 г. снизилась до 52,8% против 66,4% годом ранее.

Были несколько скорректированы и географические приоритеты. Китай по-прежнему остается наиболее привлекательной страной для перемещения туда практически всех элементов бизнес-систем, включая производство, службы продаж, исследования и разработки, дистрибуцию, региональные штаб-квартиры. Однако, доля компаний, намеревающихся расширять операции в Китае, в 2008 г. снизилась по сравнению с предыдущим годом. Исключение составляют компании, занятые переработкой ресурсов (угле- и нефтепереработка, производство резинотехнических изделий и пластмасс, текстильная промышленность), интерес которых к размещению производства в Китае растет.

Все меньше компаний намерены активизировать свою деятельность в США. Более того, некоторые из них уже выводят производственные мощности из этой страны. Например, американский филиал компании «Панасоник» переносит производство аудиоколонок и конденсаторов из американского штата Техас в Мексику и Азию, а руководство компании к весне 2010 г. переедет в г. Макаллен (штат Техас), чтобы быть поближе к мексиканской границе²⁹. Таким образом, руководство компании, вероятно, стремится к снижению издержек и одновременно к сохранению одной из своих производственных баз вблизи американского рынка, в стране, входящей в НАФТА.

В то же время вырос интерес компаний к размещению почти всех функций в Малайзии, Мексике и Бразилии, а офисов продаж – также в Таиланде, Индонезии, России и странах СНГ, что отражает заинтересованность японских компаний в диверсификации рынков сбыта. Бразилия и Россия (+СНГ) привлекают внимание, прежде всего, электротехнических и автомобильных корпораций, которые намерены размещать здесь подразделения продаж в целях дальнейшего активного освоения рынка³⁰.

28 Survey on International Operations of Japanese Firms (FY 2008), p.5 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/survey/pdf/2009_02_biz.pdf).

29 <http://business.compulenta.ru/446896/>

30 Что касается России, то результаты продаж новых японских автомобилей в первом полугодии 2009 г. неутешительны: импорт в физическом выражении сократился в 7,7 раза

26 <http://www.rbcdaily.ru/2008/12/10/world/394086>

27 <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/12/09/172814>

Однако лишь небольшое число компаний намерено размещать или расширять производственные мощности и научно-исследовательские подразделения в этих двух странах, входящих в группу БРИК.

Вместе с тем примеры заинтересованности крупных японских компаний в ведении производственной деятельности в России, конечно, есть, например, участие в проектах разработки месторождений полезных ископаемых. В частности, корпорация «Мицуи» подписала с компанией «Мечел»³¹ меморандум о сотрудничестве и ведет переговоры о возможности совместной разработки Эльгинского угольного месторождения. Меморандум предусматривает сотрудничество по различным направлениям – от маркетинга, логистики и продажи металлопродукции и сырья до создания совместных предприятий в сфере производства сырьевых товаров, продукции черной и цветной металлургии³².

Японские компании обрабатывающей промышленности также осуществляют в России целый ряд проектов разного масштаба. Строительство в нашей стране сборочных предприятий японскими автогигантами – «Тоёта» и «Ниссан» – факт известный. За ними на наш рынок приходят и производители частей и компонентов, в том числе для вторичного рынка. Так, японская компания «Асахи Гласс» в августе 2009 г. запустила на Борском стекольном заводе (Нижегородская обл.), приобретенном ею ранее, линию по производству ветрового стекла «триплекс»³³.

Вместе с тем японские компании по-разному оценивают перспективы российского рынка в условиях кризиса. Так, «Судзуки» отказалась

по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а за год ожидается сокращение в 5–6 раз (<http://www.avtostat.ru/news.asp?t=1&n=3233>).

³¹ ОАО «Мечел» (NYSE: MTL), ведущая российская горнодобывающая и металлургическая компания. Бизнес «Мечела» состоит из четырех сегментов: горнодобывающего, металлургического, ферросплавного и энергетического. «Мечел» объединяет производителей угля, железорудного концентрата, стали, проката, ферросплавов, продукции высоких переделов, тепловой и электрической энергии.

1 октября 2009 г. компания открыла свое официальное представительство в Японии (г. Токио). Оно будет осуществлять поддержку бизнеса «Мечела» в этой стране, в том числе проводить исследования рынка, организовывать встречи с партнерами и вести поиск новых партнеров, заниматься рекламой продукции группы и осуществлять представительскую деятельность.

«Мечел» имеет давние партнерские отношения с японскими потребителями своей продукции. В Японию поставляется концентрат коксующегося и энергетического угля, производимый на «Якутугле», а также ферросилиций и феррохром (<http://www.mechel.ru/news/article.wbp?article-id=19B9D875-8A28-47BC-AF15-820A1C02E0B5>).

³² <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1219164>

³³ <http://www.itar-tass.com/prnt.html?NewsID=14236470>

от своих планов строительства предприятия в нашей стране и даже вернула отведенный земельный участок. Компания сочла целесообразным осуществлять поставки в Россию (притом, что за 9 месяцев 2009 г. продажи сократились наполовину) с венгерского предприятия, а инвестировать в технологический центр в Индии³⁴.

Обращает на себя внимание и тенденция к перемещению производства продукции с более высокой долей добавленной стоимости в «новые» азиатские страны (т. е. менее освоенные японскими компаниями) – Вьетнам и Индию – и компаниями других отраслей (помимо автомобилестроения).

Стремление к диверсификации сбыта и перемещению ряда функций в страны с низкими издержками – а именно такие мотивы расширения зарубежных операций просматриваются при анализе результатов опроса JETRO в первую очередь – являются ответом японских корпораций (и, разумеется, не только японских) на изменение международной среды их деятельности в условиях мирового кризиса. Эти изменения заключаются, прежде всего, в падении спроса на продукцию (на это указали 80% опрошенных компаний) и росте издержек производства (отметили 26% опрошенных). В результате снижается объем продаж (77% опрошенных) и ценовая конкурентоспособность, в том числе из-за укрепления иены (51% опрошенных)³⁵.

В целях преодоления указанных трудностей корпорация «Тосиба», например, изучает вопрос о налаживании производства своих плоских телевизоров с ЖК-экранами в России, а также в Индии, Египте и Бразилии. Это является частью программы компании по увеличению к весне 2011 г. глобального сбыта плоских телевизоров «Тосиба» более чем вдвое – до 15 млн. штук. В настоящее время корпорация контролирует 7,2% мирового рынка этой продукции. К весне 2011 года она намерена увеличить свою долю до 10% – в первую очередь за счет снижения цен на новую продукцию.

Главная ставка при этом делается на страны с быстро развивающимися экономиками – Россию, Китай, Индию, Бразилию, Египет, поскольку возможности сбыта в самой Японии, США и странах ЕС уже фактически исчерпаны. С этой целью «Тосиба» намерена резко увеличить в этих странах сеть магазинов, торгующих ее телевизорами – с нынешних 10 тыс. до 30 тыс. в 2012 г. Решено также направлять на рекламу 5% доходов от сбыта этой продукции³⁶.

³⁴ <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/09/24/214637>

³⁵ Survey on International Operations of Japanese Firms (FY 2008), p.16 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/survey/pdf/2009_02_biz.pdf).

³⁶ <http://www.izvestia.ru/news/news215773>

При сохранении и усилении в условиях кризиса общей ориентации на развивающиеся рынки подходы японских компаний (по крайней мере, некоторых) к их освоению претерпевают некоторые изменения. Показательно в этом отношении сравнение политики менеджмента корпорации «Панасоник» на 2008 и 2009 фин. гг. Если в планах 2008 г. приоритетными объявлялись высокие ценовые сегменты рынков стран БРИК, Вьетнама и других растущих экономик, то в 2009 г. акценты переместились на сегмент более дешевых товаров. При этом упор будет делаться не только на технологические инновации и выведение на рынок новых видов продукции, но и на ее адаптацию к потребностям различных региональных рынков, агрессивный маркетинг, нацеленный на увеличение продаж, в первую очередь за рубежом³⁷.

Подобной стратегии придерживается и другая крупнейшая электротехническая корпорация «Тосиба», которая строит свою антикризисную стратегию в расчете на «расширение глобального бизнеса», прежде всего, за счет ускоренного продвижения на растущие рынки и, так же как «Панасоник» и другие компании, переориентирует усилия на развитие каналов дистрибуции, адаптацию продуктов, маркетинговую поддержку³⁸.

В целом, можно сказать, что ответом японских компаний на кризисные явления стала дальнейшая зарубежная экспансия и одновременно определенная реорганизация их деятельности как в Японии, так и за рубежом.

Более детальное представление о тех шагах, которые компании предпринимают или намерены предпринять в целях противостояния кризису, дают их «свободные» ответы в ходе уже анализировавшегося нами выше опроса JETRO. Компании, действующие в пищевой промышленности, производстве пластмасс, черной металлургии, транспортном машиностроении, электротехнике, производстве точного оборудования, торговле, делают упор на снижение издержек и расширение зарубежных поставок. Компании, занятые в текстильной промышленности, общем машиностроении, производстве резинотехнических изделий, намерены проводить реорганизацию производственных систем и, кроме того, как и фармацевтические и косметические корпорации осваивать новые рынки и продуктовые линии. Кроме этих, наиболее популярных, мер многие корпорации указывали на намерение сократить штат, изменить состав поставщиков и дилеров, а также структуру размещения филиалов и подразделений, снизить или, наоборот, повысить экспортные цены, приобретать иностранные фирмы, работающие

³⁷ <http://panasonic.net/vision/amp>

³⁸ <http://www.toshiba.co.jp/about/ir/en/library/pr/pdf/tpr20090805e.pdf>

в той же отрасли (или доли в них)³⁹. Далее мы рассмотрим некоторые из этих мер подробнее.

Приобретение активов и заключение альянсов

В период экономического подъема 2002 – 2007 гг. японские корпорации сумели существенно улучшить свое финансовое положение и накопить значительные финансовые ресурсы. Поэтому в начале мирового финансового кризиса они обладали ликвидностью, что позволило им приобрести ценные зарубежные активы в условиях повышения курса иены и падения фондовых индексов.

В 2008 г. японский финансовый холдинг «Номура» («Nomura Holding Inc.») приобрел бизнес обанкротившегося инвестиционного банка «Lehman Brothers» в АТР, Европе и на Ближнем и Среднем Востоке⁴⁰. Как полагает руководство холдинга, это приобретение позволит «Номура» стать игроком мирового уровня, получив доступ к новой международной клиентской базе, а также инфраструктуре «Lehman Brothers» в трех крупных регионах⁴¹.

Другая крупнейшая японская финансовая группа «Мицубиси – UFJ» подписала с «Morgan Stanley» соглашение о стратегическом партнерстве, в рамках которого приобрела 20% голосующих акций американского финансового института на сумму 7,8 млрд. долл. Кроме того, она приобрела и превратила в свой филиал (со 100%-ным участием) американскую финансовую корпорацию «Union BanCal Corp.» (сумма приобретения 3,7 млрд. долл.).

Крупнейший в Японии финансово-страховой холдинг «Tokyo Marine Holdings, Inc.» вложил 4,7 млрд. долл. в приобретение имущества и долгов американской страховой компании «Philadelphia Consolidated» и 900 млн. – в английскую «Kiln».

Всего же в 2008 г. общая сумма сделок японских финансовых корпораций на международном рынке слияний и поглощений (далее M&A) составила 11,9 млрд. долл.⁴²

Комментируя факты приобретения японскими банками американских и европейских финансовых активов, пострадавших от кризиса, эксперты отмечают, что японские банки, восстановившиеся после фи-

³⁹ Survey on International Operations of Japanese Firms (FY 2008), p.18 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/survey/pdf/2009_02_biz.pdf).

⁴⁰ Последний этап сделки был завершён в октябре 2008 г. (http://www.nomuraholdings.com/news/nr/europe/20081006/20081006_a.html).

⁴¹ Annual Report 2009 (http://www.nomuraholdings.com/investor/library/ar/2009/pdf/ar_all.pdf).

⁴² 2009 JETRO White Paper on International Trade and Investment. Summary and Reference Materials. August 25, 2009, p. 20 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2009.pdf).

нансового кризиса конца 1990-х, пользуются конъюнктурой, чтобы начать активную экспансию на международный финансовый рынок.

К. Куртис, бывший вице-председатель правления «Goldman Sachs Asia», сказал в интервью канадской «The Globe and Mail»: «Японские банки решили вновь утвердить себя в качестве крупного игрока на глобальном финансовом рынке».

«Сейчас у Японии есть возможность стать крупным поставщиком ликвидности для остальных финансовых рынков», — заявил сингапурской «Straits Times» Р. Фергюсон, глава регионального управления по Юго-Восточной Азии британского «Standard Chartered Bank»⁴³.

От себя заметим, что столь значительные приобретения в случае благоприятного развития событий помогут финансовым организациям Японии принципиально изменить свое стратегическое положение на ведущих региональных финансовых рынках и совершить прорыв в сфере международных финансовых услуг, поскольку известно, что уровень транснационализации японских финансовых институтов (как и других компаний в сфере услуг) ниже, чем компаний обрабатывающих отраслей. Вместе с тем и риски здесь чрезвычайно высоки. Финансовое положение объектов капиталовложений крайне неустойчиво, а сама японская банковская система еще не вполне оправилась от кризиса.

Так, из 708,2 млрд. иен чистых убытков холдинга «Номура» в 2008 фин. г. 120 млрд. (или почти 17%) были обусловлены приобретением активов «Lehman Brothers» (для сравнения: в 2007 фин. г. чистые убытки холдинга, вызванные, главным образом, сокращением зарубежных операций, составили 67,8 млрд. иен). Кроме того, в процессе интеграции новых подразделений в структуру холдинга и формирования единой команды менеджменту «Номура» приходится решать весьма непростые проблемы, связанные с различием корпоративных культур, систем компенсаций и другими различиями моделей корпоративного управления в американской и японской финансовых организациях⁴⁴.

По итогам первого квартала 2009 г. три ведущие японские банковские финансовые группы — «Мицубиси — UFJ», «Сумитомо — Мицуи» и «Мидзухо» — понесли убытки, которые были обусловлены в том числе и падением стоимости приобретенных активов. Так, привилегированные акции американского банка «Merrill Lynch», приобретенные «Мидзухо», упали в цене на 80 млрд. иен, а «Сумитомо — Мицуи» потеряла около 60 млрд. иен из-за обесценения бумаг британского банка «Barclay»⁴⁵.

⁴³ По материалам: РБК Daily, 23.09.2008 (<http://www.rbcdaily.ru/2008/09/23/world/381457>); Коммерсант, 24.09.2008 (<http://www.kommersant.ua/doc.html?DocID=1030774&IssueId=47017>).

⁴⁴ Annual Report 2008 (http://www.nomuraholdings.com/investor/library/ar/2008/pdf/ar_all.pdf).

Annual Report. 2009 (http://www.nomuraholdings.com/investor/library/ar/2009/pdf/ar_all.pdf).

⁴⁵ <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=881680&ct=news>

Еще более активными на рынке слияний и поглощений были японские фармацевтические концерны, которые в 2008 г. приобрели активы иностранных компаний на сумму 19,6 млрд. долл. Так, например, «Такэда Фармасьютикал» присоединила американскую «Millenium Pharmaceuticals» (сумма сделки 8,1 млрд. долл.) с целью использования научного потенциала последней в сфере борьбы с онкологическими заболеваниями. «Дайити Санкё» за 5 млрд. долл. приобрела индийскую «Ranbaxy Laboratories» для получения доступа к ее дистрибьюторской сети в развивающихся странах и реализации стратегии диверсификации в сфере «генетических медикаментов».

Весьма активны на рынке слияний и поглощений также японские компании, действующие в сфере производства продуктов питания и напитков. Так, например, компания «Сантори» (производство алкогольных и безалкогольных напитков) ведет переговоры с инвестиционными фондами «Blackstone Group» и «Lion Capital» о покупке европейского производителя прохладительных напитков «Orangina»⁴⁶. В случае успеха «Сантори» получит право на выпуск продукции под брендами «Oasis» и «Schweppes», годовой объем продаж которых оценивается примерно в 1 млрд. евро⁴⁷. По мнению экспертов, на продовольственном рынке начинается волна слияний и поглощений, которая ранее прошла в ряде других секторов. В условиях замедления роста потребления возможности расширения бизнеса для производителей продуктов питания или целиком исчерпаны, или ограничены. Поэтому, пользуясь тем, что во время кризиса активы подешевели, компании стремятся осуществлять рост через поглощение и возможность реализовать синергетические эффекты⁴⁸.

Для «Сантори», которая в Японии переживает период застоя, глобализация и экспансия на внешних рынках могут стать ключом к выживанию, а для этого важно получить известные бренды⁴⁹.

Традиционно активны японские компании на рынке слияний и поглощений и в сфере освоения природных ресурсов, причем кризис только усилил данную тенденцию. Так, корпорации «Мицубиси», «Марубэни» и консорциум японских металлургических компаний (с участием южнокорейской POSCO) приобрели крупные доли в проектах в Австралии, Чили и Бразилии.

В целом общая стоимость приобретений японских компаний на рынке слияний и поглощений в 2008 г. достигла рекордного показате-

⁴⁶ Ранее была частью «Cadbury Schweppes».

⁴⁷ Цена сделки может превысить 2,2 млрд. долл., которые «Blackstone Group» и «Lion Capital» заплатили за «Orangina» в 2006 г.

⁴⁸ Мнение аналитика ИК «Ренессанс Капитал» Н. Загвоздиной.

⁴⁹ <http://www.rbcdaily.ru/2009/09/11/world/430594>

ля в 65,2 млрд. долл. (что поддержало показатели экспорта ПИИ)⁵⁰. Оценивая ситуацию с точки зрения стратегий компаний, можно сказать, что они пользуются благоприятным моментом для решения стратегических задач по укреплению своих позиций на региональных рынках (американском, европейском, азиатском) на основе использования известных брендов, а также логистических, маркетинговых, научно-исследовательских подразделений тех иностранных компаний, которые они приобретают, или тех, с которыми вступают в партнерство, покупая их активы.

При этом интересно отметить, что в 2008–2009 гг. на рынке M&A (где, в целом, наблюдается спад) американские и европейские компании в качестве покупателей представлены слабо. Наиболее активны компании из стран с развивающимися рынками (Индия, Китай, Россия и другие), а также, как мы видим, японские.

В то же время некоторые международные партнерства распадаются. Так, в марте 2010 г. «Тоёта» разрывает производственный контракт с NUMMI (совместное предприятие «Тоёта» и GM, действовавшее с 1984 г.) и переносит производство на свои предприятия (ранее о своем решении выйти из СП объявил американский партнер, который находится в стадии банкротства)⁵¹.

Активизировалась деятельность японских компаний по заключению различных союзов между собой. Так, «Сантори» помимо покупки «Orangina» ведет переговоры о слиянии с крупнейшим в Японии производителем пива «Кириин».

Компании «Панасоник» и «Санъё» в декабре 2008 г. подписали договор о заключении альянса (Capital and Business Alliance Agreement), нацеленного на обмен ноу-хау в области управления, а также объединение бизнес-ресурсов в интересах повышения глобальной конкурентоспособности и стоимости каждой из компаний. Предполагается, что «Санъё» станет дочерней фирмой «Панасоник»⁵². В сентябре 2009 г. Комиссия по справедливому и честным сделкам одобрила план покупки акций «Санъё» компанией «Панасоник» на том условии, что обе фирмы продадут некоторые части своего бизнеса⁵³.

⁵⁰ 2009 JETRO White Paper on International Trade and Investment. Summary and Reference Materials. August 25, 2009, p. 19, 20 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2009.pdf).

⁵¹ http://www2.toyota.co.jp/en/news/09/08/0828_1.html

⁵² <http://panasonic.co.jp/corp/news/official.data/data.dir/en081107-2/en081107-2.html> <http://panasonic.co.jp/corp/news/official.data/data.dir/en090831-2/en090831-2.html>

⁵³ Комиссия изучала вопрос о том, явится ли эта покупка нарушением антимонопольного закона, так как в случае, если эти фирмы объединят продажи особого вида батарей, то на их долю придется почти 100% внутреннего рынка. Компания «Панасоник» надеется на приобретение в ближайшее время компании «Санъё» через предложение о покупке акций,

Инвестиции в технологии – инвестиции в будущее

Естественной реакцией японских компаний на кризис, приведший к падению всех основных показателей их финансово-экономической деятельности (объем продаж, прибыль, рентабельность) стало стремление к сокращению издержек, сворачиванию или отсрочке многих корпоративных программ и бюджетов. Однако на этом негативном фоне многие компании сохраняют на довольно высоком уровне расходы на НИОКР. По данным опроса ведущих промышленных корпораций Японии⁵⁴, проведенного летом 2009 г. газетой «Нихон кэйдзай симбун», эти компании активизируют инвестиции в НИОКР. На фоне снижения абсолютных размеров расходов на НИОКР, ожидаемого в 2009 г., их доля в стоимости продаж даже увеличится – до 4,3%, что может стать самым высоким показателем за последние 8 лет⁵⁵. Более того, 40% из числа опрошенных корпораций намереваются увеличить и абсолютные масштабы инвестирования в НИОКР, а более 20% опрошенных ответили, что планируют увеличить их к 2013 г. более чем на 10% по сравнению с 2008 г.

Наибольшую долю выручки от продаж направляют на научные исследования и разработки фармацевтические компании – 8,3%, далее следуют IT-компании – 5,4%, автомобилестроители – 5,3%, машиностроительные и инжиниринговые корпорации – 2,8%. Наиболее перспективными направлениями исследований являются: технологии энергосбережения (57,7% предполагаемых расходов), разработка новых источников энергии (46,5%), новых материалов (37,3%), нанотехнологии (32,7%), а также экологическая проблематика⁵⁶.

Среди опрошенных корпораций наибольшую сумму направляет на НИОКР «Тоёта» (820 млрд. иен), за ней следуют «Хонда», «Панасоник», «Сони» и «Ниссан» (более 400 млрд. иен каждая). В десятке лучших числятся также «Хитати», «Тосиба», «Кэнон», «Такэда Фарм» и NEC⁵⁷.

Если рассматривать научно-техническую политику компаний в контексте антикризисных мер и как часть стратегии послекризисного развития, то становится очевидным, что сегодняшние вложения в научно-технические разработки – это база для инновационных прорывов

как только антимонопольные власти в США, Европейском Союзе и Китае также одобряют этот план. NHK World, 10.09.2009.

⁵⁴ В опросе приняли участие 253 корпорации.

⁵⁵ При предполагаемом снижении объема продаж в 2009 г. на 11,8% по сравнению с прошлым годом сумма инвестиций в НИОКР сократится только на 6%.

⁵⁶ <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/business/20090807.shtml>

⁵⁷ <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/business/20090807.shtml>

в будущем, для создания и освоения новых сегментов рынка в условиях насыщения спроса на товары, производство которых проходит или уже прошло стадию зрелости. Вероятно, это – единственный путь удержаться на рынке в условиях, когда конкуренция перемещается в научно-технологическую сферу, что, в общем-то, было ясно и до кризиса. Однако в период кризиса вызов для компаний состоит в том, чтобы продолжать активную инновационную политику при сокращении доходов от продаж и соответственно бюджетов. Проще говоря, после кризиса выиграют те компании, которые и в кризис сумели не прекращать, а, напротив, расширять инновационную активность.

Развитие новых продуктов и создание новых продуктовых сегментов ставится во главу угла многими компаниями. Например, «Тосиба» в качестве одного из ключевых элементов своей среднесрочной стратегии, нацеленной на возвращение к устойчивому росту, выдвигает «фокусирование на сильных новых видах бизнеса», в том числе высокотехнологичном оборудовании для развития «социальной инфраструктуры» (энергетика, транспорт, защита окружающей среды, здравоохранение) в Японии и за рубежом⁵⁸.

Кроме того, в кризисных условиях повышается значение фактора времени. По данным упомянутого выше опроса «Нихон кэйдай симбун», 69% корпораций считают наиболее важным ускорение научно-исследовательской деятельности и сокращение временного лага до применения их результатов в производстве⁵⁹.

Примеры освоения новой высокотехнологичной продукции японскими производственными компаниями в условиях кризиса довольно многочисленны. Так, весьма активны в этой области крупнейшие японские автопроизводители, работающие в отрасли, которая (наряду с электротехническим машиностроением) больше всех страдает от кризиса.

Наиболее перспективным направлением технологических инноваций в настоящее время считается разработка и освоение моделей с гибридным двигателем и электромобилей. Подобные разработки ведутся всеми основными автопроизводителями Японии, а гибридные автомобили уже выведены на рынок. Лидером в этой области является «Тоёта», которая начала продажи первого массового гибридного автомобиля «Prius» в 1997 г. и сейчас связывает с этой продуктовой линией большие надежды. К концу августа 2009 г. компанией было реализовано более 2 млн. автомобилей различных марок (не только «Prius») с

⁵⁸ <http://www.toshiba.co.jp/about/ir/en/library/pr/pdf/tpr20090805e.pdf>

⁵⁹ <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/business/20090807.shtml>

гибридными двигателями⁶⁰. Несмотря на падение общего объема продаж компания намеревается увеличение производства за счет наращивания выпуска нового гибридного «Prius». Продажи его уже растут, в том числе благодаря поддерживаемой правительством системе налоговых скидок и предоставлению правительственных субсидий для покупки экономичных автомобилей⁶¹. Кроме того, корпорация уже разработала легковой гибридный автомобиль стационарной подзарядки, а также планирует выпустить на рынок электрический автомобиль не позже 2012 г. «Хонда» в феврале 2009 г. также начала продажу второй модели гибридного автомобиля «Insight» и планирует выпустить еще одну серию гибрида в 2010 г.⁶²

По оценкам аналитиков, и «Тоёта», и «Хонда» смогут несколько улучшить показатели продаж по итогам 2009 фин. г. именно благодаря продажам машин с гибридным двигателем⁶³.

«Ниссан» пока только готовится к выпуску в 2010 г. гибридной машины и электромобиля, однако рассчитывает, что уже с первого года продаж эти производства станут рентабельными. «Мицубиси дзидося» готовит к выпуску компактный электромобиль с литиево-ионным аккумулятором, гибридный автомобиль стационарной подзарядки. Над разработкой автомобильных аккумуляторов работают такие известные корпорации страны, как «Панасоник», «Мицубиси дэнки», «Хитати»идр.

Заметную инновационную активность проявляют и японские электротехнические корпорации. Так, многие из них рассчитывают на расширение рынка в связи с переходом Японии с аналогового на цифровое вещание. Совершенствуется жидкокристаллическое оборудование. Например, «Сони» и «Шарп» летом 2009 г. продолжили совместное строительство завода по производству жидкокристаллических панелей десятого поколения, которое ранее велось силами только «Шарп» («Сони» из-за финансовых трудностей не смогла внести свой вклад)⁶⁴. Данный пример показывает, что кооперация компаний для осуществления дорогостоящих проектов – также весьма актуальная форма ведения бизнеса в условиях кризиса, хотя уровень надежности таких партнерств и снижается.

Ведущие электротехнические корпорации «Сони» и «Панасоник» планируют выпустить телевизоры трехмерного изображения, что, по

⁶⁰ <http://www2.toyota.co.jp/en/news/09/09/0904.html>

⁶¹ <http://www2.toyota.co.jp/en/news/09/09/0908.html>; <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B5AE57C09-1582-45DE-88D9-98D0D885AD8>

⁶² <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/business/20090309.shtml>

⁶³ <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B83ACB098-900D-4364-AE95-7905C71C990F>

⁶⁴ <http://www.osp.ru/text/print/685552/9760572html>

словам президента «Сони Маркетинг» Курита Нобуки, дает большие надежды на открытие новой эры бизнеса. Так, «Сони» планирует уже в 2010 г. пустить в массовую продажу оборудование и контент, рассчитанные на восприятие трехмерного изображения⁶⁵.

Дальнейшее освоение рынков «общественных товаров»

В условиях кризиса многие японские компании проявляют особое внимание к рынкам так называемых «общественных товаров» (т. е. таких, потребление которых, как правило, не может осуществляться на индивидуальной основе) – развитию социальной инфраструктуры, энергетики, экобизнеса. Эти рынки, как известно, весьма специфичны, их развитие часто связано с реализацией больших проектов с участием общественного сектора. Интерес к ним со стороны частных компаний обычно повышается либо в условиях переизбытка капиталов (как это было в Японии в период экономики «мыльного пузыря», когда было начато много инфраструктурных проектов), либо в условиях кризиса, когда компании стремятся получить крупные заказы или создать новые сегменты рынка (например, «экологически дружественных» товаров).

И сейчас многие японские компании связывают с такими сферами большие надежды на будущее. Например, корпорация «Тосиба» планирует к 2011 г. увеличить продажи в бизнес-сегменте, связанном с социальной инфраструктурой (Social Infrastructure Business Group) до 3 трлн. иен за счет наращивания продаж самого передового в техническом отношении атомно-энергетического «экологически дружественного» оборудования, а также его активного продвижения на зарубежные рынки.

При этом в ряде случаев «Тосиба» намерена диверсифицировать свою деятельность, «заполняя» все звенья производственной цепи. Например, в сфере атомной энергетики это – строительство объектов, поставка топлива, оказание услуг в ходе эксплуатации АЭС. В настоящее время в этом «пакете» у компании не хватает второго звена. Поэтому она намерена участвовать в разработке месторождений урана в Казахстане и изучает возможности совместного бизнеса по обогащению урана с TENEX (Россия). При этом компания заявляет о своей готовности к созданию совместных предприятий, заключению альянсов, приобретению долей в иностранных компаниях для совершенствования технологий и в целом усиления позиций во всех звеньях бизнеса в области атомной энергетики. Компания активно борется за за-

⁶⁵ <http://www.sony.net/SonyInfo/News/Press/200909/09-099E/index.html>; <http://panasonic.co.jp/corp/news/official.data/data.dir/en090903-5/en090903-5.html>

казы на поставки оборудования и строительство атомно-энергетических объектов в разных странах (США, Китае, Индии, Финляндии и др.) и рассчитывает к 2015 г. получить 39 заказов, в том числе и благодаря партнерству с зарубежными компаниями (например, с «Westinghouse Electric»). Большие надежды «Тосиба» также возлагает на поставки оборудования для энергораспределительных сетей стран БРИК, намереваясь к 2015 г. увеличить долю зарубежных продаж в общей стоимости своих продаж до 75%.

Одним из перспективных и динамично развивающихся в условиях кризиса остается рынок оборудования, товаров и услуг для сохранения окружающей среды, который оценивается экспертами примерно в 10% мирового ВВП. Японский же рынок, по оценкам Министерства окружающей среды Японии, в 2006 г. составлял примерно 45 трлн. иен (т. е. 10% ВВП Японии)⁶⁶. Наиболее динамичным сегментом экомаркета в США, Китае, Японии и других странах становится рынок оборудования и технологий для получения и использования возобновляемых источников энергии.

Японские компании обладают самыми передовыми технологиями в целом ряде областей экобизнеса (оборудование для электростанций, использующих энергию ветра и солнца, энергосберегающее промышленное оборудование и бытовые электроприборы, оборудование для очистки воды, переработки и вторичного использования отходов, экоматериалы и многое другое).

Согласно результатам обследования, проведенного JETRO, японские корпорации могли бы расширить свое присутствие на рынках традиционных экотоваров (в основном, это – очистное оборудование, оборудование для переработки отходов и мониторинга состояния окружающей среды), оборудования для использования возобновляемых источников энергии и оборудования, позволяющего снизить выбросы углерода в целом ряде стран, в частности, Великобритании, Китае, Мексике, США, Германии, Испании, Южной Корее, Турции⁶⁷.

Следует еще раз подчеркнуть, что в условиях кризиса японские компании не только не отказываются от разработок, связанных с экологией, но, напротив, делают больший упор на экологические качества товаров с тем, чтобы повысить их конкурентоспособность. Например, «Мазда» начинает использовать мочевины для очистки выхлопа нового турбодизеля, который соответствует экологическому стандарту «Евро-5»⁶⁸.

⁶⁶ 2009 JETRO White Paper on International Trade and Investment. Summary and Reference Materials. August 25, 2009, p. 37 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2009.pdf).

⁶⁷ 2009 JETRO White Paper on International Trade and Investment. Summary and Reference Materials. August 25, 2009, p. 44 (http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2009.pdf).

⁶⁸ <http://automail.ru/article.html?id=29374>

Снижение издержек

В условиях мирового финансово-экономического кризиса, снижения продаж и прибыли компании, в первую очередь, конечно, стремятся снизить издержки производства, избавляются от части активов, сокращают численность персонала. Японские корпорации в этом смысле не исключение. Они также разрабатывают и реализуют свои программы реструктуризации бизнеса.

Компания «Тосиба», например, планирует сокращение постоянных издержек по всем трем основным сегментам своего бизнеса. В сфере оборудования на основе жидких кристаллов компания намерена сконцентрировать ресурсы на продуктах с высокой долей добавленной стоимости, сократив производственные мощности на ряде менее перспективных направлений и благодаря этому снизить постоянные издержки на 25% против уровня 2008 фин. г. В сфере производства бытового электрооборудования планируется сокращение издержек на 30 млрд. иен за счет интеграции производства и НИОКР в Японии и перемещения части производства в Китай. В области цифрового оборудования планируется обновить производственную структуру в целях повышения эффективности (за счет перемещения за рубеж части производства мобильных телефонов и централизации производства телевизоров в Европе) и таким образом сэкономить 50 млрд. иен⁶⁹.

Некоторые компании в целях сокращения расходов прибегают к *оптимизации бизнеса*, сокращая его убыточные элементы и звенья. Например, крупнейшая японская авиакомпания «Japan Airlines Corp.» (JAL) собирается сократить или отменить число рейсов на 24 международных маршрутах, в том числе на китайском направлении, с целью решения проблемы «избыточных мест»⁷⁰. В рамках антикризисного плана реструктуризации JAL намерена в ближайшие 3 года урезать операционные расходы на 30% и уволить 6 тыс. человек. Кроме того, предполагается заключить новые договоры с иностранными партнерами о совместной эксплуатации авиалиний на малоприбыльных маршрутах⁷¹. JAL планирует также увеличить свой капитал примерно на 100 млрд. иен путем продажи акций зарубежным партнерам (возможно – американским компаниям «AMR Corp.» и «Delta Air Lines»), а

⁶⁹ <http://www.toshiba.co.jp/about/ir/en/library/pr/pdf/tpr20090805e.pdf>

⁷⁰ <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B63125BA6-7747-4BE-94F6-9545AA445C49>

⁷¹ В апреле-июне 2009 г. чистые убытки JAL превысили прогноз и составили 99,04 млрд. иен. Предпринимаемые в этот период усилия по увеличению количества клиентов за счет снижения цен не принесли результатов из-за проблем в мировой экономике и отпугнувшего туристов новой разновидности гриппа.

также корейской «Korean Air», которые демонстрируют готовность вложить свои средства в JAL)⁷².

«Тоёта» также намерена расстаться с частью своих активов, правда непрофильных: она объявила о намерении продать свою финансово-страховую компанию «Тоёта Файнэншел Сервисис».

В кризисной ситуации японские корпорации уже не имеют возможности ежегодно «планово» нанимать персонал и даже не всегда могут сохранить имеющиеся кадры. Иными словами, тенденция к постепенному сокращению сферы действия системы пожизненного найма становится все более заметной. Так, по данным опроса, проведенного корпорацией NHK в сентябре 2009 г. среди 100 крупных японских компаний, 50% из них не планируют в ближайшее время возобновлять наем персонала, хотя 13% все же собираются в недалеком будущем принять на работу дополнительное число людей. Что касается уровня занятости на протяжении прошлого года, то немногим более половины компаний ответили, что они смогли сохранить свою рабочую силу. Однако почти 40% заявили, что они были вынуждены увольнять служащих – как временных, так и постоянных⁷³.

В то же время наем временных работников становится для компаний выходом из положения в условиях колебаний спроса, когда компании стремятся быстро использовать открывающиеся возможности новых сегментов рынка. Например, в ответ на рост спроса на гибридные автомобили «Тоёта» объявила о приеме 800 временных рабочих (главным образом, тех, кто работал на этих условиях ранее) для обеспечения наращивания объемов производства⁷⁴.

В условиях кризиса японские компании, как и корпорации других стран, вынуждены пересматривать систему компенсаций и финансовой отчетности. Агентство финансовых услуг Японии намерено законодательно обязать все зарегистрированные на бирже компании с марта 2010 г. раскрывать суммы и порядок начисления выплат высшим менеджерам. До сих пор компании делали это в своих отчетах лишь на добровольной основе. Новая система должна предотвращать ситуацию, когда ради повышенных премиальных менеджеры частных компаний фокусируют внимание на краткосрочных прибылях, пуска-

⁷² Реструктуризация JAL осуществляется под контролем государства, поэтому о своих планах компания должна будет сообщить в Министерство земель, инфраструктуры, транспорта и туризма (<http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B03B96A21-3D59-47FD-B9D6-4600766DD0D5%7D.uif>). <http://www.iii.co.uk/news/?type=afxnews&articleid=7520463&subject=general&action=article>

⁷³ NHK World, 15.09.2009.

⁷⁴ <http://www2.toyota.co.jp/en/news/09/09/0908.html>

ются в рискованные операции, приводящие к тяжелым последствиям для финансовой системы страны и всей национальной экономики. В первую очередь это касается фирм, которые оперируют ценными бумагами на финансовых рынках.

Бонусы менеджерам в Японии, по оценкам, ниже, чем в США и ведущих европейских странах, однако японское правительство намерено поддержать усиливающуюся в мире тенденцию к установлению системы контроля за такими выплатами⁷⁵.

Общие выводы и оценка перспектив

Завершая обзор антикризисных мер и стратегий японских корпораций, можно сделать следующие заключения.

Деятельность компаний в условиях кризиса с точки зрения целей, масштабов и временного горизонта можно условно подразделить на два блока. Это – неотложные меры (в основном, оперативного характера) по противодействию негативным воздействиям внешней среды и стратегии, направленные в будущее, определяющие контуры послекризисного развития компаний, их место на японском и мировом рынках.

К первой группе следует отнести меры, нацеленные на сокращение издержек и минимизацию убытков (сокращение персонала, урезание расходов, избавление от убыточных или недостаточно прибыльных активов).

Стратегический выбор компаний лежит, в основном, в сфере их географического и отраслевого (продуктового) позиционирования. Что касается выбора ключевых рынков на перспективу, то это дальнейшая зарубежная экспансия – в страны с растущими рынками (группа БРИК, прежде всего Китай, страны Юго-Восточной Азии). По мнению эксперта «Barclays Capital» К. Морита, от кризиса выиграют компании, которые смогут себе обеспечить заказы из Китая⁷⁶.

Вместе с тем для компаний многих отраслей японской промышленности американский рынок все же играет столь заметную роль, что вряд ли «новые» рынки в кратко- и среднесрочной перспективе смогут восполнить потери на этом направлении.

Поэтому неудивительно, что в ходе опроса, проведенного корпорацией NHK в сентябре 2009 г., многие респонденты заявили, что предварительным условием для восстановления экономического роста

⁷⁵ В частности, об этом шла речь на совещании министров финансов и глав центральных банков двадцати ведущих стран мира в Лондоне (<http://www.prime-tass.ru/news/0/%7BFD0F825C-E278-42FC-B8C2-4C5CB05598F3%7D.uif>); NHK World, 13.09.2009.

⁷⁶ <http://www.rbdaily.ru/print.shtml?2009/04/02/world/408796>

является оздоровление экономики США и таких быстро развивающихся стран, как Китай⁷⁷.

В отношении европейского рынка настроения японского бизнеса довольно pessimистичны. Например, руководство «Тоёта», положение и планы которой могут служить своего рода барометром настроений всего японского бизнеса, полагает, что конъюнктура на европейском рынке будет в следующем году или стабильно слабой, или даже ухудшится. По мнению главы европейского подразделения «Тоёта» Т. Арасима, реальная картина спроса в 2009 г. была искажена из-за проведения государственных программ помощи, а перспективы «естественного» спроса достаточно мрачные. В связи с этим Т. Арасима сообщил, что вместе с представителями других автоконцернов он намерен обратиться к правительствам европейских стран с просьбой не сворачивать программы помощи резко, а сделать это поэтапно, чтобы предотвратить обрушение покупательского спроса⁷⁸.

Что касается самого японского рынка, то многие его сегменты (особенно в сфере потребительского спроса) уже довольно давно обнаружили тенденцию к стагнации. На этом фоне весьма тревожно выглядят планы ведущих компаний сократить инвестиции в 2009 фин. г. на 12%. Сокращение отмечается уже второй год подряд, однако, впервые с 2002 г. оно составляет более 10%, что обусловлено снижением доходов корпораций⁷⁹.

Выбор перспективных сфер деятельности японские компании связывают, прежде всего, с разработкой, внедрением и выводом на рынок новых высокотехнологичных товаров и услуг, способных удовлетворять новые потребности людей (например, трехмерное телевидение). При этом компании, как представляется, улавливают, а иногда предвосхищают и даже инициируют эти новые потребности – в экологически комфортной среде, устойчивом развитии, безопасной и «экологически дружелюбной» энергетике. Поэтому научно-техническое развитие можно считать главным стратегическим выбором *послекризисного* развития.

Конечно, разделение антикризисных мер на оперативные и стратегические носит достаточно условный характер, так как в ряде случаев

⁷⁷ Вообще же экономическое оздоровление, судя по результатам опроса, ожидается в первой половине 2010 г. (34% опрошенных), во второй половине 2010 г. (29%), не раньше, чем в 2011 г. или даже позже (12%) (NHK World, 14.09.2009).

⁷⁸ <http://www.rbcdaily.ru/2009/09/16/industry/431383>

⁷⁹ По оценкам Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, общее сокращение инвестиций в обрабатывающей промышленности составит 24%, в том числе в электронике – 56%, автомобилестроении – 29,5%. Рост могут показать только предприятия сталелитейной и нефтеперерабатывающей промышленности – 6% и 16,7% (<http://www.vz.ru/news/2009/8/15/317677.print.html>).

неотложные меры, например, по реструктуризации и санации активов, приводят к существенным изменениям конфигурации бизнеса, его организационной структуры (иногда они бывают давно назревшими, но откладывавшимися по разным причинам). Другой пример – политика в отношении персонала. Вынужденная, казалось бы, мера по сокращению персонала и ограничению нового найма, может означать очередную шаг на пути к отказу от системы пожизненного найма, что может внести существенные коррективы в стратегию управления трудовыми ресурсами.

В целом, можно сказать, что набор антикризисных мер и стратегий у японских компаний и компаний Европы и США примерно одинаков. Все перечисленное нами выше применяется и западными компаниями. Однако некоторая специфика все же прослеживается. В первую очередь – это позиция японских компаний на мировом рынке слияний и поглощений, где японские корпорации выступают не только и не столько как продавцы, сколько как покупатели активов. Возможность приобретения зарубежных активов, а вместе с ними брендов и технологий может вывести японские компании на новый уровень на основных региональных рынках. Кроме того, японские компании стали как никогда активны в заключении межкорпоративных альянсов (не обязательно на основе приобретения долей). Похоже, они делают все меньше различий между отечественными и зарубежными партнерами, в кризис главным становится получение синергетического эффекта и, в конечном счете, большей доли рынка. Если данная тенденция закрепится, то японские корпорации станут более интернациональными и открытыми.

Раздел второй

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Уже в течение многих лет обеспечение населения продовольствием является одной из важнейших глобальных проблем человечества. Она обусловлена, прежде всего, быстрым ростом народонаселения на планете, ограниченностью продовольственных ресурсов, низким уровнем экономического развития ряда стран с большой численностью населения и значительным повышением уровня мировых цен на продовольствие в последние годы. Острота такого положения усугубляется в настоящее время в связи разразившимся в 2008 г. мировым финансово-экономическим кризисом.

До 2006 г. в течение ряда лет цены на продовольственную продукцию на мировом рынке увеличивались постепенно, а затем начали расти очень быстро. По данным Всемирного банка, за 1998–2007 гг. они выросли на 75%. Согласно мониторингу ООН, только за один 2007 г. они возросли на 40%¹. За 2006–2008 гг. на рис, например, они повысились в среднем на 217%, на пшеницу – на 136, на кукурузу – на 125, соя-бобы – на 107%. Один из сотрудников ООН уподобил этот рост «молчаливому цунами», грозящему голодом более чем 100 млн. людей, исполнительный директор Мировой продовольственной программы ООН назвал его «новым лицом голода»², а президент Всемирного банка Р.Зеллик констатировал, что он «равносителен потере семи лет нашей борьбы с бедностью»³.

Глобальный кризис повлиял не только на снижение производства в развитых странах, что повлекло за собой сокращение вывоза сырья из

¹ www.apk-inform.com/showart.php?id=55280

² Global Research. 24.04.2008 (<http://globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=8794>).

³ <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/NEWS/O,contentMDK:21726628...>

стран развивающихся и соответственно уменьшило их возможности получить средства для закупки продовольствия⁴. Кризис, особенно финансовый, сократил также возможности развитых стран оказывать необходимую помощь беднейшим государствам.

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО), из-за нехватки производства продуктов питания во многих странах и ограниченной их возможностью импорта в связи с высокими ценами на продовольствие на мировых рынках, число людей, страдающих от недоедания, на конец 2008 г. достигло почти одного миллиарда человек⁵. Эксперт Международного совета по правам человека Оливер Де Шуттер заявил в конце 2008 г., что в 2009 г. число голодающих в мире может даже превысить 1 млрд. человек⁶.

Не без оснований генеральный директор ФАО Хафез Гэхэм заявил в 2008 г. на презентации доклада этой организации о положении с продовольствием в мире, что «для миллионов людей в развивающихся странах, которые ежедневно довольствуются лишь минимальным уровнем потребления продовольствия, активная и здоровая жизнь – далекая мечта. Структурные проблемы голода, например, нехватка земли, кредитов и работы при высоких ценах на продовольствие продолжают оставаться страшной реальностью»⁷.

Основными факторами, вызывающими нехватку продовольствия в мире и рост цен на него, т. е. составляющими сущность мирового продовольственного кризиса, являются:

- быстрый рост населения на планете, особенно в развивающихся странах (индекс численности населения в мире составил в 2007 г. 180,4 при 1970 г. = 100),
- увеличение спроса на продовольствие в связи с улучшением условий жизни в развивающихся странах (в Китае, например, потребление мяса на душу населения выросло с 1985 г. по настоящее время в два с половиной раза),
- незначительные резервы продовольствия (запасы зерновых, по данным сельскохозяйственного департамента США, с начала века постепенно снижаются – в 2005 г. они составили лишь 15% от объема потребления, что было ниже показателя кризисных лет начала 1970-х годов),
- сокращение обрабатываемой площади под зерновыми, особенно при расчете на душу населения (за 1970–2007 гг. индекс этого показателя уменьшился на 43 пункта),

⁴ В ряде развивающихся стран, производящих сельскохозяйственное сырье, пищевая промышленность развита очень слабо.

⁵ www.fao.org/news/story/en/item/8836/icode/

⁶ Российская газета – Неделя №4787 от 06.11.2008.

⁷ www.fao.org/news/story/en/item/8836/icode/

- высокие цены на топливо и другие средства сельскохозяйственного производства (за 2006–2008 гг. они удвоились),
- увеличивающееся использование сельскохозяйственной продукции на непродовольственные нужды (в частности, использование зерновых и масличных культур для производства биологических видов топлива, о чем более подробно сказано в отдельном разделе),
- изменение климатических условий, снижающее урожайность (участившиеся наводнения, засухи и пр.),
- более частое возникновение серьезных инфекционных заболеваний скота и птицы (в частности, таких опасных, как коровье бешенство и птичий грипп).

К этому надо добавить также нехватку водных ресурсов и весьма дорогие кредиты.

Хотя в начале 2008 г. цены на основные зерновые культуры упали больше, чем на 50%, они все равно остались высокими по сравнению с периодом до 2006 г. Индекс цен на продовольствие, по данным ФАО, в октябре 2008 г. все еще был на 28 пунктов выше, чем в октябре 2006 г.⁸ С августа 2009 г. ФАО фиксирует новое повышение цен, и эксперты прогнозируют дальнейший их рост, не исключая повторения в 2011–2012 гг. ситуации 2006–2008 гг.⁹

Рост цен на семена, удобрения и прочие товары, необходимые в сельскохозяйственном производстве, не давал возможности фермерам с низкими доходами хоть как-то увеличить производство. Преуспевающие же хозяйства, особенно в развитых странах, смогли расширить посевы и воспользоваться высокими ценами на продовольствие для получения прибыли. В результате производство зерновых в развитых странах выросло в 2008 г. на 10%, в то время как в развивающихся рост не достиг и 1%.

В то же время нельзя не обратить внимание на то, что увеличение цен на продукты питания затронуло не только страны-импортеры, но и экспортно-ориентированные страны (например, в США в 2007 г. цены на яйца выросли на 33%, на молоко – на 31, мясо птицы – на 8, на бобовые – на 11%, в Канаде цены на ячмень возросли за тот же год на 41%). Но, что очень важно, при этом коэффициент Энгеля в развитых странах остается в пределах 10%, в то время как в развивающихся странах, особенно в бедных, он уже достигает примерно 65 – 75%. Экономический кризис, сопровождающийся ростом безработицы, несомненно, еще больше ухудшит положение, особенно в странах – им-

⁸ www.fao.org/news/story/en/item/8836/icode/

⁹ <http://www.fao.org/worldfoodsituation/FoodPricesIndex/en/>; <http://smi2ru/corp-olga/c2325891/>; <http://www.zol.ru/z-news/showlinks.php?id=52005>

портёрах продовольствия, ибо цены на него растут, а возможности его покупки населением уменьшаются. Даже в вполне благополучной Японии, имеющей большие валютные резервы, одной из важных сторон сегодняшнего кризиса становится экономическая доступность продуктов питания в условиях роста безработицы, сокращения заработной платы и потребительских расходов населения.

Но, конечно, в наихудшем положении оказываются опять же беднейшие страны. Особенно тяжелое положение складывается в развивающихся импорто-зависимых регионах, например в Северной Африке, где из-за высоких цен на продовольствие в бюджетах сокращаются средства, направляемые на социальные нужды населения. По оценкам ООН, стоимость продовольственного импорта в 2007 г. в беднейших странах мира выросла на 25%, в связи с чем в ряде из них, например, в Мексике, Марокко, Йемене и Узбекистане наблюдался всплеск социальной нестабильности¹⁰.

В связи с глобальным продовольственным кризисом Всемирный банк создал специальный фонд для ускоренного выделения денежных средств наиболее нуждающимся странам. В то же время представители Банка считают, что для улучшения положения с продовольствием каждая страна, прежде всего, должна приложить усилия для повышения уровня развития своего сельского хозяйства. По их мнению, государство этих стран должно создавать условия для привлечения инвестиций в сельское хозяйство, строительства оросительных систем, водохранилищ, транспортных сетей, создания мощностей по переработке сельхозпродукции, развития сельской инфраструктуры. Для этого должно быть выработано необходимое законодательство, регулирующее получение прав на земли сельскохозяйственного назначения, определена система налогообложения, разработаны положения о штрафных санкциях и т. п. В противном случае частный капитал не станет рисковать¹¹.

Помощь развитых стран развивающимся государствам в области сельского хозяйства осуществляется, главным образом, в формате «Официальной помощи развитию» (ОПР), в котором участвуют страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Япония присоединилась к реализации этой программы в 1954 г., когда она приняла участие в Плане Коломбо. Она начала оказывать экономическую и социальную помощь развивающимся странам, прежде всего, Юго-Восточной Азии. К 2004 г. общая сумма этой помощи

185 странам составила 221 млрд. долл. В период 1991–2000 гг. Япония была главным донором программы ОПР, хотя в связи с долговременной рецессией и рядом других причин размеры этой помощи стали постепенно сокращаться (в 2007 г. – 729 млрд. иен против 1752 млрд. иен в 1999 г.), и после 2000 г. она уступила лидерство другим странам. В 2005 г. Япония занимала второе, а в 2006 г. – третье место среди стран-доноров (после США и Великобритании). И хотя взнос Японии продолжает оставаться достаточно большим (в 2005 г. – 12,3% общей суммы помощи всех доноров), ее не перестают критиковать за сравнительно низкий (без учета американского – самый низкий) уровень помощи относительно валового национального дохода: в 2005 г. – 0,28, в 2006 г. – 0,25%. Критикуют ее также и за низкий удельный вес грантов и высокий – займов. Действительно, за 2004–2005 гг. в общем объеме японской ОПР доля грантов составила лишь 54%, то время как в среднем по всем странам она достигала 89%¹².

Наибольшие суммы Япония сейчас направляет в страны Азии и Ближнего Востока¹³. В последние годы все большее внимание она начала оказывать и странам Африки (главным образом расположенным южнее Сахары), взяв на себя обязательство к 2012 г. удвоить ОПР, направляемую на основе двусторонних отношений в этот район.

В 2005 г. была принята новая среднесрочная программа в области предоставления ОПР, основные направления которой составили: борьба с бедностью, помощь в устойчивом развитии, разрешение глобальных проблем. Для более эффективного осуществления стратегии ОПР в апреле 2006 г. при кабинете министров был создан Совет экономического сотрудничества с зарубежными странами. Тогда же в министерстве иностранных дел был организован Штаб планирования международного сотрудничества.

Японская ОПР состоит из нескольких основных компонентов: техническое сотрудничество, предоставление грантов и государственных льготных (низкопроцентных) кредитов, в том числе для выполнения долгосрочных проектов, снабжение оборудованием и материалами, оказание экономической помощи на многосторонней основе различным организациям – Всемирной продовольственной программе, ФАО, Всемирной организации здравоохранения и др. В 2005 г. в общем объеме помощи, оказанной Японией на основе двусторонних отношений, наибольшая доля пришлась на гранты (свыше 60%), несколько больше четверти – на техническое сотрудничество и около 12% – на

¹⁰ www.apk-inform.com/showart.php?id=55280

¹¹ www.rg.ru/2008/06/11/bank/html

¹² По данным японской Белой книги по вопросам ОПР (<http://www.mofa.go.jp/POLICY/oda/white/2007ODA/html/zuhyo/zu010091.htm>).

¹³ Facts and Figures of Japan. Tokyo, 2007, p. 59, 61.

Таблица 1.
Бюджет (общий счет) японской ОПП (млрд.иен)*

Категория	2001 ф.г.	2003 ф.г.	2005 ф.г.	2006 ф.г.	2007 ф.г.
I. Безвозмездная помощь	730,7	657,5	611,8	593,9	570,3
1. В рамках двусторонних отношений	598,5	547,6	517,3	503,0	483,1
Экономическое развитие	205,4	173,6	176,5	168,2	163,6
Подъем производства продовольствия	21,3	5,1	—	—	—
Помощь продовольствием	10,3	10,8	—	—	—
Техническое сотрудничество	351,6	322,8	308,7	300,0	297,0
2. Через международные организации	132,2	109,9	94,5	90,9	87,2
II. Кредиты	284,5	200,3	174,4	165,9	159,1
III. Всего	1015,2	857,8	786,2	759,7	729,3

* <http://www.mofa.go.jp/POLICY/oda/white/2007ODA2007/html/zuhyo/img/zu03001...>

кредиты¹⁴. Предоставление грантов и техническое сотрудничество осуществляются главным образом через Японское агентство по сотрудничеству с границей. Техническое сотрудничество включает в себя посылку в соответствующие страны специалистов и членов Японской организации волонтеров по сотрудничеству с границей, предоставление оборудования и материалов, прием на учебу в Японию стажеров и студентов, в том числе за счет японской стороны. Правительственные займы предоставляются через Японский банк международного сотрудничества, который является правительственным финансовым институтом, созданным в октябре 1999 г. путем слияния Экспортно-импортного банка и Фонда экономического сотрудничества с зарубежными странами.

При оказании помощи в области сельского хозяйства японцы руководствуются принципом «если дать человеку пищу, он будет сыт один день; если же научить его производить, он будет сыт всю жизнь». Поэтому она осуществляется не в форме предоставления про-

дольствия (как это делают США), а главным образом путем осуществления проектов, направленных на создание сельскохозяйственной инфраструктуры, подготовки специалистов в области сельского хозяйства в японских профильных НИИ и на опытных станциях, командирования японских специалистов в развивающиеся страны в качестве экспертов и консультантов по агротехнологиям и пр.

В 2005 г. свыше 42% средств, ассигнованных Японией на создание экономической инфраструктуры в развивающихся странах, предназначались на обустройство инфраструктуры в сельском хозяйстве (непосредственная продовольственная помощь не включена)¹⁵. Постоянно растет число японских сельскохозяйственных специалистов, работающих за рубежом, и число лиц из развивающихся стран, обучающихся или стажирующихся в Японии: только за 2002–2006 гг. число студентов в японских профильных учреждениях увеличилось с 11,7 до 19,4 тыс. человек, число стажеров – с 3,4 до 9,5 тыс. человек¹⁶. Возрастает и количество разрабатываемых проектов: в 1975 г. их было 23, в 1995 г. – 74 (включая и переходящие, начатые в предыдущие годы)¹⁷.

Нельзя, конечно, не обратить внимание на то, что при оказании ОПП Япония, как и большинство других стран, преследует и свои цели. Это, например, диверсификация источников импорта, или предоставление так называемых связанных кредитов – на покупку, в частности, удобрений именно японских компаний, за что Японию не раз критиковали. Активизируется и деятельность по созданию предприятий за рубежом – как сельскохозяйственных, так и перерабатывающих. Делается это как для производства и продажи продукции на месте, так и для последующего ее ввоза в Японию (подробнее см. ниже).

Следует также сказать, что помощь развивающимся странам Япония оказывает не только в формате ОПП. Есть и так называемая «другая официальная помощь», включающая кредиты на срок более одного года, прямые инвестиции и др., а также помощь со стороны частного сектора – экспортные кредиты, прямые вложения и гранты, в том числе предоставленные частными добровольными организациями¹⁸.

Япония, как и многие другие страны, включилась в кампанию по реализации концепции «устойчивого развития»¹⁹, принятой в 1992 г. в

¹⁵ <http://www.mofa.go.jp/POLICY/oda/...>

¹⁶ Хэйсэй 20 нэмпан. Сёкурё, ногё, носон хакусё санко токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни) Токио, 2008, с. 55.

¹⁷ Нихон ногё нэнкан (Японский сельскохозяйственный ежегодник) 1997, Токио, 1996, с. 529.

¹⁸ www.mofa.go.jp/POLICY/oda/white/2007

¹⁹ Концепция предусматривает такое развитие, при котором удовлетворение текущих потребностей жителей не наносило бы ущерба среде обитания будущих поколений.

¹⁴ Подсчитано по Facts and...2007, p. 61.

Рио де Жанейро на Всемирной конференции по окружающей среде и развитию. Важным направлением этой концепции является разработка и распространение экологически дружественных технологий. Это, например, использование возобновляемых источников энергии (ветра, воды, солнечной энергии, геотермальных вод и др.) с целью сокращения потребления нефтепродуктов и выбросов в атмосферу продуктов их переработки. Следуя общемировой тенденции, Япония начинает постепенно включаться в переработку биомассы, производство биотоплива и сокращение выбросов углекислого газа в атмосферу.

В 2002 г. был принят закон о специальных мерах по использованию возобновляемых источников энергии. Япония сейчас – крупный производитель и пользователь солнечных батарей (к 2010 г. предполагается довести их мощность до 4820 MW). По использованию же энергии ветра, геотермальных вод и биомассы страна значительно уступает Европе и США. Но потенциал переработки, например, биомассы для выработки энергии в стране достаточно большой²⁰.

Япония участвует и в движении по предотвращению потепления климата. Она подписала Киотский протокол (1997 г.) и обязалась снизить уровень выбросов углекислого газа в атмосферу. В частности, за 2008–2012 гг. она должна снизить этот уровень на 6% против 1990 г. Высокие температуры, как предполагают, могут в будущем нанести ущерб не только в целом окружающей среде, но и непосредственно сельскохозяйственному производству (в частности, производству риса и некоторых плодовых)²¹.

В июне 2007 г. министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства (далее – министерство сельского хозяйства) опубликовало новую стратегию предотвращения глобального потепления²². Речь идет опять же о сокращении выбросов парниковых газов, об эффективном использовании сельскохозяйственной техники (в частности, предполагается внедрение энергосберегающих моделей кондиционеров и сельскохозяйственных машин, компактных генераторов, использующих гидроэнергию), о разработке сортов сельскохозяйственных культур, устойчивых к высоким температурам, о поощрении сельскохозяйственной практики, «дружественной экологии», в том числе о снижении объемов использования минеральных удобрений и других химикатов, сокращении перевозок и т. п. Предполагается довести уровень выбросов CO₂ в индустрии закрытого грунта и при использовании техники к 2010 г. до 174 тыс. т в год, а благодаря сокращению

использования удобрений и проч. – до 181 тыс. т, для чего выработать соответствующие программы²³.

Производство биотоплива в контексте нехватки продовольствия

Как уже упоминалось, одна из причин повышения цен на продовольствие состоит во все возрастающем непродовольственном использовании зерна и масличных культур. Поэтому неудивительно, что в условиях глобального продовольственного кризиса эта проблема и, в частности, производства биотоплива – этанола и биодизельного топлива из сельскохозяйственных культур – довольно широко дискутируется. Поэтому считаю возможным посвятить ей отдельный сюжет.

Мнения о производстве и использовании биотоплива пока что далеко не однозначны: по этому вопросу есть несколько *pro et contra*. Объем сельскохозяйственной продукции, идущей на производство биотоплива, постепенно растет. Например, в США за 2001–2007 гг. производство кукурузы возросло в 1,4 раза, а количество, которое пошло на производство биоэтанола (почти четверть всего сбора этой культуры), – в 4,5 раза. По данным ФАО, к 2016 г. США удвоят объем кукурузы, используемой для производства биоэтанола, доведя его до 110 млн. т, а европейские страны увеличат объем пшеницы, используемой в тех же целях, до 18–20 млн. т²⁴.

Когда речь идет об использовании для производства биотоплива непродовольственного сырья – древесных опилок, отходов, образующихся в пищевой промышленности, или при приготовлении и потреблении продуктов питания – вопросов не возникает. Но использование для этих целей продовольственных культур, отнимая их у потребителей продовольствия, ведет к повышению цен на него, что неприемлемо для большинства стран, тем более что в некоторых государствах люди умирают от недоедания.

Кроме того, специалисты считают, что необходимо тщательно изучить влияние биотоплива на экологию, ибо пока что еще не ясны все последствия использования этого вида горючего. Надо также учитывать, что это производство стоит недешево, если речь идет об использовании сельскохозяйственного сырья. Изготовление его из сахарного тростника, например, обходится в 90 центов за галлон, из кукурузы – в 1,7 долл., если же его производить из масличных культур, то на это уйдет 4 долл.

В то же время по мнению многих экспертов²⁵, при оптимальной политике и соответствующих инвестициях использование биотоплива

²⁰ http://www.globe-net.ca/market-reports/index.cfm?1D_Report=896

²¹ В Японии каждые 100 лет годовая температура повышается на 1,07°C.

²² www.japanfs.org/db/1887-e

²³ Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas. FY 2007, Tokyo., 2008, p. 16, 17.

²⁴ Подсчитано по: Сёкупё... токэйхё, 2008, с.28; www.apk-inform.com/showart.php?id=55280

²⁵ www.rg.ru/2008/06/11/bank.html

может привести к развитию сельского хозяйства и сельских районов. Надо только использовать для его производства непригодные для питания культуры и выращивать их на заброшенных землях, на неудобьях.

В частности, как считают специалисты Международного института исследования продовольственных рынков, некоторые африканские страны могут даже получить ряд преимуществ от расширения производства биодизельного топлива (из масличных культур). Например, по их мнению, американский закон о стимулировании производства биотоплива может привести к увеличению производства хлопка в Мали или в Танзании, а также сорго в Эфиопии²⁶.

В Африке есть, например, масличная культура, непригодная для еды. Растет она на песчаниках. Уже известно, что западные инвестиционные фонды скупают бросовые земли в Африке для ее выращивания. А ведь это могли бы делать и сами бедные страны этого континента и зарабатывать на продаже этой культуры.

Кроме того, развитие биоэнергетики может создать новые рабочие места, что в сегодняшней кризисной ситуации имеет немаловажное значение. Надо также иметь в виду, что использование сельскохозяйственной техникой биотоплива снижает издержки производства сельскохозяйственной продукции, что это горючее является экологически более чистым, чем произведенное из нефти, угля и газа. Подсчитано, например, что добавление 10% этанола в автомобильный бензин сокращает количество вредных веществ в выхлопных газах на 30%²⁷. А это, безусловно, является вкладом в защиту окружающей среды и в борьбу с глобальным потеплением.

В настоящее время уже многие страны в связи с повышением цен на нефть и потеплением климата взялись за производство и использование биотоплива. Особенно преуспевают в этом отношении США и Бразилия; за ними с большим отставанием идут Китай и Индия. Во всех этих странах приняты уже определенные меры по поддержке такого производства – пересмотрена система налогообложения и финансирования (в США, например, предусмотрены льготы по акцизам для производителей биотоплива и определенные субсидии). В Японии же лишь приступают к решению этой проблемы. В 2006 г. в мире было произведено 51 млн. кл биотоплива, в том числе 39% в США, 35% в Бразилии, по 7% в Китае и Евросоюзе. В производстве биодизельного топлива лидирует ЕС: в 2005 г. – 3618 тыс кл, (в США – 284 тыс. кл, в Японии – лишь 400–500 кл)²⁸.

²⁶ www.apk-inform.com/showart.phpd=55280

²⁷ БИКИ. 12.07.2007, с. 7.

²⁸ Сёкурё...2008, с. 24.

В ноябре 2006 г. премьер-министр Японии предложил заинтересованным министерствам и ведомствам предпринять меры к значительному увеличению производства биотоплива. Министерство сельского хозяйства составило план по увеличению его производства до 2030 г. Предполагается, что в качестве сырья будут использоваться рисовая солома, древесные опилки и сельскохозяйственные культуры, которые будут выращиваться на заброшенной сейчас земле, а также отходы от производства продовольствия (например, использованное растительное масло) и т. п.

Представители министерства сельского хозяйства полагают, что уже к 2011 фин. г. страна сможет производить до 50 тыс. кл, а к 2030 г. до 6 млн. кл биотоплива в год²⁹. Пока что в ряде районов страны (в частности, на Хоккайдо, в районе Токати, на Окинава, в г. Миякодзима) идет проверка возможностей использования этанола для заправки автомобилей. Власти на местах, некоммерческие организации и предприятия частного сектора также прилагают определенные усилия для использования биотоплива, но на сегодня их достижения можно оценить как весьма скромные³⁰.

В то же время над этой проблемой в стране работают достаточно серьезно. Как источник биотоплива, кроме уже известных, предлагается использовать, в частности, водоросли, которые могут быть в избытке выращены на мелководье в Японском море (на простейшем оборудовании), и рис (конечно, специальных сортов), традиции производства которого глубоко укоренились в стране. Предполагается, что за счет водорослей Япония сможет получать до 20 млн. кл биотоплива в год, что эквивалентно 1/3 объема спроса на бензин. На этом направлении ведут работы Токийский университет морских наук и технологий и Исследовательский институт Мицубиси. В конце июня 2007 г. этот институт уже подал заявку на исследовательский грант в Организацию по развитию новых энергий и технологий.

Что касается использования риса, то отделение Национального сельскохозяйственного исследовательского центра в районе Хокурику уже сейчас ведет работу по созданию новых специальных линий высокоурожайного риса для посева непосредственно в грунт. Уже есть экспериментальные посадки. Выращенный таким образом рис должен стоить раз в десять дешевле, чем употребляемый для еды³¹.

В 2006 г. свой биотопливный проект начала и Всеяпонская федерация сельскохозяйственных кооперативов. Речь идет о выращивании

²⁹ Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas FY2006, Tokyo, 2007, p. 4, 43. 44; FY 2008, Tokyo, 2009, p.37.

³⁰ Ногё то кэйдзай. 2006. спец.вып., с. 208.

³¹ Nikkei Business Daily. 10.07.2007.

трех новых более холодоустойчивых линий риса на площадях, освободившихся в соответствии с политикой сокращения производства этой культуры. Цель – добиться повышения урожайности до 80 ц/га. Предполагают, что производство биоэтанола можно будет начать в 2009 г. Для получения 1 тыс. литров топлива в год, как предполагают, потребуется 2250 т риса. Затем его смешают с бензином и передадут 20 заправочным станциям в префектуре Ниигата³².

Япония – нетто-импортер продовольствия

В условиях серьезных изменений в глобальной продовольственной ситуации, отягощенной мировым экономическим кризисом, несомненно, обострится проблема обеспечения продовольственной безопасности даже в сравнительно благополучных странах. Нечего и говорить, что для Японии – единственного среди развитых стран нетто-импортера продовольствия – эта проблема становится животрепещущей.

Конечно, Япония, вторая экономическая держава мира, имеет достаточно резервов, чтобы прокормить свое население даже в условиях высоких цен на продовольствие. Но, так или иначе, она попадает в зависимость от экспортеров продовольствия. Ведь если у этих стран возникнут форсмажорные обстоятельства, они, несомненно, предпочтут снабжать свое население, а не японцев. А в сегодняшних кризисных условиях такие обстоятельства могут стать вполне реальными. Не без оснований, видимо, директор научно-исследовательского института Марубэни Сибата Акио заявил, что «скоро придет время, когда вы не сумеете купить зерновые, даже если у вас будут деньги»³³.

На этот случай японцы уже даже разработали примерное меню из отечественных продуктов питания, хотя структура питания при этом значительно отличается от той, которой они придерживаются в настоящее время. Отечественное производство сможет обеспечить жителям потребление продуктов питания из расчета 2020 ккал в день: на завтрак – чашка риса, чашка соленых овощей, чашка вареного картофеля; лэнч – одна картофелина, сваренная на пару, два запеченных батата, одно яблоко (или другой фрукт); ужин – чашка риса, рыба, приготовленная на гриле, и запеченный сладкий картофель. Кроме того, раз в два дня можно будет добавить в дневной рацион чашку лапши-удон и чашку супа мисо, раз в три дня – два пакета натто (ферментированные соя-бобы), раз в шесть дней – чашку молока, раз в 7 дней – яйцо и раз в 9 дней – кусочек мяса³⁴. Короче говоря, место мяса и овощей займет картофель.

³² Nikkei Business Daily. 17.03.2008.

³³ The Nikkei . 18.04.2008.

³⁴ Annual Report...FY2007, p. 25.

Следует подчеркнуть, что с начала XX в. страна практически никогда не покрывала потребности населения в продуктах питания за счет внутреннего производства³⁵. Сравнительно благоприятным уровень самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией был лишь в конце 50-х годов, прежде всего благодаря устойчивым (начиная с 1955 г.) высоким урожаям риса, а также в связи со все еще низким уровнем потребления продуктов питания в целом.

В 1960 г. впервые был подсчитан так называемый коэффициент самообеспеченности продовольствием (отношение между стоимостью созданной и потребленной продовольственной продукции (1)), который составил 93%. С 1965 г. официальная статистика начала подсчитывать этот коэффициент и на основе количества заключенных в той или иной продукции калорий (2). Оба этих показателя постоянно снижались,³⁶:

	1965	1975	1985	1990	1995	2000	2005	2006	2007
(1)	86	83	82	74	74	71	69	68	—
(2)	73	54	53	48	43	40	40	39	40

Уровень самообеспеченности продовольствием в Японии в настоящее время значительно ниже, чем в других высокоразвитых странах: в 2002 г. он составил во Франции 130%, в Германии – 91, Великобритании – 74, в США – 119%. Особенно проигрывает Япония в сравнении с такими государствами, как Германия и Великобритания, которые сумели поднять этот уровень весьма значительно: в 1970 г. в Германии он равнялся 68% (в Японии – 60%), в Великобритании – 46%³⁷. В Японии же шел обратный процесс. Изменения в степени обеспечения спроса на продовольствие за счет собственного производства отдельных видов продукции при подсчете на основе килокалорий отражены в табл. 2.

Падение уровня самообеспеченности продовольствием в Японии, начиная с 1960-х годов, связано с рядом факторов. Прежде всего, это – повышение спроса на продовольствие в связи с увеличением численности населения, ростом его доходов и соответственно потребления продуктов питания. Важную роль сыграло и изменение структуры потребления: появился спрос на продукцию, не производимую в стране.

³⁵ Перед второй мировой войной (1934–1936 гг.) в страну ввозилось примерно 19 % потребляемого риса, 42 % пшеницы, свыше 60 % сои и кукурузы, 96 % сахара-сырца. Эти потребности покрывались в значительной степени за счет ввоза из колоний и подмандатных территорий.

³⁶ Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2001, с. 12, 13; 2004. с.4; 2008, с. 31, 32.

³⁷ Сёкурё ногё носон хакусё...2008, с. 32.

Таблица 2.
Уровень обеспеченности отдельными видами
отечественной продукции*

Вид продукции	1965/66 фин. г.		2006/07фин. г.	
	Число ккал.**	%	Число ккал.**	%
Рис	1090	100	561	94
Животноводческая продукция	74	47	63	16
Масла и жиры	52	33	13	4
Пшеница	81	28	42	13
Сахар	60	31	66	32
Рыба и морепродукты	108	110	77	59
Овощи	74	100	58	76
Соя-бобы	23	41	20	25
Фрукты	34	86	23	35
Прочие	204	68	74	23
Всего	1799	73	996	39

* Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё, 2008, с.33.

** Количество килокалорий, обеспечиваемое отечественной продукцией на душу населения в день (общее число потребляемых килокалорий в 1965 г. было 2459, в 2008 г. – 2548).

Кроме того, повысились требования к качеству приобретаемого продовольствия. В то же время сельскохозяйственное производство росло сравнительно низкими темпами, несмотря на повышение урожайности культур и продуктивности животноводства. Это объясняется сокращением рабочих рук в сельском хозяйстве, ростом среди занятых лиц пожилого возраста, а также уменьшением обрабатываемых и в еще большей степени – посевных площадей (как в связи с нехваткой лиц для ее обработки, так и из-за изъятия земель под строительство дорог, промышленных объектов и т. п.).

Нельзя обойти и фактор ввоза более дешевого в сравнении с отечественным продовольствия: издержки производства японской сельскохозяйственной продукции и соответственно цены на нее намного превышают соответствующий уровень в странах-экспортерах³⁸.

³⁸ Основная причина такого положения – мелкие размеры хозяйствования, прежде всего, из-за мелких земельных наделов. Даже при том, что за послевоенный период площадь

Что касается рыболовства, некогда весьма развитой отрасли японской экономики, то с середины 1980-х годов в связи с серьезными изменениями условий международного рыбного промысла (в частности, установлением многими странами так называемой двухсотмильной экономической зоны) и некоторыми структурными переменами в рыбном хозяйстве страны³⁹, производство рыбопродукции сократилось весьма значительно. В 1984 г. оно достигло 12,8 млн. т, в 1990 г. сократилось до 9,8 млн. т, а в 2005 г. объем вылова составил лишь 5,7 млн т. Особенно сократился глубоководный лов – с 3,4 млн. т до 0,5 млн. т. за 1973–2005 гг.⁴⁰. Обеспокоенное таким положением, правительство в 2001 г. издало Основной закон о рыболовстве, направленный на устойчивое развитие производства рыбы и морепродуктов. В марте 2007 г. был принят новый базовый план производства рыбопродукции, в котором была поставлена цель довести к 2017 г. уровень самообеспеченности этим видом продукции до 65%.

Высокая зависимость от импорта не может не вызывать у руководства страны беспокойства относительно обеспечения населения продовольствием, ибо никогда нельзя исключить форсмажорных обстоятельств, при которых импорт может резко сократиться. Именно возможность возникновения нестабильности импортных поставок продовольствия вызвала к жизни так называемую концепцию продовольственной безопасности – концепцию гарантирования населению необходимого объема продовольствия. Эта концепция предполагает достижение такого потенциала сельскохозяйственного производства, при котором в критической ситуации можно повысить в короткий срок производство основных продуктов питания, а также наличие необходимых резервов и надежных долгосрочных соглашений с экспортерами⁴¹.

Однако подъему отечественного производства в современных условиях низкой конкурентоспособности японской сельскохозяйственной продукции не может не препятствовать импорт более дешевых продуктов. Поэтому защита внутреннего рынка для повышения уровня

земли на одно хозяйство повысилась почти вдвое и составила в 2007 г. 1,83 га, все равно японские показатели невозможно сравнить даже с европейскими, которые превосходят их в 9 раз, не говоря уже об американских (в 99 раз) и тем более австралийских (1862 раза) (Annual Report...FY2008, Tokyo, 2009, p. 26).

³⁹ Подробнее об этом см.: Б.В.Бадурев. Продовольственная безопасность Японии. М., 2007 (диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук).

⁴⁰ Хэйсэй 20 нэппан. Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2008, с. 84; Facts and Figures... 2007, p. 91–93.

⁴¹ Концепция продовольственной безопасности Японии подробно проанализирована автором в коллективной монографии «Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы». М., 1998, с. 125–147.

самообеспеченности продовольствием была и остается важной составной частью внешнеторговой политики страны. Тем более что она диктуется не только экономической необходимостью (сохранение отечественного сельскохозяйственного производства), но и политическими (в течение длительного времени деревня являлась важной частью электората правящей партии) и социальными мотивами (разорение массы мелких производителей чревато возникновением социальной напряженности).

С конца 1980-х годов в связи с необходимостью выполнять решения ВТО и обязательствами, налагаемыми членством в других международных организациях, японское правительство было вынуждено пойти на серьезные уступки в вопросе снятия ограничений на импорт сельскохозяйственной продукции (что, главным образом, и ускорило снижение уровня самообеспеченности продовольствием). В 1990-е годы практически начал терять силу один из важных компонентов защиты отечественного сельского хозяйства – количественное ограничение на импорт более дешевой продукции. Но государство продолжает отстаивать интересы своего производителя, не только поддерживая цены на большинство видов сельскохозяйственной продукции (хотя с начала 1980-х годов их не повышают и даже снижают), но и путем установления импортных квот и высоких тарифов. Последние, в частности, составляли: на рис, бобовые и масло – от 300 до 500% (на рис – 490%), на пшеницу, сухое молоко и крахмал – от 200 до 300%, на арахис и съедобный корень *конняку* – свыше 500% (на *конняку*, например, – 990%). До последнего времени сохранялись и количественные ограничения на ввоз в страну риса, которым уже давно Япония обеспечивает себя полностью (по решению ВТО, она вынуждена его импортировать, но в ограниченном объеме).

В отношении импорта сельскохозяйственной продукции правительство в настоящее время руководствуется положениями статьи 18 Нового Основного сельскохозяйственного закона (принят в 1999 г.): «Государство будет принимать необходимые меры для обеспечения стабильного импорта сельскохозяйственной продукции, внутреннее производство которой не может удовлетворить спрос, а также меры по тарифному регулированию и ограничению импорта в случае неотложной необходимости, когда импорт оказывает или может оказать значительное негативное влияние на производство отечественной продукции, конкурирующей с импортной»⁴².

Снижение тарифов, на чем настаивают японские внешнеторговые партнеры, и тем более их отмена на такую продукцию, как, например,

⁴² <http://www.shugiin.gj.jp>

рис, оказало бы негативное влияние не только на аграрный сектор, но и на все японское общество. По имеющимся подсчетам, в этом случае стоимость валовой сельскохозяйственной продукции снизилась бы на 40%, а уровень самообеспеченности продовольствием – до 12%⁴³. Но еще более важным, возможно, является психологический аспект этой проблемы. Ведь рис для японцев – не только и не столько продукт питания, сколько один из элементов культуры.

Поскольку перипетии переговоров по вопросам сельскохозяйственной продукции в рамках ВТО и связанные с ними проблемы уже подробно освещались автором в ряде статей⁴⁴, здесь целесообразно отметить лишь самые последние события. Так, в июле 2004 г. между участниками ВТО на Дохийском раунде переговоров было достигнуто рамочное соглашение в отношении торговли сельскохозяйственной продукцией (переговоры 2003 г. окончились провалом, одной из причин которого были разногласия по вопросам субсидирования аграрного сектора и таможенных пошлин). Было принято решение о ликвидации экспортных субсидий и снижении ввозных пошлин. Однако стороны согласились, что национальные правительства государств-импортеров будут иметь право устанавливать достаточно высокие пошлины на ввоз тех видов продукции, которые они сочтут наиболее значимыми для своей экономики⁴⁵. Это решение можно рассматривать как очередную серьезную победу группы десяти стран-импортеров (Швейцарии, Норвегии, Южной Кореи и др.) во главе с Японией, хотя многие вопросы, в том числе о верхнем пределе тарифов и количестве видов продукции, на которую распространяются высокие пошлины, еще предстояло согласовывать. Остались нерешенными и вопросы снижения тарифов на другие виды сельскохозяйственной продукции.

Дальнейшие переговоры по вопросу о свободной торговле на уровне представителей министерств в Женеве в июле 2008 г. также практически не достигли своей цели. Страны-импортеры в значительной степени сумели отстоять свои позиции: было решено, что снижение тарифов не затронет 6% всей номенклатуры сельскохозяйственной продукции⁴⁶. Таким образом, не только японские рисопроизводители остаются, как и прежде, защищенными перед странами-экспортерами.

⁴³ Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. FY 2006, p. 12.

⁴⁴ См., например, Проблема либерализации импорта сельскохозяйственной продукции//Япония. Ежегодник 2001/2002. М., 2002.

⁴⁵ Нихон кайдзай симбун. 03.08.04.

⁴⁶ Речь идет о проценте продукции, которую импортеры считают «значимой». Предлагалось оставить лишь 4% (притом, что США требовали 1%), Япония настаивала на 8 % (в настоящее время тарифы, превышающие 100 %, распространяются в Японии на 125 позиций – продукты из риса, молоко и сахар – 9,4 % всех 1332 сельскохозяйственных продуктов).

Как сообщило агентство «Киодо цусин» 30 июля 2008 г., услышав эту новость, с облегчением вздохнули производители сахарного тростника в префектуре Окинава и фермеры на Хоккайдо – производители масла и картофельного крахмала.

Совсем иная реакция на это событие была у представителей японского бизнеса. Чиновник высокого ранга из Ниппон Кэйданрэн заявил по поводу результатов женеvских переговоров 2008 г., что надежность ВТО может быть поколеблена⁴⁷. Дело в том, что высокие пошлины ставят страну в невыгодное положение на двусторонних переговорах о свободной торговле или экономическом партнерстве⁴⁸ по сравнению с такими конкурентами, как Южная Корея и США⁴⁹.

Именно вопрос о снижении тарифов на сельскохозяйственную продукцию является камнем преткновения при заключении таких соглашений. Это – одна из причин, почему Япония в отличие от других развитых стран сравнительно поздно начала заключать двусторонние соглашения об экономическом партнерстве и о свободной торговле.

Так, например, переговоры о заключении аналогичных соглашений с Таиландом и Мексикой в 2003 г. зашли в тупик именно из-за разногласий по вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные товары. Но все же в марте 2004 г. соглашение с Мексикой было подписано. Япония согласилась на снижение тарифов на мексиканское куриное мясо, говядину, свинину и апельсины в обмен на беспошлинные поставки туда своего стального проката и автомобилей.

Соглашение с Таиландом, который занимает важное место в японском продовольственном импорте (в 2002 г. эта страна покрывала 35% японского импорта цыплят, или 10% объема потребления, и 27% – сахара), было подписано лишь в 2007 г. Представители этой страны только в конце 2004 г. сняли свое требование о снижении тарифов на ввоз риса в обмен на согласие Японии снять или снизить тарифы на ввоз цыплят, сахара и крахмала из Таиланда. Кроме того, в соглашение вошли пункты о сотрудничестве между сельскохозяйственными кооперативами по вопросу о подготовке кадров для Таиланда, об ока-

⁴⁷ Kyodo. 30.07.2008.

⁴⁸ В отличие от соглашения о свободной торговле, соглашение об экономическом партнерстве предусматривает, кроме снижения пошлин на товары и услуги, более широкое экономическое сотрудничество.

⁴⁹ Открытие рынка поддерживает и ряд ученых. В частности, Танака Тэцудзи и Хосоз Нобухиро опубликовали в конце 2008 г. статью «Productivity Shocks and National Food Security for Japan (см.: RIETI Discussion Paper Series 09-E-004). Проанализировав несколько сценариев о производстве риса в Японии и в странах его экспортерах, они пришли к выводу, что снятие таможенных барьеров не может повлиять негативно на обеспечение японцев этой продукцией.

зании помощи в повышении уровня безопасности продукции и некоторые другие. Таиланд, в свою очередь, обещал снять пошлины на японские фрукты, объемы экспорта которых в последние годы возросли⁵⁰.

В декабре 2005 г. соглашения аналогичного типа были подписаны с Малайзией, в сентябре 2006 г. – с Филиппинами, в августе 2007 г. – с Индонезией. В начале 2007 г. начались переговоры с Австралией, Вьетнамом, Индией, Швейцарией; продолжаются переговоры с Южной Кореей (еще с 2005 г.). Австралия – важный для Японии внешнеторговый партнер. Она получает оттуда такие ресурсы, как уголь и железная руда, а также примерно десятую часть импортируемого страной продовольствия. Прошло уже пять раундов переговоров, но Япония пока не удовлетворяет просьбу Австралии о либерализации продовольственного импорта. В апреле 2008 г. было подписано соглашение между Японией и АСЕАН, которое должно войти в силу в декабре 2009 г.⁵¹.

Меры по обеспечению продовольственной безопасности Японии

В условиях развернувшегося глобального кризиса страна стоит перед настоятельной необходимостью подъема уровня собственного производства продовольствия и обеспечения стабильного импорта.

В министерстве сельского хозяйства Японии было подсчитано, что для производства того количества продовольствия, которое страна импортировала в среднем в год за период 2003–2005 гг., потребуется 12,45 млн. га обрабатываемой земли⁵². Япония же сейчас имеет в своем распоряжении лишь 4,65 млн. га (в лучшие времена обрабатываемая площадь страны составляла 6 млн. га, а посевная – даже на треть больше, но и она бы не решила проблему). Многие земли ушли под промышленное строительство, дороги и пр., а поднимать целину экономически невыгодно. Более того, страна не располагает человеческими ресурсами, которые смогли бы освоить дополнительные гектары⁵³, если бы они вдруг появились. Ясно, что кардинально решить эту проблему в настоящее время в Японии нельзя. Но смягчить ее все же, видимо, можно. И руководство страны принимает ряд мер, чтобы повысить степень самообеспеченности продовольствием до отметки 45 и даже 50%. Среди них можно выделить два направления, которые

⁵⁰ Нихон кэйдзай симбун. 10.10.2004; Annual Report...FY2006, p. 12; Ногэ то кэйдзай. 2006, спец. вып., с. 95.

⁵¹ Kyodo, 29.02.2008; Annual Report...FY2008, Tokyo, 2009, p. 18.

⁵² Сёкурё...2008, с. 30.

⁵³ В 2007 г. число занятых главным образом в сельском хозяйстве, составило всего 3 млн. человек против 14 в 1960 г., в том числе 59 % были старше 65 лет.

должны привести к подъему производства, повышению конкурентоспособности японской продукции и гарантированным импортным поставкам.

1. Подъем производства продуктов питания и снижение его издержек. Собственно говоря, такая политика была провозглашена еще на рубеже 50-х–60-х годов прошлого века. Но проводилась она непоследовательно, поэтому и результаты были весьма незначительными.

Серьезное реформирование отрасли началось лишь в последние годы. Хотя в целом аграрная политика остается протекционистской, она значительно меняет свое содержание и направление: страна переходит от административного регулирования производства и сбыта сельскохозяйственной продукции к рыночным отношениям. В частности,

- поощряется консолидация земли и производства в сравнительно крупных индивидуальных и коллективных хозяйствах;
- вводится адресное предоставление субсидий только крупным фермерам, представившим программу расширения производства и получившим соответствующий сертификат от муниципальных властей (так называемым сертифицированным фермерам);
- изменяется существовавшая в течение 30 с лишним лет практика административного регулирования размеров производства риса (теперь это будут делать сами фермеры);
- прекращается политика поддержания цен на сельскохозяйственную продукцию (исключение допускается в период резкого их падения из-за погодных условий или из-за других непредвиденных обстоятельств);
- частный сектор (торговые дома и оптовые торговцы) допущен к участию в определении цен на рис в соответствии с потребительским спросом (в Центре по формированию цен на рис ранее монополично действовали сельскохозяйственные кооперативы); сбыт выращенных в стране пшеницы и ячменя уже полностью перешел к частным дилерам;
- проводятся мероприятия по сохранению ресурсов сельскохозяйственного производства – земли, воды, дорог, ирригационных сооружений;
- сельскохозяйственные компании получили право (с 2003 г.) вести сельскохозяйственное производство на арендуемой у фермеров или муниципалитетов земле; согласно поправкам к закону о земле, принятым в июле 2009 г., условия такой аренды были значительно улучшены.

Особое внимание обращается на повышение качества продукции, являющегося важной составляющей неценовой конкурентоспособности. Значительное место отводится мероприятиям по дальнейшему

снижению уровня химизации сельскохозяйственного производства и поощрению развития так называемого «органического» сельского хозяйства, созданию эко-ферм. Введена система обязательной подробной маркировки продуктов питания, в том числе импортируемых; усилен контроль за качеством импортной продукцией, в том числе генетически модифицированной, на предмет ее соответствия японским санитарным нормам; предпринимаются серьезные меры по предупреждению распространения инфекционных болезней скота и птицы.

Кроме того, в Японии проводится кампания, направленная на увеличение потребления отечественной продукции: широко пропагандируется так называемый «японский тип питания и движение «одна деревня – один продукт»

2. Обеспечение бесперебойного импорта необходимой продовольственной продукции.

Основными направлениями в этой сфере считаются:

- диверсификация источников импорта продуктов питания;
- производство сельскохозяйственной продукции в других странах с последующим ввозом ее в Японию;
- увеличение производства сельскохозяйственной продукции в развивающихся странах с целью расширения масштабов мирового продовольственного рынка.

Проблема диверсификации импорта сельскохозяйственной продукции и, прежде всего, ослабления зависимости от импорта из США стояла перед Японией уже давно.

Хотя некоторые сдвиги и происходят, в целом картина почти не меняется. Так, в 2008 г. на пять стран приходилось свыше 70% стоимости импорта продовольствия, в том числе 31% обеспечивали США (в частности, оттуда поступало 99% кукурузы, 72% сои и 61% пшеницы), по 13% – Европейский союз и Китай, 9% – Австралия и 6% – Канада⁵⁴. Есть, кстати, наметки, что в скором времени пшеницу в Японию будет поставлять и Россия. Отвечая на вопросы газеты «The Nikkei» российский министр сельского хозяйства Е. Скрыпник сказала, что в настоящее время российские сельскохозяйственные фирмы ведут переговоры о строительстве совместно с японскими торговыми компаниями («Сумитомо», «Итотю», «Мицубиси» и др.) соответствующих терминалов на дальневосточном побережье, каждый из которых сможет отправлять до 1 млн. т зерна в год. Россия, по словам министра, сможет ежегодно экспортировать в Японию 1,5 млн. т пшеницы⁵⁵.

⁵⁴ Annual report...FY2008, Tokyo, 2009, p.17.

⁵⁵ The Nikkei. 10.06.2009.

Производство продуктов питания за границей японскими фирмами с целью диверсификации импортной базы началось достаточно давно. Создавались как самостоятельные, так и смешанные предприятия. Этим занимались универсальные торговые и пищевые компании. Хотя некоторый опыт в этой сфере оказался не совсем удачным (в частности, универсальная торговая компания «Мицуи» была вынуждена свернуть производство кукурузы и некоторых других культур, которое она вела в Индонезии в конце 1960-х годов), эта практика продолжает расширяться. «Только за границей можно найти место, чтобы производить сельскохозяйственную продукцию эффективно», – заявил президент компании «Кобэ Буссан» Сагава Кандзи. В июле 2008 г. эта компания приобрела в Египте (около Луксора) 3 тыс. га земли, на которой собирается выращивать овощи – шпинат, брокколи и пр. и доставлять их в Японию⁵⁶. Торговая компания «Мицуи» снова собирается увеличить свои инвестиции в зарубежное сельское хозяйство. Она приобрела 39,35% акций компании «Multigrain AG» (Бразилия), второго крупнейшего в мире производителя соя-бобов, которая в 2007 г. начала отгружать эту продукцию в Японию⁵⁷.

Такую практику применяет, конечно, не только Япония. Не далее как в середине апреля 2009 г. министр финансов Саудовской Аравии заявил о создании компании с капиталом в 800 млн. долл. для инвестирования в сельскохозяйственные проекты за границей, ибо королевство ищет пути увеличения масштабов снабжения страны продовольствием⁵⁸.

Вложения Японии в сельское, лесное и рыбное хозяйство и, главным образом, в пищевую промышленность за рубежом выросли за 1975–2000 гг. более чем в 17 раз. Затем они несколько снизились, составив в 2004 г. свыше 35 млрд. долл. Число японских заграничных предприятий пищевой промышленности, а также занятых производством кормов и органических удобрений увеличилось с 81 в 1980 г. до 393 в 2005 г., т. е. в 4,8 раза, объем их продаж – в 10,7 раза. Несколько более одной пятой этого объема было вывезено в Японию. В 2005 г. в Японию было экспортировано 43,3% продукции японских предприятий сельского, лесного и рыбного хозяйства за рубежом. Эти предприятия выполняют две функции: с одной стороны, они являются для своей страны надежным источником импортной продукции, а с другой – помогают развивать соответствующие производства в развивающихся странах⁵⁹.

⁵⁶ The Nikkei. 20.08.2008.

⁵⁷ www.bloomberg.com; Nikkei morning edition. 18.04.2008.

⁵⁸ www.bloomberg.com

⁵⁹ Сёкырё...2008, с. 38.

Недавно появилась новая японская инициатива – финансирование сельскохозяйственного производства в развивающихся странах с последующей продажей продукции на мировом рынке. По мнению директора отдела внешнеторговой политики министерства сельского хозяйства Японии Хирано Мунэмицу, увеличение производства сельскохозяйственной продукции в мире создаст большие возможности для стабильного импорта продуктов питания в Японию. При этом он заявил, что Япония, конечно, не собирается инвестировать в страны Африки, где жители страдают от недостатка продовольствия, а планирует осуществить капиталовложения в районы Центральной и Южной Америки и Восточной Европы⁶⁰. Речь идет о таких странах, как Бразилия, Аргентина, Парагвай, Казахстан, Украина, Румыния и Венгрия как о возможных экспортерах кукурузы, соевых бобов и пшеницы⁶¹.

Несомненно, задачи, которые ставит перед собой Япония, не из легких, особенно для страны, которая попала в условия глобального кризиса, только что выйдя из периода длительной неблагоприятной конъюнктуры. Они свидетельствуют о серьезных изменениях в аграрной политике правительства, происходящих под давлением различных обстоятельств как внутри страны, так и за ее пределами. Насколько строго будут проводиться все заявленные меры? Учитывая японскую традицию отдавать предпочтение эволюционному пути развития и подчас недостаточную последовательность в соблюдении принимаемых законов, а также позицию аграрного лобби, предсказать с уверенностью быстрое повышение эффективности производства довольно трудно. Но речь ведь идет сейчас уже о выживании целой, весьма важной, отрасли народного хозяйства. А в форсмажорных обстоятельствах, как свидетельствует недавняя история этой страны, японцы умеют мобилизоваться.

⁶⁰ The Financial Times. 29.04.2009.

⁶¹ www.bloomberg.com

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС: СТАРЫЕ И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯПОНИИ

По существу не преодолев последствий экономического спада 1990-х годов, Япония была втянута в орбиту новых потрясений. В ноябре 2008 г. фактически официально из уст премьер-министра страны Асо Таро прозвучало заявление о вступлении страны в глобальный экономический кризис. Из банковского сектора кризис неплатежей перешел в промышленность, которая в отсутствие дешевых кредитов не могла развиваться. Проблемы одних предприятий по цепочке распространились на всю промышленность, приведя к сокращению заказов. По прогнозам ОЭСР рост ВВП Японии в 2009 г. составит 0,1%, что даже ниже, чем в США (0,9%) и странах еврозоны (в среднем 0,5%)¹ и что, несомненно, окажет негативное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране. При этом одной из наиболее серьезных проблем в кризисных условиях является положение с занятостью.

В последние годы политика японских компаний характеризовалась усилением замены постоянного персонала на временный или на другой нерегулярно занятый контингент². К 2008 г. численность временного персонала на предприятиях обрабатывающей промышленности с числом занятых более 30 человек увеличилась по сравнению с 2005 г.

¹ Coco Masters. Why Japan Has Slipped Into Recession. Time, Tokyo, 2008 Nov. 18. (<http://www.time.com/time/business/article/0,8599,1859997,00.html>).

² *Нерегулярно занятый персонал* в японских фирмах относится к непостоянно занятому персоналу и подразделяется на многочисленные категории, в том числе включает и упоминаемые в данной статье временный, частично занятый, лизинговый персонал. *Временный персонал* в соответствии со своим названием нанимается на определенный срок действия контракта (который заключается обязательно в отличие от практики найма постоянного персонала). *Лизинговый персонал* представляет собой одну из форм временного персонала, но вместе с тем существенно отличается от него тем, что поступает в распоряжение нанимающей фирмы на временную работу от фирмы-посредника в результате акта перенайма (лизинга) у последней. *Частично занятый персонал* характеризуется тем, что занят работодателем неполное рабочее время (рабочий день, неделю и т. д.).

на 11,5%, а постоянного – всего на 2,2%. При этом наиболее быстрыми темпами растет число занятых неполное рабочее время.

Таблица 1.

Число лиц, занятых в различных отраслях экономики Японии (2008 г., предприятия с числом занятых более 5 чел.)^{*}

Название отрасли или предприятия	Всего		Занятые полное рабочее время		Занятые неполное рабочее время	
	тыс. чел.	% *)	тыс. чел.	% *)	тыс. чел.	% *)
Все отрасли	45 189	1,1	33 217	0,8	11 972	1,8
Горнодобывающая	32	-2,1	30	-4,8	2	126,1
Строительство	3 091	-0,3	2 950	-0,2	141	-2,1
Обрабатывающая	8 784	0,2	7 548	0,3	1 236	-0,7
Электро-, газо- и водоснабжение	284	-0,1	273	0,3	11	-9,3
Связь и информация	1 481	2,6	1 366	3,5	114	-6,7
Транспорт	2 652	-0,2	2 225	-1,3	428	5,8
Торговля	9 198	0,1	5 418	1,4	3 780	-1,8
Финансы и страхование	1 485	2,3	1 344	2,4	142	1,5
Недвижимость	406	0,4	343	0,5	64	0,3
Гостиницы, предприятия питания	3 403	3,5	995	0,2	2 409	4,9
Предприятия соцстрахования	4 682	3,3	3 410	1,5	1 272	8,4
Образовательные учреждения	2 915	3,4	2 222	3,0	693	4,8
Прочие отрасли	6 051	0,8	4 523	0,3	1 527	1,9

*) Изменение численности по сравнению с прошлым годом

* Ministry of Health, Labour and Welfare. Feb.18, 2009 Statistics and Information Department, Minister's Secretariat, Employment Statistics Division, TBL-3 Regular Employment and Labour Turn Over. (<http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/20/2012re/mk2012re.html>).

Об изменениях, происходящих в настоящее время в структуре занятости рабочей силы в различных отраслях японской экономики, можно судить по данным табл. 1. В 2008 г. на предприятиях страны в целом относительный прирост численности временного персонала

был выше по сравнению с приростом численности постоянных работников чуть ли не в 2 раза. И если в обрабатывающей промышленности прирост общей численности занятых находился практически на нуле, то в ряде отраслей она сократилась уже и абсолютно. В некоторых отраслях, в частности на транспорте и в сфере услуг, процесс замены постоянного персонала временным выражен особенно ярко, а в горнодобывающей промышленности при сокращении общей численности персонала число временных работников увеличилось по сравнению с прошлым годом более чем в 2 раза.

По некоторым источникам, к концу 2008 г. как и в 1990-е годы, уже третья часть наемной рабочей силы относилась к категории частично или временно занятой³. Рынок труда становится все более нестабильным и риск того, что его двойственность получит дальнейшее развитие, очень велик, особенно, если учесть тот факт, что в настоящее время лишь небольшой части нерегулярных работников удастся получить постоянную работу.

Двойственный рынок труда при капитализме – отнюдь не редкость, однако в Японии это явление отличается большой спецификой, поскольку в послевоенное время оно приобрело практически институциональную форму. Это, в свою очередь, имело не только отрицательные последствия в виде глубокой и неоправданной дифференциации доходов среди лиц наемного труда, но и определенные положительные моменты.

Институциональное разделение рынка труда в Японии произошло в результате возникновения своеобразной системы долговременной занятости (так называемой системы пожизненного найма), которую японскому бизнесу вместе с государством удалось воссоздать после войны на крупных предприятиях. Эта система во многом подпитывается за счет периферийного рынка «второсортной» рабочей силы, лишенной гарантии занятости и многих других социальных защит. Крупный бизнес по существу монополизировал значительную часть рабочей силы, как бы «закрыв» ее от внешнего мира. Важнейшим следствием системы «пожизненного найма» явилось довольно жесткое разделение рынка труда на две части – закрытую и открытую, в пределах которых рабочая сила была поставлена в различные условия найма.

В 1970-е и, особенно, в 1980-е годы, когда стало сокращаться число постоянных рабочих мест и возникла угроза повышения уровня безработицы, в Японии стала бурно развиваться временная и частичная занятость, которая сосредоточилась на открытом рынке труда. Та-

кая занятость была характерна, прежде всего, для женщин, и среди них она постепенно приобрела особую популярность.

К концу 1980-х годов в Японии насчитывалось более 5 млн. частично занятых работников, что составляло примерно 12% от общей численности лиц наемного труда. В общем числе частично занятых около 70% приходилось на женщин. За период с 1970 г. по 1990 г. доля частично занятых в общей численности работающих женщин увеличилась вдвое. В 1970 г. она составляла 12,2%, в 1975 г. – 17,4, в 1980 г. – 19,3, в 1985 г. – 22,0, в 1990 г. превысила 25%. В 1990-е годы среди женщин доля частично занятых была выше, чем среди наемной рабочей силы в целом.

Несмотря на то, что в семейном бюджете доход от частичной занятости чаще всего играл второстепенную, дополнительную роль, многие, прежде всего женщины, искали работу именно на таких условиях. Наряду с женщинами в стране появился и стал быстро увеличиваться и другой отряд частично занятых – студенческая молодежь, которая зарабатывала таким способом средства на жизнь и на обучение.

Лица, искавшие рабочие места на условиях временной или частичной занятости, стремились к сочетанию своих личных интересов с возможностью получать доход от труда. Для женщин особый интерес представляла, в частности, близость места работы к дому, что давало им возможность совмещать семейные обязанности с трудовой деятельностью. Поэтому половина частично занятых работали в 15 минутах, а до 80% – в 30 минутах езды от дома.

Традиционно рабочие места на условиях частичной занятости предлагались там, где от исполнителей не требовался высокий уровень квалификации. Поэтому среднечасовой заработок частично занятого персонала составляет в среднем лишь 40% заработной платы работников, нанятых на полный рабочий день. Однако следует подчеркнуть, что разрыв в заработках лиц этих категорий гораздо больше, чем разница в производительности труда, поэтому для бизнеса использование труда частично и временно занятого персонала особенно выгодно.

Несмотря на то, что значительная часть рабочей силы из-за существования институционально оформленной двойственной структуры рынка труда оказывается в дискриминационных условиях, по самым скромным подсчетам в период высоких темпов экономического роста система пожизненного найма обеспечивала надежной работой не менее 30% лиц трудоспособного возраста. Они формировали армию мужчин-кормильцев, представляли костяк рабочей силы и являлись социальной опорой японского государства.

³ <http://www.warandpeace.ru/en/analysis/view/30281/>

Следует подчеркнуть, что во многом благодаря такому построению рынка труда безработица в Японии в течение почти всего послевоенного периода находилась на уровне статистической погрешности и составляла менее 1%, в результате чего страна не испытывала социальных потрясений. Эта система способствовала стабилизации рынка труда не только в периоды высокой конъюнктуры, но, самое главное, была включена в антикризисный механизм как его надежная составная часть.

Механизм выхода из кризиса с использованием системы пожизненного найма и при ее поддержке со стороны государства значительным образом отличается от развития событий в условиях свободных рыночных отношений. В соответствии с классической схемой развития кризиса на Западе, если рецессия (или рестрикционная кредитно-финансовая политика государства) продолжается достаточно долго, сопутствующая ей приостановка в росте потребностей экономики в рабочей силе неизменно перерастает в вал массовых увольнений, в рост безработицы и обострение социальной ситуации. Такой ход событий при всех социальных издержках считается неизбежным и в известном смысле даже экономически целесообразным. Наличие незанятой массы рабочей силы рассматривается как резерв, необходимый для выхода экономики из стадии падения, поскольку он позволяет бизнесу в нужный момент быстро переключиться на режим подъема и без труда восстановить необходимый объем деятельности. В свою очередь, это ставит государство перед необходимостью следовать, главным образом, принципам «пассивной» политики, компенсирующей результаты такого поведения предпринимателей задним числом, по факту возникновения безработицы. Она направлена, прежде всего, на поддержание самого существования безработных, оставляя в тени деятельность фирм по созданию рабочих мест и стимулированию роста занятости.

Поскольку государственная трудовая политика в Японии формируется с ориентацией на существование внутрифирменной практики пожизненного найма и на ее поддержку, положение на рынке труда в периоды циклических спадов здесь развивается по другой схеме. Различия начинаются с установки на то, чтобы крупные компании вообще не увольняли персонал до тех пор, пока у них имеется возможность справиться с ситуацией собственными средствами.

Прежде всего, компании используют для этого резервы по сокращению сверхурочного рабочего времени, доля которого в структуре рабочего времени в Японии весьма велика. Следующим шагом служит перевод лишней рабочей силы из депрессивного сектора бизнеса в те отделения и филиалы, которые развиваются более успешно. Обычно

крупным японским компаниям сделать это бывает нетрудно. Процесс перераспределения рабочей силы в пределах корпораций-гигантов в Японии облегчается как традиционной практикой внутрифирменной ротации персонала, так и в связи со специфической организацией бизнеса, скрепляющей в своих рамках долговременными отношениями многие фирмы-партнеры. На этом этапе приспособление сферы труда к циклическим колебаниям конъюнктуры во многом происходит не столько за счет рыночных сил, сколько в результате целенаправленного подключения механизмов, встроенных в структуру крупных компаний. До определенного времени это не требует обращения к функции государства по трудоустройству и социальному обеспечению временно не занятой рабочей силы. Во избежание увольнений персонала японским компаниям приходится идти даже на повышение удельных расходов на труд в себестоимости продукции.

По мере того как с середины 1980-х годов страна все более вовлекалась в орбиту глобализации, не позволившей ей сохранить в неприкосновенности прежние факторы развития, лучи от японского феномена стали постепенно меркнуть, и в стране стали появляться все новые и новые проблемы. Подорожавшая иена привела к падению прибыльности именно тех отраслей промышленности, на которых держались преимущества японского экспорта и которые обеспечивали положительное сальдо торгового и платежного баланса. «Бегство» капитала в страны третьего мира в поисках дешевого труда привело к таким последствиям, как постепенное изменение всей производственной структуры, формирование так называемого постиндустриального общества, в котором традиционный промышленный труд становился относительно менее нужным, а прежние производственные отношения подвергались радикальным изменениям.

Прежде всего, еще больше поляризовалась структура занятости. Государство, как обычно, усилило давление на бизнес с целью сократить масштабы массовых увольнений. В ответ на это фирмы стали в еще большей степени, чем прежде, опираться не на постоянный персонал, сдерживая его наем, а на временный. В период затяжного экономического спада 1990-х годов доля нерегулярно занятого персонала резко увеличилась и достигла к началу века трети всей рабочей силы (см. рис.1). Появилась проблема безработицы, от которой в первую очередь страдали лица «проблемных» возрастов – молодежь и пожилые работники.

Корпорации вместе с государством и в условиях нынешнего кризиса продолжают применять антикризисный механизм, встроенный в систему пожизненного найма. Как и прежде, основным резервом, на который опирается этот механизм, является снижение трудозатрат по

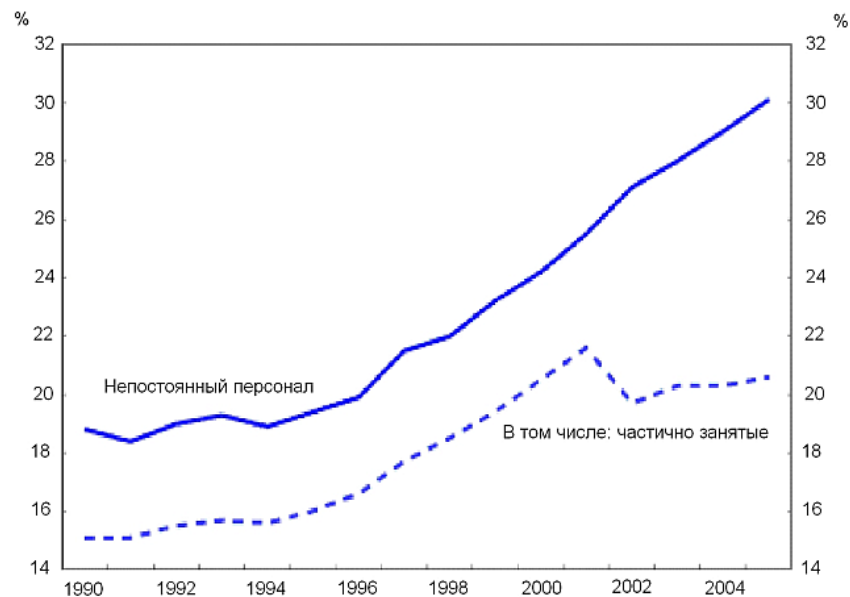

Рис. 1

Рост доли нерегулярно занятого персонала в Японии за 1990–2004 гг.
(в% от общего числа занятых)*

* Economic Survey of Japan 2006: Income inequality, poverty and social spending. OECD, 20 July 2006 (<http://www.oecd.org/document/38/>).

Значительное сокращение числа занятых неполный рабочий день в 2002 году и рост других категорий занятых произошли в результате изменений в статистической выборке и методах опроса.

всем возможным направлениям, и в первую очередь в ход пускается сокращение рабочего времени. Вначале ограничивается рост сверхурочного времени. Особенно интенсивно этот механизм применяется в отраслях обрабатывающей промышленности, а также в сфере услуг, которые наиболее сильно поразил современный кризис. Здесь сверхурочные за один только 2008 г. были снижены на 20–30%. Однако в настоящее время фирмы уже не сводят свои усилия только к контролю над сверхурочными, а переходят и к сокращению нормативного времени, а также к интенсивному использованию других резервов по снижению трудозатрат, в частности, к изменению структуры занятости за счет повышения доли временного персонала.

Так, в целом по всей экономике на предприятиях с числом занятых более 5 человек в 2008 г. нормативное рабочее время (рабочие часы) сократилось на 1,3%, а по обрабатывающей промышленности – даже

Таблица 2

Продолжительность рабочего времени
на предприятиях различных отраслей Японии
(2008 г., предприятия с числом занятых 5 и более человек)*

Название отрасли или предприятия	Продолжительность рабочего времени							
	Количество отработанных рабочих часов, в том числе						Число рабочих дней ^{**})	
	всего		нормативных		сверхурочных			
	часов	%*)	часов	%*)	часов	%*)		
Все отрасли	147,1	-2,1	137,0	-1,3	10,1	-11,3	19,1	-0,3
Горнодобываю- щая	172,4	-1,9	156,9	-1,1	15,5	-9,3	20,8	-0,6
Строительство	172,4	-0,8	160,7	-1,2	11,7	5,4	21,3	-0,2
Обрабатывающая	159,4	-5,3	147,4	-2,4	12,0	-30,6	19,5	-0,6
Электро-, газо- и водоснабжение	149,0	-1,9	136,5	-1,3	12,5	-8,1	17,9	-0,4
Связь и информация	160,1	-1,3	142,1	-1,4	18,0	0,0	19,1	-0,3
Транспорт	176,0	-2,4	152,1	-1,3	23,9	-9,2	20,4	-0,3
Торговля	140,3	-1,1	133,4	-0,9	6,9	-4,2	19,5	-0,2
Финансы и страхование	152,1	1,9	139,7	2,3	12,4	-1,6	19,1	0,4
Недвижимость	157,3	-0,4	147,4	-0,6	9,9	3,1	19,7	-0,3
Гостиницы, пред- приятия питания	110,4	-2,3	105,3	-2,1	5,1	-5,5	16,9	-0,4
Предприятия соц- страхования	135,9	-0,7	129,2	-1,0	6,7	6,4	18,4	-0,1
Образовательные учреждения	125,4	1,0	119,6	0,2	5,8	18,3	16,7	0,1
Сфера услуг	154,1	1,0	143,0	3,3	11,1	-21,3	19,5	0,3
Прочие отрасли	147,8	-1,7	137,5	-1,3	10,3	-5,5	19,1	-0,2

Ministry of Health, Labour and Welfare. Feb 18, 2009 Statistics and Information Department, Minister's Secretariat, Employment Statistics Division, TBL-2 Hours Worked and Days Worked. (<http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/20/2012re/mk2012re.html>).

* Изменение рабочих часов по сравнению с соответствующим месяцем прошлого года.

*) Изменение числа рабочих дней по сравнению с соответствующим месяцем прошлого года.

на 2,3%. При этом, поскольку общее число рабочих дней было снижено до небывалых для Японии показателей (19,1 дней в месяц в среднем по экономике, 19,2 – по обрабатывающей промышленности, 17,9 – в коммунальном хозяйстве и 16,9 – в гостиничном бизнесе), то можно сделать вывод о том, что этот резерв антикризисного механизма в настоящее время практически исчерпан, и переход на временную занятость стал логически неизбежным явлением (см. табл. 2).

Затяжной характер экономического кризиса в Японии конца XX века и глобальный кризис, разворачивающийся в настоящее время, вызвали развитие новых и обострение прежних неблагоприятных тенденций не только на рынке труда, но и в социальной сфере в целом. Следует особо подчеркнуть, что все те меры, которые государство вместе с менеджментом компаний пытается предпринять для стабилизации занятости, не проходят бесследно для системы управления кадрами, основанной на пожизненном найме.

Очевидно, что сохраняемый в компаниях с помощью такой политики постоянный персонал (даже в минимально необходимых количествах) служит препятствием для нового набора кадров. Поскольку под набором персонала в японских компаниях всегда имелся в виду, прежде всего, прием молодежи, то от сокращения набора новых кадров страдает не только молодежь, но и фирмы, их система управления кадрами. Ведь каждый очередной прилив молодежи, возмещающий соответствующий объем естественной убыли рабочей силы, играет принципиально важную роль в воспроизводстве всей управленческой системы, основанной на пожизненном найме.

Массовое сокращение приема молодежи в период экономического кризиса таит в себе большую опасность для системы пожизненного найма в целом, поскольку в результате перенапряжения антикризисной функции этой системы подрывается ее воспроизводственная сторона. Если обычное, краткосрочное использование этой функции приводит только к сбоям, то длительная ее эксплуатация грозит органическим и невосстановимым повреждением системы в целом. Длительная приостановка процесса обновления кадров нарушает процесс планирования, который в нормальных условиях носит долгосрочный характер, ведет к недопустимому росту расходов на рабочую силу, резко снижает ее качество и эффективность использования, что в совокупности ставит под сомнение экономическую целесообразность применения системы управления, основанной на принципах пожизненного найма.

Крупные японские компании, ориентировавшиеся всегда на молодежь как на будущих постоянных работников, в период нынешнего глобального кризиса стали еще активнее переходить к найму персонала,

нетипичного для себя – частично занятого, временного, лизингового и т. д. В результате по мере нарастания тенденции к ухудшению экономической ситуации за пределами привычных каналов трудоустройства оказываются все большие и большие массы молодежи. Усиливаются тенденции, приводящие к тому, что традиционный механизм перестает функционировать с той четкостью, которая была характерна для него в прошлом.

Положение с занятостью молодежи стало особенно заметно ухудшаться в 1990-е годы. С середины последнего десятилетия XX века численность «нетипично занятой» молодежи в стране возрастала так быстро, что к началу XXI в. по данным министерства труда (2003 г.) уже превысила 2 млн. человек, увеличившись по сравнению с началом 1980-х годов в 4 раза. Более того, если прибавить к этой категории молодых людей, занятых самостоятельными поисками постоянной работы и незарегистрированных на бирже труда в качестве безработных, то численность тех, кто в начале века «выпал» из традиционной системы трудоустройства, составляла более 4 млн. человек (2001 г.)⁴.

В результате среди молодежи стал нарастать слой так называемых «лиц свободного труда» (*фурумасы* от англ. *freeters*), которые систематически, не находя ничего лучшего, соглашались на случайные заработки, на работу на условиях неполного рабочего дня, на постоянное возобновление временного трудового контракта. В добавление к этому следует отметить растущую текучесть и среди той молодежи, которой удастся устроиться на постоянную работу: четверть ее увольняется в течение первого года, а половина – в течение первых трех лет.

Справедливости ради следует сказать, что процесс выбывания молодежи из сферы постоянного труда довольно сложен и связан также с изменениями в ее психологии, происходящими под влиянием глобализации, и рядом других факторов. Многие молодые люди, выросшие в условиях богатой страны и увлекшиеся ценностями западной цивилизации, часто находят для себя удобным образ жизни, не обремененный работой на одном месте. Это обстоятельство, однако, не может заслонить проблемы трудоустройства молодежи как таковой.

По мере обострения этой проблемы расширялась безработица среди молодежи, которая, несмотря на некоторое снижение к концу 2008 г., оставалась очень высокой (более 7%) и была гораздо выше, чем для рабочей силы других возрастных групп, включая и группу самого старшего (традиционно проблемного) возраста (см. табл. 3).

Более того, одной из наиболее тревожных тенденций в области занятости и трудоустройства молодежи специалисты считают увеличение

⁴ Employment Measures for Youth . Japan Labor Bulletin, 2003, August. Vol. 42, No. 8.

числа молодых людей, которые теряют надежду найти хорошую работу. Таких в начале XXI века насчитывалось более 600 тыс. человек. Рост именно этой категории молодежи (хотя она и не включается официальной статистикой в состав безработных) особенно ярко свидетельствует о глубине тех процессов, которые происходят на рынке труда в Японии⁵.

Таблица 3

Уровень безработицы среди рабочей силы различных возрастов
(в 1998–2008 гг., %)

Год	В среднем	Возрастные группы (лет)					
		15–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше
1998	4,1	7,7	4,9	3,0	2,5	5,0	2,1
1999	4,7	9,1	5,5	3,3	3,1	5,4	2,2
2000	4,7	9,1	5,6	3,2	3,3	5,5	2,2
2001	5,0	9,6	6,0	3,6	3,4	5,7	2,4
2002	5,4	9,9	6,4	4,1	4,0	5,9	2,3
2003	5,3	10,1	6,3	4,1	3,7	5,6	2,5
2004	4,7	9,5	5,7	3,9	3,4	4,5	2,0
2005	4,4	8,7	5,6	3,8	3,0	4,1	2,0
2006	4,1	8,0	5,2	3,4	2,9	3,9	2,1
2007	3,9	7,7	4,9	3,4	2,8	3,4	1,8
2008	4,0	7,2	5,2	3,4	2,9	3,6	2,1

Final Report of Monthly Labour Survey. December 2008. Ministry of Health, Labour and Welfare. Tokyo, Feb. 18, 2009 (<http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/20/2012re/mk2012re.html>).

Положение молодых людей в настоящее время осложняется еще и тем обстоятельством, что их подавляющая часть, выходя впервые на рынок труда, не обладает практически никакой профессией и квалификацией и не имеет возможности получить ее. Парадокс японской действительности состоит в том, что, только получив работу, молодежь может надеяться на приобретение профессии. В настоящее время основным местом профессионального обучения остаются крупные фирмы. Соответствующая государственная система в Японии развита пока очень слабо.

⁵ Подробнее см.: Матрусова Т. Н. Проблемы трудоустройства молодежи в Японии. Японский опыт для российских реформ. 2006, вып. 1; Yoshie Furuhashi. In Search of Metoro: Women, Youth, and Labor in Japan (<http://mrzine.monthlyreview.org/furuhashi311205.html>).

Такое положение вещей сложилось еще в период высоких темпов экономического роста, когда рынок труда активно поглощал весь объем предложения труда. Причем на молодежь был особенно высокий спрос со стороны крупного бизнеса, который не только не опасался притока необученной молодежи, но, напротив, приветствовал его. Считалось, что расходы на обучение новичков сторицей окупаются в результате целенаправленного их воспитания в духе корпоративной лояльности. Кроме того, большую роль играла и та экономия, которую фирмы получали за счет использования труда молодежи (оплачиваемого по самым низким расценкам) при широком распространении системы повозрастной оплаты.

В условиях современного кризиса, когда молодежь все больше выпадает из сферы интересов крупного бизнеса, со всей очевидностью обнажились и те серьезные недостатки государственной политики по отношению к проблемам занятости и профессиональной подготовки молодежи, которые назревали здесь в течение всего послевоенного периода.

Длительное время государственная трудовая политика, проводившаяся в Японии, считалась одной из самых успешных в мире. Основанием для этого служили очень высокий показатель экономической активности японского населения и самый низкий в мире уровень безработицы среди рабочей силы. Изучение японского опыта показало, что одной из важнейших причин такого положения служили удачные подходы к формированию этой политики, которые, в частности, заключались в сочетании так называемых «активных» и «пассивных» методов.

Такое сочетание в японской модели трудовой политики появилось далеко не сразу. Проблема безработицы, например, довольно долго в послевоенное время решалась в Японии не просто изолированно от других проблем рынка труда, но и ситуативно, на началах чрезвычайности, как экстраординарная проблема. Так было не только в период послевоенной разрухи, когда в качестве соответствующего механизма использовались так называемые проекты чрезвычайной помощи безработным. Даже во время начавшейся бурной структурной перестройки вопросы массовых увольнений с предприятий угольной промышленности регулировались на основе специально принятого для этого случая закона, имевшего частный характер.

Да и сами по себе «пассивные» методы, которые появились в практике японского государства с принятием в 1947 г. Закона о страховании по безработице, длительное время не выходили за рамки сугубо социальной политики, поскольку этот закон был предназначен исклю-

чительно для регулирования вопросов, связанных с предоставлением пособий безработным, но не с их трудоустройством. В рамках такой политики меры по борьбе с безработицей принимались *post factum*, задним числом и в лучшем случае в расчете на сбалансирование рынка труда путем адаптации предложения к спросу. Никаких попыток влиять на характер и структуру спроса на рабочую силу, воздействовать на бизнес с целью создания рабочих мест как основного направления «активной» политики занятости не делалось вовсе.

Более того, даже «пассивные» методы и само страхование по безработице в своем более или менее системном виде начали превращаться в действенную политику лишь в середине 1960-х годов, когда уже обострилась новая проблема периода высоких темпов роста прямо противоположного свойства – проблема нехватки рабочей силы, связанная, прежде всего, с нехваткой молодежи и стимулировавшая переход к планированию трудовой политики.

Нехватка кадров постепенно стала высвечивать с иной стороны те же проблемы трудовых ресурсов, которые были свойственны и периоду безработицы. Это – проблемы структурного несоответствия рынка труда потребностям производства. На повестку дня встал вопрос о необходимости комплексного подхода к решению проблем, связанных с рынком труда.

Закон о мерах по обеспечению занятости, принятый на рубеже 1960-х – 1970-х годов, обозначил этот важный момент в эволюции политики занятости государства. В этом законе впервые было заявлено о переходе к увязке «пассивной» и «активной» политики, к координации различных государственных мероприятий, направленных на достижение полной занятости населения. За этим законом последовал первый долгосрочный Основной план занятости, в котором развивалась идея открытого рынка труда.

Именно в это время с особой остротой стали проявляться и недостатки той самой государственной политики занятости, которая формировалась длительное время с ориентацией, прежде всего, на поддержку крупных фирм. Уже тогда, целиком полагаясь на практику управления кадрами в крупных компаниях, государство фактически отдавало им на откуп судьбу целых поколений японцев (начиная с молодежи), которые в отсутствие альтернативных источников получения профессиональных знаний и навыков вне этой системы оказывались за бортом обеспеченной жизни.

Нехватка кадров и рост расходов на их обучение в фирмах заставляли крупные компании обращаться к новому для себя источнику трудовых ресурсов – открытому рынку труда – и принимать на работу

не только молодежь со школьной скамьи, но и тех, кто имел уже опыт работы в других фирмах (так называемых *тьюто саё*), что, в свою очередь, нарушало логику пожизненного найма и угрожало разрушить сложившуюся монополию крупного бизнеса на элитную часть рабочей силы. Перед лицом этих сбоев в традиционной системе управления кадрами государство уже тогда было готово к действиям, создающим больший простор для развития рыночных механизмов в области труда.

В преамбуле к Закону о мерах по обеспечению занятости (1969 г.) содержалось заявление о том, что назрела необходимость в «отказе от таких видов практики в области занятости, которые создавали препятствия для работников в эффективном применении своих способностей»⁶. Та же мысль содержалась и в комментариях к закону. В них было подчеркнуто, что на смену царившим в крупном бизнесе методам оценки рабочей силы исключительно на основе уровня общего образования и длительности трудового стажа должны прийти методы, базирующиеся на оценке способностей работников и уровня их профессиональной квалификации.

Таким образом, уже в то время проблема, связанная с необходимостью обращения к альтернативному источнику квалифицированной рабочей силы, который мог бы успешно заменить собой практику найма необученной молодежи, выдвигалась на первое место. Развитие государственной системы профессионального обучения становилось насущной необходимостью.

Поскольку низкая квалификация молодежи не отпугивала, но скорее привлекала бизнес, делая ее труд особенно дешевым, фирмы не восприняли тогда идею о замене корпоративного обучения государственной системой профессиональной подготовки. И вновь под давлением со стороны корпораций-гигантов японское государство отказалось от того, что уже стало очевидным – от идеи развивать систему профессионального обучения по западноевропейскому образцу с ориентацией на общегосударственные, доступные всему населению формы, и вновь вернулось к политике поощрения корпоративной практики профессиональной подготовки в процессе труда. В 1969 г. эта политика была закреплена в Законе о профессиональной подготовке, а затем, с внесением в этот закон соответствующих поправок (в 1978 г. и 1985 г.), получила свое дальнейшее развитие⁷.

⁶ Karthaus-Tanaka Nobuko. How Japan Views Its Current Labour Market. Netherlands Association of Japanese Studies, 1995, c.13.

⁷ Более подробно см. Матрусова Т.Н. Организация профессиональной подготовки в Японии. М., 1999.

В результате государственная система профессиональной подготовки закрепила свою ориентацию исключительно на лиц, потерявших работу, и на старшее поколение рабочей силы. При этом молодежь из сферы ее внимания просто выпала. Система же частного обучения не могла восполнить этот пробел, в том числе по причине своей дороговизны для обучаемых.

Однако структурные сдвиги на рынке труда, происшедшие вследствие технического прогресса и развития процессов глобализации, а также изменения в трудовой морали и отношении к труду японского населения (во многом вызванные длительным экономическим спадом 1990-х годов), заставляют власти по-иному взглянуть на политику в области профессиональной подготовки и, в первую очередь, на подготовку молодежи.

В очередном, восьмом Основном плане развития трудовых ресурсов, принятом в 2007 г., министерство труда заостряет свое внимание на таких нежелательных сторонах сложившейся ситуации, как несоответствие между спросом и предложением рабочей силы и растущая безработица, особенно среди молодежи. Чтобы разрешить эти проблемы и стабилизировать ситуацию предлагается коренным образом «улучшить условия развития рынка труда... и обеспечить работникам возможность оценить свои профессиональные качества, получить такую подготовку на соответствующих курсах, которая позволит достигнуть квалификации, достаточной для желаемого служебного продвижения». И хотя в этом плане речь идет скорее о самостоятельных усилиях молодежи, необходимых для получения профессиональной подготовки, тем не менее, одновременно фактически признается, что прежний подход к преимущественно корпоративному обучению является недостаточным⁸.

Одновременно с принятием этого плана министерством труда была образована рабочая группа по изучению «необходимых внешних условий для дальнейшего развития рынка труда». В 2009 г. эта группа завершила свое исследование и опубликовала соответствующий доклад. Одним из важнейших выводов, содержащихся в этом докладе, явилось утверждение, что в настоящее время корпоративная система обучения уже не в состоянии удовлетворить изменившиеся требования, предъявляемые рынком труда к подготовке кадров. В первую очередь это относится к проблемам подготовки молодежи. Это означает, что японское государство встало перед необходимостью карди-

⁸ Labor Situation in Japan and Analysis: Detailed Exposition 2009/2010 Ch. 6. Human Resources Development and Improvement of the Educational Training Infrastructure in Japan (<http://www.jil.go.jp/english/ljsj.html>).

нально изменить свою концепцию профессиональной подготовки и направить усилия на развитие общегосударственных программ в этой области.

По мере дальнейшего расслоения рынка труда в Японии проявляются и многие другие проблемы. Одна из них выглядит довольно серьезной и в условиях нового глобального кризиса грозит нарастанием социальной напряженности. Эта проблема, если и не новая, то довольно основательно подзабытая в Японии, а именно – проблема бедности.

Для современников некогда случившегося с Японией экономического чуда образ этой страны прочно связан с ее успехами в конкуренции с мощными международными соперниками, с необыкновенным трудолюбием народа, которое во многом стало источником этого чуда, и – с несомненным и беспрестанно повышающимся благосостоянием населения. Даже тем, кто хорошо знаком с реалиями японской жизни, свойственно было проходить мимо фактов и картин, омрачавших этот образ страны «восходящего солнца». Так, слабое развитие общенациональных систем социальной поддержки населения, дороговизна и несоответствующее ей качество (и количество) жилья или «аномальные» проблемы детской жестокости и детского суицида в сущности мало нарушали течение размеренной и в целом благополучной жизни людей в этой стране, а параллельное существование с этой жизнью мира бездомных бродяг вообще воспринималось чуть ли не как картинка, специально выставляемая для вездесущих туристов, выскивающих зланные анклавы «другой» японской экзотики.

Между тем с изменением экономической ситуации эти проблемы приобретают все более значительные масштабы и начинают принимать реальные очертания. Так, проблема относительной бедности в Японии уже выражается статистически. Это получило яркое подтверждение в результате применения в исследованиях такого макроэкономического показателя, как коэффициент Джини, который характеризует дифференциацию денежных доходов населения в виде степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны и свидетельствует о степени расслоения общества по уровню годового дохода и, соответственно, по уровню жизни разных групп населения. Этот коэффициент был положен в основу определения показателя относительной бедности, характеризующего уровень жизни тех слоев, которые имеют наиболее низкие доходы⁹.

⁹ Коэффициент Джини (индекс Джини) был предложен и разработан итальянским статистиком и демографом Корrado Джини (1884—1965) и опубликован в 1912 г. в его знаменитом труде «Вариативность и изменчивость признака».

Долгое время на фоне тенденций к расслоению населения по уровню жизни во многих других странах в Японии наблюдалось сравнительное экономическое равенство среди разных слоев общества. Но за период с середины 1980-х годов до середины первого десятилетия XXI в. положение изменилось. Если в начале этого периода Япония характеризовалась значительно более низким значением показателя Джини по сравнению со средней для стран ОЭСР величиной, то в 2006 г. значение этого коэффициента в Японии уже превысило средний уровень стран, входящих в состав ОЭСР. Это свидетельствует о повышении степени расслоения японского общества как по сравнению с прошлым периодом, так и в сравнении с этими странами. В результате по уровню относительной бедности среди работающего населения Япония выдвинулась на одно из первых мест в мире¹⁰.

Отчасти это объясняется и старением населения Японии, поскольку процесс старения распространяется и на рабочую силу: происходит увеличение численности работников в возрасте от 50 до 65 лет с низкими уровнями заработков. Однако ключевым фактором, как считают авторы исследования, служит расслоение рынка труда, усиление его двойственности.

Большое внимание исследователей привлекает проблема работающих женщин, составляющих значительную долю открытого рынка труда, а среди них – матерей-одиночек, среди которых многие находятся буквально в бедственном положении. В настоящее время в Японии разработан критерий «абсолютной» бедности, в соответствии с которым человек живет за этой чертой, если его годовой доход составляет менее 1,14 млн. иен (или менее половины среднегодового душевого дохода). И если в начале XXI в. к категории «бедных» в Японии относилось 15,1% населения, то среди женщин эта доля гораздо выше, особенно среди матерей-одиночек. Так, к числу наиболее бедных в 2000 г. относились более половины работающих матерей-одиночек, и это было также намного больше, чем в других странах ОЭСР, где в среднем эта доля составляла около 20%¹¹.

Парадоксально, но в Японии уровень бедности среди работающих матерей-одиночек выше, чем среди неработающих. Это стало результатом непродуманного реформирования системы вспомоществования для родителей-одиночек с целью повысить их стимулы к труду с помощью налогообложения.

¹⁰ Economic Survey of Japan 2006: Income inequality, poverty and social spending. OECD, 20 July 2006 (<http://www.oecd.org/document/38/>).

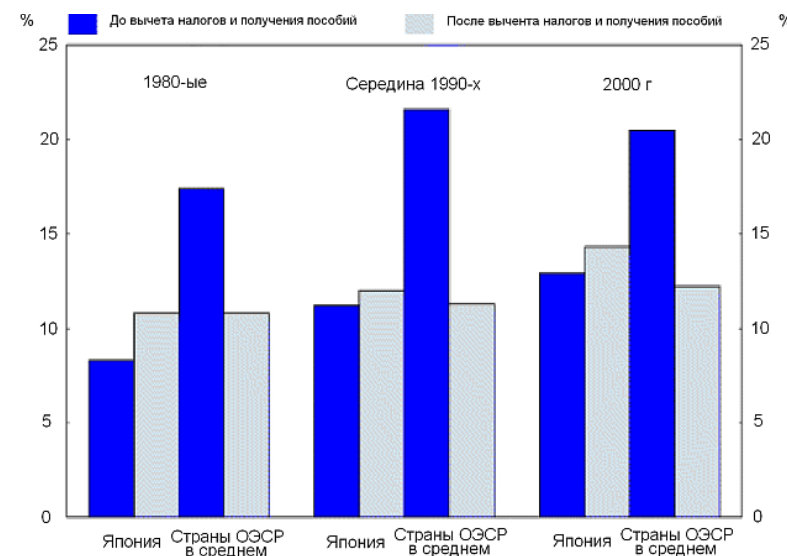
¹¹ Simon Chapple Child Well-being and Sole-Parent Family Structure in the OECD: An Analysis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers No.82. 23-Mar-2009. ([http://www.oilis.oecd.org/oilis/2009doc.nsf/LinkTo/NT00000F32/\\$FILE/JT03261729.PDF](http://www.oilis.oecd.org/oilis/2009doc.nsf/LinkTo/NT00000F32/$FILE/JT03261729.PDF)).

Значительный уровень бедности среди матерей-одиночек явился основной причиной и того, что к 2000 г. в стране повысился и уровень так называемой детской бедности¹². Так, за чертой бедности в этом году находилось 14,2% общего числа детей в Японии, что значительно превышало не только средний уровень по странам ОЭСР, но и уровень самой Японии в 1980-х годах¹³ (см. рис.2). Более того, данные рис. 2 свидетельствуют также и о том, что в отличие от стран ОЭСР, где изъятие налогов из доходов населения значительно сокращает уровень бедности, в Японии это, напротив, ведет к росту этого показателя.

Если учесть то обстоятельство, что в Японии относительно высокая доля расходов на образование приходится именно на само население, то на повестку дня встает проблема доступа к качественному образованию детей из семей с низким уровнем доходов, которая влечет за собой воспроизводство бедности в следующих поколениях населения страны.

Рис. 2

Детская бедность в Японии и в странах ОЭСР
(в % к общей численности детей до и после вычета налогов и выплаты пособий)*

* Economic Survey of Japan 2006: Income inequality, poverty and social spending OECD 20 July 2006. (<http://www.oecd.org/document/38/>).

¹² О «детской бедности» см также: http://www.socpol.ru/publications/pdf/RUS_Child_Poverty.pdf

¹³ Kazuo Otsu . Grappling with child poverty (Yomiuri Shimbun, 2008, Nov.15).

По результатам исследования, проведенного ОЭСР в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (*Programme for International Student Assessment*), в Японии была выявлена настораживающая тенденция к расслоению населения по качеству полученного образования в зависимости от уровня доходов семей.

Среди важнейших средств по противодействию тенденции к усилению неравенства и росту бедности в японском обществе специалисты называют необходимость сдерживания процесса расширения разрыва между двумя частями рынка труда, что, в свою очередь, снизило бы мотивацию крупных фирм нанимать все большее число низкооплачиваемого нерегулярного контингента.

Высказывается также мнение, что если не снять, то, по крайней мере, снизить остроту этой проблемы можно было бы путем повышения степени социальной защиты временных работников и увеличения их шансов на получение постоянного места труда, а также за счет повышения доли, которая в социальных расходах государства приходится на семьи с низким уровнем доходов. Решение этих задач упирается в серьезные бюджетные проблемы, которые ограничивают возможности государства по увеличению социальных расходов, направляемых на борьбу с бедностью. Поэтому необходимо принять меры как по перераспределению социальных расходов (с тем, чтобы увеличить в них долю, предназначенную для семей с низким уровнем доходов), так и по противодействию процессам в сфере труда, ведущим к усилению относительной бедности. Кроме того, необходимо ускорить разработку методов перераспределения первичных доходов населения с помощью налоговой системы, которая в последние годы стала менее справедливой по отношению к некоторой части населения трудоспособного возраста¹⁴.

¹⁴ Economic survey of Japan 2008. OECD, 7 Apr., 2008. (<http://www.oecd.org/document/17/>).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЯПОНСКАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА — ИСПЫТАНИЕ МИРОВЫМ КРИЗИСОМ

Начавшийся осенью 2008 г. мировой финансовый кризис существенно переориентировал приоритеты мировой экономики. Он в значительной степени повлиял на направления и объемы расходования финансовых средств, заставив использовать их в первую очередь для спасения от банкротств компаний и банков, а также для смягчения проблем, возникших в социальной сфере. Произошло заметное торможение инвестиционных процессов, под вопросом оказалась возможность реализации многих инновационных проектов. Статистические сводки засвидетельствовали существенное снижение выпуска промышленной продукции, уменьшение потребности в сырьевых материалах, энергоносителях и комплектующих. Повсеместно начался переход к жестким методам рационализации производственной деятельности вплоть до массовых увольнений работников.

В этот период среди высокоразвитых стран наиболее уязвимой оказалась Япония, у которой многие производства традиционно ориентируются на экспорт продукции. Спад в японской экономике в первом квартале 2009 г. оказался самым глубоким за последние полвека и в пересчете на годовой период составил 15,2%. С января по июнь 2009 г. в Японии обанкротились 273 компании, связанные с автомобильной промышленностью, что на 51% больше, чем в аналогичный период 2008 г. Прогноз Ассоциации японских автопроизводителей свидетельствует, что в 2009 фин. г. продажи автомобилей в стране упадут на 8,5%, что станет наихудшим показателем за последние 30 лет¹.

В тяжелом положении пребывает и электротехническая отрасль. Так, выручка «Нихон дэнки» во втором квартале 2009 г. была на 22% ниже аналогичного показателя годом ранее². В тот же период прибыль компании «Кэнон» снизилась на 86% по сравнению с аналогичным

¹ <http://www.rbcdaily.ru/2009/07/30/world/424934/>

² <http://business.compulenta.ru/445479/>

периодом прошлого года, а убытки «Хитати» составили 82,7 млрд. иен. Ожидается, что текущий финансовый год для этой компании вновь станет убыточным, а потери достигнут 270 млрд. иен³. Естественно, что в этих условиях снижается спрос и на промышленное оборудование – по данным на июнь 2009 г., объем заказов уменьшился в сравнении с предыдущим годом на одну треть.

Все это ведет к крупномасштабным сокращениям персонала, порождая в японском обществе социальный дискомфорт и настоятельно требуя внести коррективы и в экономическую, и в научно-техническую политику – как государственную, так и осуществляемую на уровне отраслей и компаний. Но так как данный кризис и по своей сути, и в деталях серьезно отличается от всех предыдущих, с которыми сталкивалась мировая экономика, быстро выйти из него одна отдельно взятая страна не в состоянии. Тем более, если речь идет о Японии, экономика которой теснейшим образом связана с американской экономикой, которая также пребывает в состоянии тяжелой рецессии.

Нынешний мировой кризис, инициируя сокращение спроса на многие виды продукции, а отсюда – и снижение прибылей компаний, не только сужает финансовую базу инновационного развития, но и делает весьма рискованными вложения в новые исследования и разработки, так как перспективы коммерциализации их результатов не вполне ясны. Согласно опросам руководства американских компаний, число тех, кто думает, что кризис их серьезно не затронет, составило только одну треть. Правда, половина респондентов все же собирается сохранить прежнее финансирование НИОКР, полагая, что отказ от курса на инновации был бы серьезной ошибкой, которая приведет к еще большим потерям, чем те, что порождены кризисом⁴. Однако возникают серьезные проблемы с изысканием финансовых ресурсов, необходимых для продолжения серьезных НИОКР, и наиболее предпочтительным средством их решения является рационализация производства с неизбежным сокращением части персонала.

В качестве самых важных высокотехнологичных областей, на развитие которых в настоящее время следует ориентировать исследования и разработки, американские предприниматели назвали приборы и измерительные инструменты (38% опрошенных), нанотехнологическую продукцию (30%), системы моделирования с высокоразвитым программным обеспечением (29%), материалы с особыми свойствами (27%), технику автоматизации и робототехнику (25%), биотехнологии

³ <http://business.compulenta.ru/444738/>; <http://business.compulenta.ru/444766/>

⁴ R&D Magazine, December 2008, p. 7.

(25%), высокоэкологичные средства производства и беспроводную технику связи (по 22%)⁵.

Обсуждение проблемы развития науки в условиях кризиса, проведенное в мае 2009 г. в японском НИИ экономики, промышленности и торговли (Кэйдзай сангё кэнкюдзё), привело к выводу, что в научной сфере режим экономии, скорее всего, распространится на область фундаментальных исследований, поскольку отдача от них наиболее отдалена по времени. В это же время ожидается также некоторая пауза в разработке новых моделей продукции – в связи с общим ослаблением потребительского спроса фирмы могут перенести их выпуск на послекризисные времена. Вместе с тем подчеркивалось, что сильные фирмы, выйдя на рынок с инновационной продукцией именно в условиях кризиса, могут навсегда вытеснить с него своих более слабых конкурентов, если те выберут выжидательную тактику⁶.

Проведенный газетой «Нихон кэйдзай симбун» опрос промышленников страны, в котором приняли участие 253 компании, показал, что в целом японская промышленность не собирается существенно уменьшать финансирование НИОКР, так что в 2009 фин. г. сумма инвестиций в НИОКР сократится по сравнению с предыдущим годом не более чем на 6%. Причем, 40% опрошенных компаний планируют увеличить финансирование НИОКР, а свыше 20% в течение пяти лет намерены увеличить его не менее чем на 10% по сравнению с уровнем 2008 г. И хотя, как отмечалось, общая сумма японских затрат на НИОКР в 2009 г. снизится по сравнению с предыдущим годом – до 19,55 трлн. иен, их отношение к сумме выручки может подняться до 4,3% – самый высокий уровень за последние восемь лет.

В частности, машиностроительные и инженерные фирмы готовы финансировать НИОКР на уровне 2,8% от объема продаж, компании, работающие в области информационных технологий – 5,4%, автомобилестроители – 5,3%, фармацевтические и биотехнологические фирмы – 8,3%, производители материалов – на уровне 3,5%. Предпочтение будет отдаваться работам по таким направлениям, как технологии энергосбережения (на это указали 57,7% опрошенных фирм), новые источники энергии (46,5%), новые материалы (37,3%), нанотехнологии (32,7%). Больше средств будет вкладываться в исследования, связанные с охраной окружающей среды. В области фармацевтики особое внимание будет уделено разработке препаратов для лечения онкологических заболеваний, усилия материаловедов будут направлены на создание автомобильных аккумуляторов и источников освещения

⁵ Ibid., p. 9.

⁶ <http://www.rieti.go.jp/en/events/bbl/09051901.html>

нового поколения. Среди опрошенных корпораций наибольшую сумму направляет на НИОКР «Тоёта» (820 млрд. иен), далее следуют «Хонда», «Панасоник», «Сони» и «Ниссан». Около 70% опрошенных корпораций считают необходимым значительно ускорить процесс внедрения результатов НИОКР в производство⁷.

Однако и американские конкуренты не намерены безмятежно дожидаться окончания мирового кризиса. На собрании Национальной академии наук США в апреле 2009 г. американский президент подчеркнул необходимость усилить внимание к науке, образованию и здравоохранению. Согласно выдвинутой им программе форсирования научных исследований, наукоемкость американской экономики, т. е. отношение общенациональных затрат на НИОКР к объему ВВП, в ближайшее время должно возрасти с нынешних 2,7% до 3%. Это, безусловно, приведет к увеличению финансирования фундаментальных исследований, на которые и ранее направлялись немалые средства (в среднем около 18,5% от общего объема национальных НИОКР) и еще более укрепит позиции США как мирового научно-технического лидера⁸. Больше внимания, как это потребовал президент США, будет уделяться вопросам использования возобновляемых источников энергии, в особенности, солнечной⁹. Пока трудно оценить, являются ли предложения американского президента рычагами антикризисной политики или соответствуют его высказанному ранее общему тезису о необходимости серьезных перемен в жизни США.

Закономерен вопрос – сможет ли Япония в условиях мирового финансового кризиса противостоять действию факторов, тормозящих развитие исследовательского процесса или сокращающих его масштабы, и остаться в числе научно-технических лидеров? Чтобы получить ответ на него, необходимо проанализировать:

а) как в период нынешнего кризиса будут менять свои количественные и качественные характеристики базовые ресурсы инновационного развития, которыми в настоящее время располагает Япония;

⁷ <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/business/index.shtml>

⁸ В частности, президент США сказал: «В такое трудное время, как сейчас, раздаются голоса, заявляющие, что мы не можем позволить себе роскошь столь крупных вложений в образование и науку. Я с этим не согласен. Наука сейчас, как никогда, важна для нашего процветания, нашего общества, здравоохранения, экологии – словом, для обеспечения высокого качества жизни в Америке» (<http://www.scientific.ru/trv/2009/029/obama.html>).

Стоит, впрочем, отметить, что если в США только собираются повысить отношение расходов на НИОКР к ВВП до 3%, то в Японии оно было достигнуто еще в середине 1990-х гг., а в наши дни превышает 3,6%.

⁹ Очевидно, и японцам придется серьезно усилить это направление, чтобы сделать солнечные батареи более привлекательными для широкого пользователя. Пока же солнечная батарея мощностью 3,5 кВт, предназначенная для установки на крыше, стоит в Японии более 25 тыс. долл. (БИКИ, 18 июля 2009 г., с. 14).

б) насколько сильным окажется влияние мер государственной научно-технической политики, предпринимавшихся в течение ряда последних лет для укрепления инновационного потенциала Японии.

В обобщенном виде современные ресурсы инновационного развития классифицируются следующим образом:

- результаты национальных исследований и разработок, а также оригинальные идеи и изобретения;
- приобретенная за рубежом новейшая научно-техническая документация (патенты, лицензии, ноу-хау, программы и др.);
- высокопрофессиональный и активный научно-исследовательский, инженерный, производственный и управленческий персонал;
- высокотехнологичный производственный аппарат (средства автоматизации проектирования и производства, гибкие производственные комплексы, диагностические и контролирующие системы, прецизионные станки и др.);
- передовые методы и средства организации и управления на всех этапах инновационного процесса¹⁰.

Как видно из этого перечня, базовые ресурсы инновационного развития характеризуются довольно большой группой различных параметров, однако один из них обычно рассматривается в качестве основного и в самом первом приближении позволяет оценить инновационный потенциал в целом. Таким параметром, значения которого регулярно приводятся в официальной международной статистике, являются годовые объемы выполненных исследований и разработок в стоимостном выражении. Затраты на НИОКР позволяют оценивать уровень и динамику научно-технического развития, подсчитывать наукоемкость ВВП и отдельных отраслей, проводить межстрановые сравнения. Другой важной характеристикой служат данные о кадровом обеспечении НИОКР, в первую очередь, о численности исследователей и разработчиков.

Объемы финансирования и кадровое обеспечение НИОКР, строго говоря, характеризуют не инновационный, а научно-технический потенциал. Однако по ним можно судить и об инновационном потенциале, поскольку они позволяют оценить масштабы научных и инженерных проблем, которые могут быть решены благодаря его использованию. Естественно, что для более точных оценок необходимы дополнительные данные, в первую очередь о его качественных параметрах.

¹⁰ Более подробно параметры японских ресурсов инновационного развития рассматриваются в работах: Ю. Денисов. Ресурсы инновационного развития японской экономики. // «Японский калейдоскоп». М., 2006, с. 166–184; Денисов Ю. Д. Инновационные ресурсы России и Японии: сравнения и оценки. // «Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение». Сб. статей, т. 2. М., 2009, с. 124–131.

Непрерывное увеличение ежегодных объемов НИОКР долгое время являлось одной из устойчивых тенденций в послевоенной японской экономике. Кризисные явления начала 1990-х годов ненадолго нарушили ее – в 1992 фин. г. объем японских НИОКР почти не увеличился в сравнении с предыдущим годом, а в последующие два года он даже снижался. Рассматривая его дальнейшую динамику, несложно прийти к выводу, что на нынешний уровень финансирования НИОКР можно было выйти тремя годами раньше, если бы не упомянутые выше кризисные явления. По-видимому, близкую картину можно будет наблюдать и в связи с нынешним кризисом.

В наши дни исследования и разработки требуют очень крупных расходов. По данным ОЭСР, в 2007 г. они достигли: в США 369 млрд. долл., в странах ЕС, вместе взятых, – 263 млрд., в Японии – 148 млрд. долл., в Китае – 102 млрд. долл. (при пересчете по покупательной способности валют)¹¹. Видно, что суждения, которые строятся на определении «места», занимаемого той или иной страной в их общем ряду, приносят мало пользы, а чаще дезориентируют. Так, «второе место», занимаемое Японией по затратам на НИОКР, находится слишком далеко от «первого места», занимаемого США, чтобы считать эти две страны принадлежащими к одной «весовой категории» в области научно-технического развития.

По численности исследовательского персонала Япония также находится на достаточно удаленных позициях как от США и ЕС, так и от Китая: в 2007 г. в Японии было 710 тыс. исследователей, в США – 1426 тыс., в Китае – 1 423 тыс. и в ЕС – 1 360 тыс.¹²

Очень важным ресурсом инновационного развития является импорт зарубежных технологий. Он, как известно, сыграл ключевую роль в научно-техническом и экономическом развитии послевоенной Японии. Трудно назвать какой-либо вид продукции, широко распространенной на мировых рынках и определяющей современный жизненный уклад, который был бы разработан японцами. Тем не менее, именно японские фирмы заняли лидирующие позиции по выпуску таких изделий широкого потребления, как аудио-, видео- и фотоаппаратура, электротехнические изделия, электронные компоненты, оборудование для офисов. Высоким спросом на мировых рынках пользуется японское производственное оборудование (различные станки с ЧПУ и их узлы, промышленные роботы, контрольно-измерительные системы), медицинская техника, продукция автомобилестроения. В основе этих успехов лежит активное использование патентов, лицензий и ноу-хау, приобретенных за рубежом, главным образом, в США.

¹¹ Main Science and Technology Indicators. Paris: OECD, 1/2009, p. 24.

¹² Ibid., p. 18.

Однако и США, являющиеся мировым лидером научно-технического и промышленного развития, а также главным экспортером технологий, не могут обойтись без использования зарубежных достижений и в огромных объемах закупают новейшие зарубежные технологии. Так, в 2006 г. американский импорт технологий, хотя и был вдвое меньше их экспорта, составил тем не менее 35,5 млрд. долл. В Японии, по данным центрального банка страны, соответствующая цифра значительно меньше – 15,5 млрд. долл. Это свидетельствует о более широком включении американской промышленности в использование мировых достижений инженерного искусства, являющихся активными двигателями инновационного процесса¹³. Таким образом, и по объему ресурсов, обеспечивающих поступление в экономику нового знания из-за рубежа, Япония существенно уступает США.

Проводимые в Японии сравнения американских и японских позиций в области исследований и разработок на главных направлениях научно-технического прогресса показывают, что у японцев есть явно слабые места. Так, весьма заметно превосходство США над Японией в области фундаментальной науки. Прикладная наука и разработки у американцев также находятся на более высоком уровне. Японцы существенно отстают по всем главным направлениям в области живых систем, а также по большей части тематики, связанной с информатикой и электроникой. Исключение составляют лишь исследования и разработки по высокоплотному хранению информации. Весьма существенно отставание в работах по проблемам использования искусственного интеллекта.

На фоне Европы позиции Японии несколько более выигрышные. Так, фундаментальные исследования в области новых материалов и веществ, если оценивать их в целом, в Японии и ЕС находятся практически на одном уровне. Отставая от европейцев в разработке теоретических методов проектирования материалов, японцы добились более существенных результатов в управлении их кристаллической структурой и анализе ее влияния на свойства материалов. Что касается информатики и электроники, то здесь по большинству направлений впереди Япония. Вместе с тем, она заметно уступает ЕС в таких областях, как науки о жизни, Земля и Мировой океан, освоение космического пространства.

Можно отметить также невысокий уровень инновационного развития Японии в области ракетостроения (по сравнению с американским и европейским). Он обусловлен отсутствием в Японии соответствующих

¹³ Кагаку гидзюцу ёран (Статистический справочник по научно-технической деятельности). Токио, 2008, с. 238.

научных и инженерных школ. Слабо развито и авиастроение, технологии которого в немалой степени способствуют прогрессу ракетостроения. Бурное послевоенное развитие самолетостроения, реактивных двигателей, авиаприборостроения обошли Японию стороной, так как после окончания войны ее авиастроительные фирмы были расформированы, и до 1954 г. деятельность в области авиастроения в Японии была запрещена. К этому времени мировой авиационный рынок существенно изменил свой облик, так как началась эра реактивной авиации. Выйдя из «клуба авиационных держав», Япония так и не смогла в него вернуться и стала одним из крупнейших импортеров авиационной техники – как для пассажирских авиакомпаний, так и для вооруженных сил.

Из приведенных данных о базовых ресурсах инновационного развития видно, что ЕС также заметно мощнее Японии. К этому следует добавить высокий уровень интеграции европейских НИОКР, например, благодаря такому эффективному инструменту, как «Рамочные программы», объединяющие усилия ученых всех европейских государств.

Уклон в сторону разработки и производства продукции, принадлежащей к «средней» части технологического спектра, и сознательный отказ от развития уникальных, но чрезмерно сложных и потому связанных с большим риском направлений, особенно если они не обещали выхода на массовое производство, привели в итоге к тому, что японские разработчики начали отставать от фронта передовых технологий, полагаясь в основном на их импорт. Между тем, это привело к заметному ослаблению инновационных возможностей Японии.

Повторение лучшего из того, что сделано за рубежом, а затем его совершенствование на более современной основе с непременным требованием добиться от нового изделия значительно большей технической эффективности и лучших потребительских свойств обеспечило Японии мировой авторитет научно-технического лидера. Однако подобный подход означает лишь повторение сути зарубежных инноваций. Японцы, в сущности, сконцентрировали весь свой научно-технический потенциал на совершенствовании зарубежных технологий и приспособлении своего производственного аппарата к их массовой реализации. Несмотря на то, что «связанность» японских специалистов работами по оборонной тематике незначительна (эти работы составляют менее одного процента от общего объема национальных НИОКР), трудно назвать по-настоящему выдающиеся самостоятельные достижения японцев в области науки и техники, даже если взять весь послевоенный период.

В наши дни, когда Япония уделяет большое внимание реформам в экономике и социальной сфере, чрезвычайно актуальной становится определенная корректировка организации исследований и разработок. Одним из критериев уровня их организации является, в частности, обеспеченность исследователей и разработчиков вспомогательным персоналом – ассистентами, техниками и т. д. О серьезном дефиците такого персонала заявляется во многих обследованиях, причем, большинство опрошенных исследователей и разработчиков отмечают, что это мешает им продуктивно выполнять основную работу – замедляет ее, ограничивает область приложения усилий, затрудняет достижение поставленных целей¹⁴. Несомненно, все это также способствует тому, что дистанция между Японией и США как мировыми инноваторами не только не сокращается, но и увеличивается. А потому, если это положение не изменится, Японии в лучшем случае будет удаваться коммерциализация определенной части высокотехнологичных компонентов, работающих на новых принципах, но отнюдь не создание самих высокотехнологичных устройств. Последнее, безусловно, доступно только специалистам самой высокой квалификации, способным разрабатывать эти принципы и глубоко проникать во все их тонкости. Однако имеются свидетельства того, что восприятие японскими учеными новых научных результатов не отличается их глубоким теоретическим осмыслением.

Так, чтобы лучше оценить позиции японских ученых на наиболее актуальных направлениях современной науки, американская аналитическая компания РЭНД предложила группе специалистов охарактеризовать наиболее весомые японские результаты в области нанотехнологий за последние 5–10 лет, сравнить их с лучшими зарубежными достижениями, а также оценить тенденции в развитии японских научных центров и отметить их особенно значимые работы¹⁵.

Наиболее заметными оказались успехи Японии в области создания новых материалов, имеющих широкие перспективы применения. Была отмечена высокая оснащенность японских лабораторий современным оборудованием. Постоянно обнаруживалось стремление японских коллег искать и находить практическое применение каждому новому результату исследований. Большое впечатление производило их внимание к «мелочам», которые в значительной степени оказывались

¹⁴ В наши дни один ассистент приходится на 11 исследователей. За последние 20 лет число исследователей в Японии возросло в 1,4 раза. Точно в такой же степени уменьшилось число ассистентов. (Кагаку гидзюцу ёран. Токио, 2008, с. 120–121).

¹⁵ Science and Technology Research and Development Capacity in Japan. RAND Technical Report. Santa Monica-Arlington-Pittsburgh, 2004, p. 108–145.

ответственными за конечный результат. Вместе с тем, при общении с японскими учеными и инженерами обращала на себя внимание их преимущественная ориентация на совершенствование уже достаточно известных процессов, нежели на поиск принципиально новых подходов. Причем, нередко японские специалисты, отлично зная, каким образом можно получить необходимый конечный результат, не очень ясно представляли себе механизм ведущих к нему процессов. При объяснении сложных явлений они обычно использовали аналогии, не затрагивая сущности вопроса.

В плане постановки исследований отмечалось стремление избегать повышенного риска и не браться за работы, которые с большой степенью вероятности могут оказаться нерезультативными. Предпочтение отдавалось исследованиям в рамках уже апробированной тематики, особенно если были видны пути последующего практического использования результатов.

При сравнении уровня ведущих японских и американских ученых нельзя было отдать безусловное предпочтение американцам – в Японии также есть ученые весьма высокого класса. Однако таковых все же довольно мало, что особенно хорошо видно при сопоставлении их числа с численностью населения. Обратила на себя внимание и недостаточность вспомогательного персонала – высококвалифицированным японским специалистам приходилось выполнять много рутинной работы, в результате чего у них оставалось меньше времени на творческий процесс.

Естественно, возникает вопрос, каким образом Японии на протяжении нескольких послевоенных десятилетий все же удавалось быть мировым лидером в производстве широкой номенклатуры важнейших для повседневной жизни изделий. Ответ, по-видимому, прост: научно-технический потенциал США не только гораздо более мощный, чем японский, но и существенно превосходит возможности американского промышленного потенциала, а также ресурсы рабочей силы, которой располагает эта страна. Во множестве случаев американцам приходилось ограничиваться лишь разработкой новой конструкции и изготовлением ее базового варианта. Т. е. создавая и демонстрируя новую продукцию, они осваивали производством лишь часть достижений – сообразно объемам своих производственных и трудовых ресурсов, а оставшаяся их часть осваивалась за рубежом. Японии сопутствовал наибольший успех, поскольку ее прагматически настроенные технические специалисты обладали несомненным талантом к воспроизведению и усовершенствованию даже весьма сложной техники гражданского назначения. Кроме того, производственный аппарат японской промыш-

ленности поддерживался ими в постоянной готовности как к различным перенастройкам на новые технологии, так и к развертыванию крупномасштабного производства.

Находясь в состоянии постоянной готовности к самым серьезным изменениям в производственных технологиях, японские фирмы относительно быстро преодолели трудности 1970-х гг. (кризисные явления в экономике в сочетании с резким повышением цен на нефть). Ключом к их преодолению явился переход практически во всех отраслях на микроэлектронные и мехатронные технологии, внедрение новых материалов, автоматизация проектирования и производства, энергосбережение и др. В сущности, в 1970-е – 80-е гг. японская наука и техника, опираясь на крупнейшие зарубежные достижения, обеспечила радикальное обновление технологического базиса японской экономики, что в немалой степени помогло противостоять депрессии 1990-х гг.

В настоящее время производственный аппарат Японии находится на еще более высоком технологическом уровне. Правда, необходимо считаться с двумя обстоятельствами, заметно ослабляющими имевшие место в прошлом преимущества Японии. Во-первых, практически таким же, в технологическом плане, производственным аппаратом располагают теперь почти все индустриально развитые страны. Во-вторых, множество японских предприятий работает за пределами Японии – в Китае, Индонезии, Малайзии, Таиланде и др. Их продукция, а главное, сам производственный процесс строго контролируются, так что с точки зрения качества никаких проблем, как правило, не возникает. Кроме того, эти страны очень быстро осваивают передовые технологии и в скором времени станут конкурентами Японии и в высокотехнологичном промышленном секторе.

Таким образом, говорить о Японии как о лидере мирового инновационного процесса, происходящего в наши дни, не приходится. Если попытаться распространить суждение о многополюсности современного мира на научно-технологическое пространство, то Япония, пожалуй, является одним из такого рода полюсов, но зона его влияния невелика. Несомненным фактом является то, что нынешний процесс мирового интеллектуального и научно-технологического развития формируется благодаря достижениям ученых и инженеров, работающих в американских и западноевропейских лабораториях. Ресурсы инновационного развития Японии пока вполне позволяют ей успешно заполнить многие научно-технические и производственные «ниши», но роль флагмана в мире науки и технологий, к которой она примеривалась в 1980-е гг. и которую ей начали тогда приписывать, сегодня Японии не подходит.

Естественно, что обеспечение для страны устойчивых позиций в области науки и инноваций становится одной из задач государственной политики.

Так, в марте 2006 г. правительством Японии был утвержден очередной план научно-технического развития на период 2006 – 2010 гг. Объем государственных расходов на НИОКР на этот период был определен в размере 25 трлн. иен (при условии, что годовые темпы экономического роста будут составлять 3,1%)¹⁶.

Понятно, что из-за кризиса обеспечить такой уровень финансирования становится нереальным.

Что касается организационных принципов, отраженных в этом плане, то особо значимым представляется упор на повышение качества научных кадров. К числу важнейших отнесена задача по созданию в японском научном сообществе обстановки соревновательности и соперничества, формированию в нем новых, достаточно непривычных для японского менталитета правил, дающих преимущества ярким индивидуальностям. Предполагается, что эти неординарные личности будут не только вносить весомый вклад в науку, но и станут примером для многих других, пробудят энтузиазм в среде молодых ученых, и это уже в недалеком времени изменит лицо японской науки и ее продуктивность. К этому обязывает, между прочим, и один из пунктов предыдущего пятилетнего плана научно-технического развития, в соответствии с которым к 2050 г. мировой список Нобелевских лауреатов должен пополниться тридцатью японскими учеными¹⁷.

Всесторонний анализ проблем и перспектив инновационного развития Японии до 2025 г. был предпринят в правительственном документе «Инновации 25»¹⁸. Особое внимание обращалось на такие проблемы, как быстрое старение и уменьшение численности населения Японии, бурное развитие процессов глобализации и внедрения новых знаний и информации в жизнь общества, интенсификация факторов, нарушающих устойчивое развитие на планете (перенаселенность многих территорий, дефицит минеральных ресурсов, воды и продовольствия, климатические изменения, инфекционные болезни, террористические акты и т. д.). Для укрепления роли в общемировых процессах Япония стремится вносить свой вклад в решение указанных проблем, опираясь на масштабное использование множества новейших технологий. Это

¹⁶ На предыдущий пятилетний период предполагалось выделить 24 трлн. иен, но реально было выделено намного меньше – 17,1 трлн. иен. (См. White Paper on Science and Technology 2007. Tokyo, 2007, p. 314, 352).

¹⁷ White Paper on Science and Technology 2001. Tokyo, 2002, p. 344.

¹⁸ Innovation 25. Long-term Strategic Guideline. Tokyo, 2007, p. 97.

расширяет тематику японских исследований и разработок, но и требует дополнительных расходов на выполнение соответствующих НИОКР. Кроме того, как следует из данного документа, и успешное решение своих внутренних проблем, и весомая помощь отстающим в своем развитии странам могут быть осуществлены при условии, что японцы к 2025 г. станут ведущей инновационно-ориентированной нацией. Соответственно, это ставит новые задачи перед системой образования и подготовки кадров, требует усиления работы по популяризации и пропаганде научных достижений в обществе и др.

Для того, чтобы повысить готовность Японии к активному участию в решении проблем глобального характера, правительство, на основании рекомендаций Совета по научно-технической политике, утвердило Перечень технологий общенационального значения. В него вошли:

- космическая транспортная система;
- мониторинг земной поверхности и океанических глубин;
- технологии создания и эксплуатации реакторов-размножителей на быстрых нейтронах;
- сверхбыстрый суперкомпьютер нового поколения;
- рентгеновский лазер на свободных электронах¹⁹.

Правда, кризис внес определенные коррективы. Правительство Японии на некоторое время приостановило финансирование работ по созданию суперкомпьютера. Просьба министерства образования о выделении из государственного бюджета на 2010 фин.г. 26,7 млрд. иен для продолжения его разработки была отклонена из-за недостатка средств. Однако в конечном счете возобладало понимание того, что это может существенно ослабить позиции японских ученых, и правительство изыскало возможность профинансировать эти работы, выделив на них 22,78 млрд. долл.²⁰.

Как известно, ограниченность ресурсов, направляемых в инновационную сферу, требует особого внимания к выбору и обоснованию приоритетов. С этой целью в Японии еще в 1970-е гг. было принято решение регулярно, один раз в пять лет проводить экспертный анализ мировой научно-технологической проблематики на предмет выявления наиболее актуальных научных тем. Отобранные для углубленного анализа темы, число которых порой превышало 2 тыс., распределялись по рубрикам, соответствующим их научному содержанию, и далее обсуждались экспертами. В условиях нынешнего кризиса это было сочтено малоэффективным, далеким от практических целей. Предлагается в

¹⁹ White Paper on Science and Technology 2008. Tokyo, 2008, p. 176–179.

²⁰ ПРАЙМ-ТАСС 13 ноября и 16 декабря 2009 г.

дальнейшем привязывать списки обсуждаемых тем к другим рубрикам, а именно, к важнейшим социально-экономическим задачам. Это, разумеется, выведет за рамки приоритетов значительный слой научной тематики, интересной не столько для общества, сколько для самих ученых. Но в условиях кризиса это представляется вполне разумным.

Официальные приоритеты японских НИОКР подразделяются на две группы. В основную группу входят живые системы, информационные и коммуникационные технологии; экологические технологии, нанотехнологии и материалы. Вторая группа, которой также оказывается государственное содействие (хотя и не первоочередное), это – энергетика; технологии обрабатывающей промышленности, безопасность жизненного процесса; Земля, Мировой океан и космос. С 2006 г. приоритетное направление «технологии обрабатывающей промышленности» (*сэйдзо гидзюцу*) формулируется по-другому – «технологии монодзукури» (*монодзукури гидзюцу*). Из структуры этого слова (*моно* – вещь, *цукуру* – делать), отнюдь не следует, что *монодзукури* – это широкий спектр организационных и технических мер, направленных на создание, изготовление и распространение особо высококачественной продукции. Однако в действительности это так. За этим термином скрывается весь комплекс вопросов, связанных с производством – от подготовки и тренинга работников до укомплектования производств передовыми технологиями. В их число входят также все мероприятия, направленные на повышение качества, которые и прежде вносили решающий вклад в обеспечение особой привлекательности японской продукции²¹.

Как известно, определяющую роль в процессе производства инновационной продукции играет состояние производственного аппарата промышленности. Чтобы обеспечивать успешную коммерциализацию научно-технических достижений, он должен быть насыщен высокопроизводительным, высокоточным и надежным оборудованием, средствами гибкой автоматизации, контрольно-диагностическими системами. В принципиальном плане это означает, что должна быть радикально преобразована вся технологическая система производства и в первую очередь – технические принципы, на которых основываются различного рода воздействия на предмет труда, точнее – на все вещественные элементы производимой продукции.

В соответствии с технологиями *монодзукури* по-новому должна осуществляться и производственная реализация этих принципов –

²¹ «Kenshu», № 182, Summer, 2007, p. 4–7. Высококачественное изготовление (делание) продукции – такое толкование термина *монодзукури*, пожалуй, вполне отражает его реальный смысл.

преимущественно на основе гибкой автоматизации и обязательно при минимуме ручного труда. Для обеспечения высокого качества продукции необходимо самое активное использование систем контроля параметров технологического процесса во избежание их отклонений от заданных величин. Все эти составляющие присутствуют сегодня в новейших видах технологического оборудования. Именно благодаря тому, что реализующий указанные принципы производственный аппарат создан во всех индустриально развитых странах, последние могут уверенно осуществлять необходимые структурные преобразования в экономике и быстро осваивать выпуск самых сложных видов продукции.

И в Японии, и в высокоразвитых западных странах новейшие инженерные разработки быстро и беспрепятственно проходят через все производственные стадии, здесь над конструкторами не «нависают» такие факторы, имеющие место в странах-аутсайдерах, как несовершенство оборудования и технологий или дефицит высококачественных материалов, что заставляло бы отступать от оригинальных или даже уникальных инженерных решений в сторону их максимального упрощения. В этом главная причина того, что инновационная продукция, производимая на предприятиях лидеров мирового машиностроения и, в первую очередь, японских, обладает особенно высокой конкурентоспособностью.

К числу важнейших факторов, активно влияющих на инновационный процесс и также входящих в систему технологий *монодзукури*, относятся и применяемые организационно-управленческие методы. Причем, чем они совершеннее, тем более ощутим их вклад не только в организацию и управление, но и в культуру отношений между всеми участниками инновационного процесса, что и наблюдается в каждодневной японской практике. Изучению и распространению этих методов, особенно с применением современных информационных и коммуникационных технологий, в Японии, как известно, уделяется особое внимание.

То, что государство оказывает содействие развитию системы производственных технологий, находящихся в «зоне ответственности» бизнеса, не ново в японской практике и непосредственного отношения к антикризисным мерам не имеет. Однако это содействие, безусловно, служит одним из факторов, оказывающих долговременное положительное влияние на деловой климат в японской промышленной сфере.

Безусловно, конкуренция между японскими и зарубежными высокотехнологичными фирмами в условиях нынешнего кризиса значительно обострится. Поскольку научно-технический потенциал Японии существенно уступает американскому, а в сфере фундаментальных

исследований японские научные школы вообще несопоставимы ни с американскими, ни с большинством европейских, очевидно, что инновационную гонку в области наиболее высокотехнологичных НИОКР японцам выиграть не удастся. Вместе с тем, активно используя совершенство своего производственного аппарата и уникальную технологическую дисциплину, существующую на их предприятиях (в том числе и зарубежных), они, как и раньше, будут удерживать позиции технологического лидера, продукция которого будет определять мировые стандарты качества и надежности в том ее сегменте, который будет экономически выгоден японским производителям.

Учитывая эти реалии, следует признать, что «титул» научно-технического лидера сегодня могут заслуженно иметь только США. Вместе с тем, у Японии вполне достаточно оснований претендовать на ведущие позиции в группе мировых технологических лидеров, в которую помимо США входит и значительная часть западноевропейских стран.

Что касается влияния мирового кризиса на процессы, происходящие в экономической и инновационной сферах Японии, пожалуй, следует поставить его в зависимость от длительности острой фазы кризиса. В последнее время уже не наблюдается особо алармистских прогнозов, и отмечается все больше сигналов того, что кризис идет на спад. А поскольку между этапом НИОКР и этапом экономической реализации их результатов всегда имеется некоторый лаг (более одного года), то пока производство может вполне осваивать результаты НИОКР, завершенных в докризисный период, причем, их может хватить даже на несколько лет. Главная задача, которая сейчас стоит перед Японией, заключается в том, чтобы не допустить торможения и сбоя в системе «наука-техника-производство» и еще до окончания рецессии выйти на мировые рынки с инновациями, представляющими несомненную ценность для широкого потребителя.

Как видно из изложенного, еще до начала нынешнего кризиса сложилась ситуация, характеризующаяся рядом неблагоприятных для Японии факторов. Это и демографическая ситуация в стране, препятствующая наращиванию численности вспомогательных научных кадров (ассистентов), и не слишком активный, «созерцательный» характер научной деятельности японских специалистов, и не слишком большое стремление молодежи посвятить себя работе, связанной со сложными точными и техническими науками. Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые в Японии, превратить японцев в нацию инноваторов, создать здесь школы фундаментальной науки мирового класса, которые были бы столь же престижны, как и зарубежные, представляется сегодня нереальным.

Главное, что дает шанс этой стране на успех в инновационном развитии – это беспрецедентная отлаженность ее производственной системы, которая является не менее важным компонентом инновационной системы, чем первоклассные НИИ и лаборатории. Этот же фактор должен стать надежным и эффективным инструментом для выхода японской экономики из нынешней рецессии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И КУЛЬТУРА: УРОКИ ПРОШЛОГО И ПРОГНОЗЫ НА БУДУЩЕЕ

Сегодня в средствах массовой информации, на форумах в Интернете и в живых дискуссиях все чаще задается вопрос: как отразится современный глобальный кризис на состоянии мировой и национальных культур, и нужно ли пересматривать государственную политику в отношении поддержки культуры?

Некоторые деятели культуры не мыслят дальнейшего развития культуры без ее стабильной экономической основы. Другие же вообще отрицают прямые связи между искусством и экономической жизнью, считая, что по своему предназначению искусство затрагивает высшие сферы духовной жизни людей, не идущие ни в какое сравнение с материальными проблемами бытия. Но, как всегда, истина лежит где-то посередине.

В действительности, искусство и культуру трудно представить сегодня без экономической составляющей. И вместе с тем, вряд ли можно отрицать, что творческая деятельность – это всегда живой процесс, и потому его нельзя просчитать математически и только на основе экономических выводов с достоверностью предсказать, какие новые художественные формы и направления появятся в результате очередного финансового кризиса и прочих судьбоносных событий. При этом, конечно, трудно с абсолютной уверенностью прогнозировать дальнейший ход развития культуры, исходя только из исторического и культурного опыта прошлых эпох: он не обязательно должен повториться в той же форме. И, тем не менее, невозможно отрицать существование ряда объективных закономерностей, которые достаточно четко проявили себя в прошлом и позволяют делать определенные прогнозы на будущее.

Сегодня уже не требует доказательств тот факт, что культура и искусство всегда остро реагируют на всякого рода общественные потрясения и катаклизмы, будь то войны, экономические кризисы и т. д.

Примеров тому множество. Первая мировая война вызвала к жизни сюрреализм и другие авангардистские течения. Великая депрессия 1930-х годов в США сделала популярной во всем мире музыку бедных «черных кварталов» – джаз и блюз и т. д. Именно тогда зародилось расхожее суждение о том, что в эпоху экономических бедствий песни становятся грустными, фильмы – семейными, романы – пространными, люди – серьезными, а юбки модниц – длиннее.

Когда ведущие страны мира переживали структурный кризис 1968–1973 гг. этот период был отмечен не только перестройкой всей мировой экономической системы, но и качественными переменами в культуре и искусстве. Появились новые радикальные субкультуры, родился панк-рок, стал активно развиваться арт-рок, встал на ноги хэви метал. В те же годы в кинематографе произошел поворот от развлекательной героики и мелодраматизма к социальным сюжетам, подчеркивающим остроту общественных противоречий. Аналогичные процессы были отмечены в литературе и т. д.

Сегодня экономическая ситуация иная – аналогов ее не знает история, и характер ее иной – глобальный. Современный финансово-экономический кризис, охвативший за последний год все развитые индустриальные страны, стал серьезным вызовом нашего времени. Он поставил перед всем миром много новых общих острейших проблем, затрагивающих в первую очередь материальную сферу – экономику, финансы, социальную жизнь, но, конечно же, не обошел и область культуры, искусства, науки и т. д.

«Начавшийся глобальный кризис, – уверены специалисты российского Института глобализации и социальных движений, – приведет к существенным изменениям сознания людей и подтолкнет их на поиски не только экономических, политических, но и эстетических ответов на вопросы современного развития»¹.

Исходя из этого посыла, российские эксперты допускают даже, что нынешний мировой кризис породит новую культурную революцию в мире, имея в виду предстоящие громкие и радикальные трансформации в литературе, кинематографе и на эстраде. Они указывают также на то, что «глобальный экономический кризис приведет к радикальным переменам в искусстве по всему миру. На смену асоциальной массовой культуре придут новые направления, отвечающие неизбежным изменениям в общественной психологии»².

А футуролог Авраам Шмулевич в своей статье «Мировой экономический кризис и изменение типа цивилизации» идет еще дальше в

¹ Новые известия 22 апреля 2008 г.

² Там же.

своих прогнозах, аргументированно доказывая, что последствия кризиса могут быть более значимыми, чем экономические трудности той или иной страны. Речь, по его мнению, идет о «возможном перемещении всемирного центра капитала из одной географической точки мира в другую», имея в виду «возможную утрату США позиции ведущей финансовой силы мира». «Подобные процессы, – убежден Шмулевич, – происходили в истории неоднократно. И каждый раз это означало не просто финансовые изменения, но изменение типа экономики, которое сопровождалось изменениями культурной, религиозной и в целом цивилизационной парадигмы»³.

Сегодня подобные прогнозы пока еще звучат слишком смело, правда практически в каждом из них дается поправка на то, что подобные метаморфозы ждут культуру не в ближайший год, а по истечении 2 – 10 лет. И эта точка зрения находит своих сторонников во многих странах, в том числе и в Японии. Так, по признанию одного из лидеров японского поп-арта Мураками Такаси, «экономический кризис обязательно повлияет на современное искусство... Другое дело, что эффект от кризиса может наступить не сейчас, а через пару лет»⁴.

Президент Лиги кинопроизводителей Японии Отани Ёсинобу также уверен, что отголоски кризиса, по крайней мере, в области кинематографа, в полной мере проявят себя лишь после 2010 г.⁵ Таким образом, ни у кого сегодня не вызывает сомнений, что культура еще даст ответ на происходящие события в своих специфических формах, правда, скорее всего, с определенным лагом, поскольку разрушительные волны кризиса по обыкновению с некоторым опозданием докатываются до этой важнейшей области человеческого бытия.

Японские статистические справочники пока не предоставляют подробных финансовых отчетов за 2008–2009 гг. Однако нетрудно предположить, что в условиях постоянно набирающих остроту экономических проблем такой важный для Японии источник финансирования культуры и искусства, как материальная поддержка со стороны бизнеса в виде спонсорских взносов, благотворительной деятельности, выделения средств на рекламу и т. д. резко сокращается, если вообще не сведен до минимума.

В сфере государственной культурной политики также обозначились важные перемены, затрагивающие, в первую очередь, ее материальную основу. В соответствии с Планом перестройки и рационализации работы административных органов, принятым Кабинетом мини-

стров Японии в конце 2007 г., сегодня в условиях финансового кризиса осуществляется форсированный переход на новую систему финансирования культуры.

Достаточно симптоматично, что, несмотря на относительную стабильность бюджетного финансирования, о чем свидетельствует не только сохранение на прежнем уровне, но даже незначительное (на 0,3%) увеличение бюджета Управления по делам культуры на 2009 г. (102, 12 млрд. иен), структура его использования претерпевает существенные и далеко не позитивные изменения⁶. В частности, резко сокращаются статьи бюджета на подготовку молодых творческих кадров и т. д.

Не менее обеспокоена творческая общественность и другим нововведением – приостановкой действия государственных механизмов по дополнительной финансовой поддержке учреждений культуры национального значения, таких как Государственный театр (Токио), Государственный художественный музей (Токио), и др., которая прежде осуществлялась через специально созданные для этого фонды и другие общественные структуры. Речь идет о таких организациях, как «Общество по развитию искусства и культуры» (Гэйбунсин) и т. д.

На повестке дня – введение так называемого принципа «централизации» (*«итигэнка»*) в механизме государственной финансовой поддержки культуры. На практике это означает слияние двух источников государственной поддержки культурных объектов общенационального значения – прямого бюджетного финансирования и предоставления государственных дотаций через фонды и т. д. Прогнозируется, что эти преобразования приведут к резкому сокращению общей суммы средств, ассигнуемых государством на культуру.

Достаточно показательно, что в результате приостановки действия программ Общества по развитию искусства и культуры в сфере киноискусства, которая осуществлялась в стране с 1990 г. и выливалась в дополнительную ежегодную финансовую поддержку в размере 87 млн. 400 тыс. иен, отрасль потеряла почти 14% государственных ассигнований на свое развитие⁷.

И, тем не менее, хотя пока еще рано делать какие-либо выводы, но, похоже, что кинематограф сегодня по-прежнему остается самым успешным и самым стабильным с коммерческой точки зрения видом искусства. Достаточно сказать, что число кинотеатров в 2008 г. возросло на 138 по сравнению с предыдущим годом, а доходы от кинопроката в 2008 г. составили почти 195 млрд. иен. Хотя последний показатель снизился

³ Российская бизнес-газета, 6 мая 2008.

⁴ <http://artinvestment.ru/news>

⁵ <http://japanimate.com/Entry/730/>

⁶ Нихон кэйдзай. 23.02.2009.

⁷ Нихон кэйдзай 02.23.2009.

по сравнению с предыдущим годом на 1,8%, думается, что это вполне допустимое колебание в условиях мирового экономического кризиса⁸.

Важная тенденция наших дней – это постоянно растущий интерес японских кинозрителей к национальному кинематографу – явление, впервые обозначившееся в 2000 г. после долгих лет засилья американских фильмов. Сегодня отечественные ленты составляют 59,5% всего японского кинопроката против 40,5% иностранных фильмов, главным образом, американского производства⁹.

При этом надо принять во внимание, что лидеры кинопроката – это анимация и киноверсии любимых японцами теледрам. Самым кассовым (15,5 млрд. иен) в 2008 г. стала новая анимационная лента Миядзаки Хаяо «Поньо в клифе» о золотой рыбке, принцессе по имени Понью, мечтающей стать человеком, и о ее дружбе с пятилетним мальчиком¹⁰. А самым громким событием в мире японского кино в том же году явилось присуждение киноленте «Проводы» режиссера Такита Ёдзи «Оскара» за лучший иностранный фильм. Эту долгожданную награду широко и радостно обсуждали буквально повсюду – на телевидении, в прессе и даже в дружеских компаниях. Ведь до сих пор пока ни одному японскому режиссеру или актеру не удавалось достичь этой высшей планки кинематографического мастерства. И даже великому мастеру кино Куросава Акира посчастливилось стать лишь номинантом на получение этой престижной мировой награды.

Однако, хотя фильм Ё.Такита вышел в 2008 г., его нельзя отнести к последним работам японских кинематографистов, совпавшим по времени с началом кризисных потрясений в стране. Работа над этой лентой потребовала от всего съемочного коллектива около десяти лет насыщенных творческих поисков. И результат превзошел все ожидания. Десятки тысяч японцев поспешили своими глазами увидеть этот новый национальный киношедевр. Посещаемость кинотеатров в эти дни побилла все прежние рекорды. Только за неделю число зрителей превысило 500 тыс. человек¹¹. Это еще раз подтверждает тот очевидный факт, что в Японии финансовый кризис пока практически не коснулся кинопроката. Японцы по-прежнему активно ходят в кино.

Более того, в условиях, когда в силу сократившихся материальных возможностей теперь приходится выбирать между всеми возможными видами развлечений, японцы, особенно среднего и преклонного возраста, предпочитают именно самый привычный и проверенный года-

⁸ Там же.

⁹ <http://kyo1234567jp.blog.bbigo.jp>

¹⁰ Там же.

¹¹ www.okuribito.jp

ми – кино, что гарантированно избавит их от явного разочарования по поводу напрасно потраченного времени и денег.

И хотя количество зрителей в 2008 г. снизилось на 1,7%, составив 16,5 млн. человек, для кризисного периода это – вполне обнадеживающие цифры¹². Стараясь сохранить число поклонников киноискусства, ряд кинотеатров вводят в практику специальные скидки на билеты. Речь идет, например, о льготе в 200 иен (примерно 2 долл.) для такой категории, как «*хакэн сяин*» («откомандированные») – людей с низким уровнем достатка, ставших первыми жертвами кризиса. «*Хакэн сяин*» – это люди, как правило, попавшие под сокращение штатов. Они вынуждены теперь искать работу и даже возвращаться в некогда уволившую их компанию через посреднические структуры, выполняющие роль рекрута рабочей силы. Попасть на работу посредством подобного рода «откомандирования» означает ни что иное, как заранее согласиться с низкой заработной платой и другими жесткими условиями найма, устанавливаемыми по усмотрению работодателей. Но другой альтернативы устроиться на работу сегодня в Японии практически не существует.

Воздействие кризиса – это всегда эмоциональный всплеск, углубление социальных проблем, возрождение критических настроений и т. д. И связано это, в первую очередь, с многочисленными увольнениями, сокращением зарплаты и бонусных выплат и т. д., в результате чего покупательная способность населения, в том числе и в сфере культурной жизни и развлечений, очевидно, неизбежно снижается и не может идти в сравнение с докризисным периодом.

Вот почему в сегодняшней, пока еще слабо прогнозируемой, ситуации меняются культурные и духовные потребности людей, их настроения, эстетические оценки и просто жизненные интересы. Достаточно сказать о вновь вспыхнувшем большом интересе в определенных читательских кругах к японской пролетарской литературе 1930-х годов и к произведениям ее родоначальника – писателя-коммуниста Кобаяси Такидзи и другим. Совсем недавно трудно было даже предположить, что такие, казалось бы, навсегда канувшие в лету романы и повести этого писателя, как «Краболов» и другие вновь будут переиздаваться массовыми тиражами и найдут своего нового читателя. И причина тому – кризис. Оказавшись без четких ориентиров на будущее, люди вновь и вновь стараются вернуться к опыту прошлого и найти пути выхода из создавшегося социального тупика.

Может быть именно по этой же причине сегодня в Японии вновь популярен Ф. М. Достоевский с его философскими размышлениями о

¹² <http://koy1234567jp.blog.bbigo.jp>

вечных духовных ценностях и тайнах человеческого бытия, в частности и его роман «Братья Карамазовы», новое издание которого недавно увидело свет. При этом речь идет не о новом переводе в привычном понимании, а о новом сокращенном адаптированном переложении этого произведения на современный японский язык с ориентацией на современного читателя. Так, после достаточно продолжительного периода забвения русский классик в своем новом облике вновь стал властителем дум жителей этой страны.

В целом же с учетом сложившейся ситуации многие издатели больше внимания стали уделять не столько содержанию, сколько стоимости своей продукции, переориентировав свой бизнес на выпуск дешевых книг в бумажных переплетах без всяких полиграфических излишеств и т. д. В результате этого цены на этот до сих пор ходовой в Японии товар составляют примерно 1/3 от показателей последних 30 лет¹³. И сегодня покупка старых книг на развалах по цене в 100 иен уже никого не удивит.

За своего потребителя в конкурентную борьбу вступил в прошлом году и самый успешный и коммерчески прибыльный до последнего времени театральный коллектив «Сики», специализирующийся исключительно на постановке мюзиклов. Теперь его самый шумевший спектакль «Король-лев» можно увидеть за 1050 иен. Конечно, это – самые дешевые места категории «С», но за год до кризиса их цена достигала 9800 иен.

Сегодня цены снижают все – от учреждений культуры до супермаркетов под видом особых скидок и специальных акций. Основное требование к культурному продукту, достаточно четко определившееся за последний год, это – низкая цена и надежность выбора. Японский потребитель ориентируется, прежде всего, на старый и хорошо зарекомендовавший себя в прошлом ассортимент товаров культурной индустрии и демонстрирует практически полное игнорирование новых и неизвестных предложений на рынке.

При этом главное, что отличает нынешний подход от вчерашнего, это – стремление найти новые черты в хорошо забытом старом. В этой ситуации вновь заговорили о прежних «миллионниках» продаж музыкальных дисков и т. д. Ведь куда менее рискованно последовать вкусовым пристрастиям массового потребителя, чем делать свой собственный выбор в море неизвестной новой продукции.

Все эти факты и события можно почерпнуть по большей части из прессы, тщательно пролистав массу изданий, тогда как в реальной действительности по внешним признакам культурная жизнь в Японии

¹³ <http://www.odn/me.jp>

протекает, как и всегда, в своем размеренном и достаточно устоявшемся русле. Так же, как и прежде, телевидение после утренних новостных передач ежедневно продолжает развлекать домохозяйек достаточно однообразными теледрамами, навязчивым телешоппингом и весьма поднадоевшим всем приготовлением полезных для здоровья блюд, как будто забыв о существовании у населения серьезных материальных проблем. А по вечерам телеэфир, как и много лет назад, переходит в полное владение молоденьких телезвезд и новых поп-идолов с их неизменными специфическими шутками, бурным обсуждением светской хроники и демонстрацией новой стильной одежды. Китано Такэси по-прежнему в центре таких телевизионных «тусовок».

И, конечно же, на всех каналах – все та же непобедимая и вездесущая телереклама, которой, вопреки логике, на первый взгляд, вовсе не стало меньше. Как ни странно, но среди телеспонсоров сегодня по-прежнему можно встретить имена таких крупнейших корпораций, как, например, «Тоёта», ставшей одной из первых жертв экономического кризиса, и др.

Культурных развлечений в Токио сегодня, кажется, также не убавилось. Современные гигантские концертные залы («Будокан» и другие) переполнены зрителями, а календарь этого года нацеливает их на новые встречи с очередными иностранными знаменитостями. Страна с замиранием ждала прощальных мировых гастролов Майкла Джексона, намеченных на лето этого года, но так и не осуществившихся из-за неожиданной смерти певца. А вот приезд другой поп-звезды, его сестры Джанет Джексон, который должен был состояться в феврале, пришлось отложить на неопределенное время по достаточно веской причине – нет широкого спроса на ее концерты. Это еще раз наталкивает на мысль о том, что японцы стали более разборчивы и строги в выборе своих развлечений и, скорее всего, именно по финансовым соображениям.

Вот почему в фаворе классика. В театр Кабуки, как и прежде, не просто попасть, а на весеннюю выставку орхидей вновь выстаивались огромные очереди любителей прекрасного, несмотря на то, что стоимость билетов превышала почти в два раза среднюю входную плату в музеи. Лувр, Третьяковка, Эрмитаж, не изменяя годами сложившейся традиции, демонстрируют свои коллекции в лучших выставочных залах Токио.

Еще более громко заявляет о себе массовая культура, незаметно и планомерно отвоевавшая себе большую часть японского культурного пространства. В феврале с успехом и сенсациями прошла очередная Неделя моды, в рамках которой по традиции на огромной открытой

площадке в Ёёги была показана коллекция молодежной одежды «*Tokyo girls style*», еще раз подтвердившая огромный интерес в мире к работам японских модельеров.

Возможно, уловив именно этот новый и мощный культурный ресурс, японские средства массовой информации с неподдельным энтузиазмом «раскручивают» данную тематику. Достаточно сказать, что даже такой консервативный общенациональный полугосударственный канал как «Эн-Эйч-Кэй» вот уже в течение года по средам представляет свой новый проект под названием «*Токио кавайи*», посвященный последним событиям в сфере моды и молодежной культуры в целом.

Символ «*кавайи*» – миловидная кошечка с бантиком – «Hello, Kitty», так же как и различные игрушки и изделия с этим логотипом, число которых исчисляется тысячами, заполнили буквально все японское жизненное пространство. Около станции метро Харадзюку, центре молодежной моды, недавно открылся огромный специальный магазин «*Kitty land*» – настоящее царство Китти и других игрушек. Образ Китти преследует вас даже в электричках на линии «Кэйо», которые привезут вас в царство Китти – парк аттракционов «Санрио Пюрандо». А сама компания «Санрио», благодаря Китти и ее «друзьям» сделавшая себе мировое имя и огромный капитал, в 2009 г. громко отметила свой 60-летний юбилей. Китти – это своеобразный японский ответ американскому Микки Маусу, а значит и Диснею тоже.

Конечно, популярность Диснея трудно превзойти, но японцам, похоже, сегодня удалось и это. Подтверждение тому – победы японских аниматоров на международных киноконкурсах, включая, конечно, и сенсацию этого года – присуждение премии американской киноакадемии японскому режиссеру Като Кунио за его ленту «Дом из песка». Это уже второй японский «оскароносец» в области анимации после прославленного Миядзаки Хаяо, чей фильм «Унесенные призраками» совершил подлинный прорыв в истории мирового кино, завоевав право на равноценное участие лент этого жанра в международных кинофестивалях и конкурсах, в том числе и по линии американской киноакадемии.

Продвигая свое любимое дело, этот мэтр анимации не так давно открыл в живописном местечке Митака вблизи Токио свой музей «Дзибири бидзюцукан», ставший местом паломничества и детей, и взрослых. Учитывая огромное число желающих посетить это святилище японской анимации и стремясь хоть как-то упорядочить этот не уменьшающийся людской поток, японцы придумали интересный и достаточно эффективный способ предварительной продажи билетов с указанием числа и времени сеанса через терминал магазинов кругло-

суточной торговли «Lawson», который действует и по сегодняшний день. Число желающих побывать в этом фантастическом мире не убывает, несмотря на явное снижение платежеспособности населения.

Анимэ и манга главенствуют сегодня буквально повсюду, добравшись даже до мобильных телефонов, на дисплеях которых можно читать целые манга-сериалы, при этом за весьма символическую плату, а порой и просто бесплатно. Новый стремительно внедрившийся в японскую мобильную действительность жанр – это мобильный роман, который быстро завоевывает популярность вместе с мобильными стихами и другими литературными жанрами.

Даже в программах новостей на фоне информации об экономических событиях, как правило, мало утешительных, то и дело возникают оптимистичные сюжеты о резко возрастающем числе потребителей этой новой культурной контент-продукции, как, впрочем, и о других успехах японской манга-индустрии, участвующей в осуществлении многих совместных достаточно прибыльных проектах с Китаем, Кореей и другими странами, и не менее успешно продвигающейся на внутреннем рынке.

Это еще раз свидетельствует о том, что, несмотря на спад покупательной способности, потребность людей в развлечениях и приятном времяпрепровождении не исчезает, и они будут по-прежнему стремиться удовлетворить эти свои естественные запросы в меру своих изменившихся финансовых возможностей.

Достаточно прогуляться по Акибара – своеобразной Мекке поклонников манга, анимэ и компьютерных игр (так называемых «*отаку*»), чтобы убедиться в том, как трудно здесь определить границу между миром рисованных человечков и миром реальным. Среди бесконечной череды специализированных магазинчиков с разнообразной комикс-продукцией на прилавках, манга-кафе с яркими зазывающими постерами и других пристанищ «мангаманов» можно встретить огромный портрет теперь уже бывшего премьер-министра Японии Асо Таро – большого поклонника этого искусства, также выполненный в традициях японских комиксов.

И это не случайно, поскольку будучи еще на посту министра иностранных дел, Т. Асо стал самым последовательным пропагандистом этого популярного японского искусства в мире, сделав его одним из основных направлений японской культурной дипломатии. Он глубоко убежден, что японская манга-культура может «очистить» весь мир, судя по всему, даже в условиях кризиса.

6 апреля 2009 г. на презентации в японском пресс-клубе новой стратегии Японии в условиях современной эпохи, бывший японский

премьер открыто высказался за дальнейшее продвижение «мягкой силы»¹⁴ как одного из наиболее перспективных направлений развития страны в ближайшие годы. Но настоящая сенсация ждала японских налогоплательщиков впереди. Летом этого года было объявлено о выделении дополнительно 11,7 млрд. иен в бюджет Управления по делам культуры для создания Национального центра медиа-искусств, называемого также Музеем манга или Залом славы анимэ, что, естественно, вызвало самое острое обсуждение в политических, художественных и общественных кругах, расколов их на два неравных лагеря¹⁵.

Критики идеи, а их оказалось большинство, настаивали на недопустимости траты денежных средств в условиях и без того непростой экономической ситуации в стране и сравнивали саму идею с «порывом камикадзе»¹⁶. А сторонники приветствовали эту инициативу, рассматривая ее как способ сохранить лучшие образцы поп-культуры, которые могут быть частично утрачены под разрушительным воздействием нынешнего кризиса. Так, известная художница, создатель манга Матонака Матико не сомневается в своевременности выдвинутой инициативы, ибо, по ее мнению, состояние оригинальных старых манга-работ ухудшилось до такой степени, что без согласованных усилий по их сбору и должного сохранения в будущем люди не смогут изучать культуру японской манга»¹⁷.

Не менее удручающе, по мнению многих специалистов, дела обстоят и в анимэ-индустрии, основы которой, по их мнению, начинают постепенно разрушаться из-за нехватки средств на производственный процесс и оплату художников и аниматоров. «С прошлого года сокращается как количество выпускаемой продукции, так и бюджеты», – говорит продюсер студии «Gonzo» Такаги Дзюнъити. – Ранее Контракт на 30-минутный ТВ-эпизод стоил 18 млн. иен, тогда как сейчас – только 13 млн. иен». По его словам, в прошлом году более слабые компании начали выбывать из игры¹⁸. Согласно исследованию Японской ассоциации создателей анимации (JAniCA), аниматор в возрасте от 20 до 30 лет в среднем в год зарабатывает сегодня всего около 1,1 млн. иен. Отсюда – текучесть кадров на уровне 80–90%, явная нехватка молодых специалистов, что отчасти связано и с таким сравнительно новым явлением, как перенос непосредственно производственного

¹⁴ воздействие на мир с помощью цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности (<http://www.ru.emb-japan.go.jp>).

¹⁵ <http://news.leit.ru>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

процесса в другие страны с более дешевой рабочей силой и т. д. Все эти обстоятельства привели к такой ситуации, которую критики называют «опустошением» японской индустрии¹⁹. Правда далеко не все признают, что ситуация настолько плачевна. Так, например, аниматор-ветеран Ёсикадзу Ясухико, работавший еще над культовой лентой «Гандам», полагает, что «анимэ так же крепко, как и сорняк. Чиновники просто должны оставить его в покое. Я беспокоюсь, что наряду с предоставлением помощи правительство начнет диктовать и свои формы выражения»²⁰.

Трудно дать определенный ответ на вопрос, учитывали ли разработчики плана по созданию Национального центра медиа-искусств реальную ситуацию. Управление по делам культуры начало обсуждение этой идеи со специалистами только в июле прошлого года, и тогдашний премьер Т.Асо поступил достаточно неожиданно, когда поспешил включить вопрос о строительстве центра в свой рекордный по объему пакет экономических стимулов.

Оппозиционные партии сразу же обрушились на программу Т.Асо в ходе дебатов в парламенте, утверждая, что денежные средства должны быть разумно потрачены на социальное обеспечение и другие нужды. И некоторые аналитики даже прозорливо предвещали, что этот план будет подпитывать нападки оппозиционного лагеря на премьер-министра и его правящую коалицию в ходе выборов в нижнюю палату парламента. Однако специалисты из Ассоциации JAniCA решили своим авторитетом поддержать проект, полагая, что его реализация может привлечь внимание государства и общественности к проблемам, с которыми сталкивается сегодня мир манга и анимэ. А заодно Ассоциация внесла в правительство предложение превратить центр в учебное учреждение для подготовки профессионалов для анимэ-студий.

Со сменой политической власти в Японии этот острый общественный спор, кажется, потерял свою актуальность, а сама идея строительства Центра, по-видимому, канула в лету. И, тем не менее, широкие общественные дискуссии по поводу будущего японской комикс-индустрии показали, что этот вопрос – далеко не праздный, он касается настоящего и будущего современной японской культуры, а потому необычайно важен для всего японского общества.

Показательно, что, несмотря на столь резкие колебания государственного курса в этой сфере, в январе 2009 г. в разгар экономического кризиса в старейшем японском университете Мэйдзи был основан крупнейший в Японии НИИ манга и анимэ, призванный изучать и

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

широко пропагандировать эти достижения в мире. А 31 октября в стенах университета состоялось торжественное открытие Библиотеки манга, анимэ и компьютерных игр. Основу этой коллекции, состоящей из более чем 2 тыс. наименований, составил дар известного пропагандиста манга и анимэ Ёнэдзава Ёсихиро, недавно ушедшего из жизни. В витрине первого этажа этой удивительной библиотеки размещен макет будущего Международного центра манга – огромного современного здания из стекла и бетона, строительство которого предполагается завершить в 2014 г. Это уже не правительственный проект, а инициатива старейшего частного японского университета, да к тому же весьма масштабная и вполне реальная.

Перечисляя все эти факты, невольно задаешься вопросом, в чем причина такого огромного интереса в Японии к манга и анимэ, а также ко всякого рода продукции, на первой взгляд предназначенной исключительно для детей? Складывается даже впечатление, что чуть ли не все японцы, от мала до велика, сегодня впали в детство: повсюду, даже в метро, яркие плакаты с героями манга и анимэ, почти у каждого взрослого – брелки с забавными мягкими зверюшками, прикрепленные к сумкам, мобильным телефонам, галстуки и шарфики с милыми знакомыми мордочками и т. д.

Среди молодых незамужних женщин – повальное увлечение говорящей куклой «Примо Пьеро», с которой можно общаться буквально как с ребенком. Она становится полноправным членом семьи: для нее приобретают одежду, которая в огромном ассортименте представлена в магазинах, с ней фотографируются, берут с собой в путешествие и т. д. Причем, чем больше времени вы проводите с этим удивительным существом, тем больше слов эта кукла начинает произносить, активнее реагировать на ваше присутствие и даже петь несколько десятков различных песен.

Что это: просто игрушка или новый и сравнительно недорогой способ проведения досуга для одиноких людей, которых становится с каждым годом все больше и больше как в связи со стремительным старением общества, так и с заметным уменьшением числа браков и снижением рождаемости? Недаром таких кукол даже отправляют в дома для престарелых, чтобы хоть как-то скрасить их достаточно унылое пребывание там.

А молодые люди предпочитают свои игрушки заниматься собиранием коллекций недорогих пластиковых или резиновых фигурок персонажей популярных анимационных фильмов – так называемых «*ка-ракута фигия*» (от английского character's figure) и т. д. Дело дошло до того, что наиболее популярные фигурки стали продаваться даже в

продуктовых магазинах в наборе со сладостями. Причем шоколадки или конфеты в данном случае идут в нагрузку, а сами фигурки, стоимостью всего где-то 300 иен, являются главной приманкой для покупателя. Появилось даже новое словосочетание «*ато сёку гангу*», что в переводе означает «художественные съедобные игрушки».

Одним словом, прежде сдержанные и рассудительные японцы сегодня увлечены манга и анимэ и стремятся окружить себя всевозможными маленькими и приятными недорогими игрушками и рисованной продукцией, обладающими достаточно позитивным эмоциональным воздействием и создающими чувство душевного комфорта и успокоения.

«Если бы вы обратились к исследованию человеческого мозга, я уверен, вы обнаружили бы некий биологический механизм, заставляющий людей испытывать теплые чувства при виде ребенка, котенка или щенка», – заявляет художник Мураками Такаси. – Работа художника состоит в том, чтобы попытаться раскрыть этот механизм логическим путем»²¹. При этом, утверждает он, причину этого феномена следует искать, прежде всего, в экономической плоскости. «Западному сознанию, – поясняет Мураками, – свойственно абсолютизировать сферу экономики, и люди попадают под влияние этого стереотипа. Втягиваясь в систему экономических отношений, одни многое приобретают, другие многое теряют, причем последних значительно больше. И таким людям нужна надежда на лучшее будущее, надежда, которую дают им милые забавные вещи»²².

Сам Мураками прославился в мире, главным образом, благодаря успешной организации японских художественных выставок за рубежом – в США, Франции и других странах, поднявших престиж современного японского поп-искусства в мире, а заодно и стоимость его собственных работ на крупнейших международных аукционах. Поклонник современных манга и анимэ, большой любитель всякого рода перформансов и талантливый дизайнер, работающий с ведущими мировыми брендами, Мураками много рассуждает о своеобразии современного японского искусства и откровенно указывает на постепенно усиливающийся «инфантилизм» современной японской массовой культуры.

Придерживаясь достаточно критических взглядов и обвиняя современное японское общество в чрезмерной перенасыщенности материальными благами и иждивенческих и потребительских настроениях, он усматривает истоки этого явления не только в прежних экономических успехах Японии, но и в ее военном прошлом.

²¹ Ниппония, 2007, №40, с. 19.

²² Там же.

Поражение в войне и особенно трагедия атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, по его мнению, нанесли огромную духовную и эмоциональную травму общественному сознанию нации, которая передается из поколения в поколение буквально на генетическом уровне. Образ Годзиллы – этого всемирно известного мистического чудовища-мутанта, порожденного ощущением опасности ядерной катастрофы и ставшего героем почти тридцати художественных фильмов, явился ярким воплощением этих настроений.

Именно это болезненное восприятие реальности, по мнению Мураками, привело японцев к потере воли и уверенности в собственных силах. А последовавшая вслед за войной продолжительная американская оккупация страны, в течение которой американцы насильственно насаждали в Японии свои политические и экономические модели, окончательно лишила нацию возможности и стремления к самостоятельному принятию решений и выработала привычку подчиняться воле свыше.

Отсюда, согласно концепции Мураками, проистекает инфантилизм национального сознания японцев, а, значит, и всей современной японской культуры, который усугубляется по мере развития тех или иных кризисных явлений в жизни японского общества.

«Особенность японского анимэ состоит в том, что его герои почти всегда дети, – подтверждает эту идею Мураками известный создатель анимационных лент Такахата Исао. – Одна из причин этого кроется в том, что Япония потерпела поражение в войне, и мы потеряли чувство уверенности в себе. Кардинальным образом поменялась шкала ценностей довоенного и послевоенного времени. Мир взрослых видится лишенным какой-либо мечты, в то время как в детях в полной мере ощущается будущее. И создавать истории для детей, полные мечтаний и желаний, куда интереснее»²³.

Это – одна из точек зрения, бытующих сегодня в Японии. Другая часть аналитиков связывает этот своеобразный уход в мир детства в большей степени с увлечением японцев фантастическими сюжетами и предсказывает, что по мере усиления экономического кризиса фантастика станет едва ли не единственным духовным и эмоциональным прибежищем для многих обездоленных людей. Так было в Японии всегда: и в далекие времена средневековья, когда удивительные мистические истории «*кайдан*» о чудесах и сказочных перевоплощениях развлекали простых горожан. Так было и в первое послевоенное десятилетие, когда в условиях послевоенной разрухи и засилья американ-

ского кинопроката молодые японские аниматоры вынуждены были утверждать свое новое искусство.

Что они могли противопоставить тогда мощной киноимперии Диснея и его высокобюджетным и высокотехнологичным лентам? Только фантастику – новый мир, новую реальность, и это стало основной «идеологией» японского анимэ. Любопытно, что прославленный Микки-Маус также появился во время Великой депрессии. Уолт Дисней придумал своего маленького героя еще в 1928 г. Но именно в 1930-е годы он достиг апогея своей популярности. Знаменитый философ, психолог и психоаналитик Эрих Фромм в своей книге «Бегство от свободы» писал: «Ярким примером того, что огромная масса средних американцев постоянно живет в страхе, является популярный мультфильм про Микки-Мауса. Сюжет прост: кого-то маленького и беззащитного преследует нечто сильное и страшное. Зритель переживает все свои страхи и тревоги, свое чувство ничтожности и бессилия, но под конец получает долгожданное утешение: он может спастись и даже победить своего могущественного врага»²⁴. Невольно возникают ассоциации с современными настроениями в японском обществе и искусстве.

Какое влияние окажет нынешний мировой экономический кризис на японское художественное сознание, и как отреагирует на него современная культура в практической плоскости – этот вопрос приобретает с каждым днем все большую актуальность в Японии. Достаточно интересный и обоснованный прогноз на этот счет дает в своей статье, помещенной в японском издании журнала «Форбс», японский журналист Нисида Хидэхару. Он считает, что в условиях нынешнего тяжелейшего состояния японкой экономики такие отрасли культурной индустрии, как мода и производство товаров с так называемым культурным контентом – манга, анимэ, компьютерные игры, т. е. все то, что может передаваться на цифровых носителях и относится к разряду так называемой кибер-культуры, получит дальнейшее развитие и будет серьезным источником выживания японской экономики²⁵.

Это мнение практически совпадает с прогнозом российских экспертов, которые указывают на то, что мировой экономический кризис не заденет рынок онлайн-развлечений, а, возможно, даже будет способствовать его бурному развитию и обеспечит многим проектам заметный рост аудитории²⁶. Российские ученые предсказывают также, что новый этап экономического развития будет характеризоваться

²³ Yamaguchi Yumi. Cool Japan. The Exploding Japanese Contemporary Arts, Tokyo, 2005, p. 60.

²⁴ Комсомольская правда. 29.10.2009.

²⁵ Forbes/Japan March, 2009, p. 16.

²⁶ <http://www.businesspress.ru>

прорывом в индустриальных технологиях, приоритетностью квалифицированного труда и ускорением культурной интеграции планеты. Многие эксперты сходятся во мнении, что «хозяйственные перемены выведут на первый план в искусстве интеллект человека, а не его физическую силу или механические навыки, жажду общественных перемен и культурного прогресса. Новые эстетические принципы окажутся в большей мере интернационально и социально акцентированными. Гегемонию фэнтези сменит возрождение научной фантастики. Радикальные перемены произойдут в музыке, где откроются свежие направления, отражающие прогресс технологий и т. д.»²⁷.

Но пока все это – прогнозы на будущее. Чтобы судить об их реалистичности, полезно обратиться к не столь далекому японскому опыту 1990-х годов – периоду экономической стагнации, который принято называть «потерянным десятилетием». Что же было потеряно и что приобретено в эти годы?

Резко снизился показатель роста ВВП, который в среднем приближался в эти годы к 1,7%²⁸. Уровень безработицы поднялся с 2% до 5%. Быстрыми темпами происходило старение населения за счет снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Число жителей Японии в возрасте от 65 лет увеличилось за десятилетие 1990-х с 14,9 до 24,1 млн. человек. Экономика практически перешла в стадию стагнации, росла политическая нестабильность, быстрыми темпами шло расслоение населения, разрушалось сознание среднего класса²⁹. Ко всем этим испытаниям прибавились и другого рода общественные потрясения: землетрясение в Кобе, газовая атака в токийском метро боевиками Аум Синрикё и т. д.

И вместе с тем, в это время было и много позитивного. В 1990-е годы в Японии стал активно внедряться Интернет, сеть которого охватывала уже более 50% населения страны. Быстрыми темпами происходил переход страны на новые цифровые технологии и т. д. «Примечательно, что технологический прогресс и спад цен на IT-технику привели к тому, что ранее доступные только профессионалам сферы деятельности теперь стали подвластны даже неспециалистам. Будь то музыка или изобразительный ряд, с помощью компьютера и специальных программ стало реальным за письменным столом и за короткое время произвести ту огромную творческую работу, которая раньше выполнялась на больших студиях с большим штатом хорошо обученного персонала»³⁰.

²⁷ Российская бизнес-газета, 6 мая 2008 г.

²⁸ <http://www.mos-finances.ru>

²⁹ Yamaguchi Yumi. Cool Japan..., p. 87.

³⁰ Yamaguchi Yumi. Cool Japan..., p. 88.

Компьютерная сеть сократила расстояние между людьми. Электронная почта сделала возможным общение со всем миром: обмен научной и культурной информацией, обсуждение проблем, совместную творческую деятельность и т. д. В результате возникла тесная взаимосвязь между производителями и потребителями культурной продукции, стало возможным и их совместное участие в создании информационного или художественного продукта.

В эти годы наблюдалось зарождение и расцвет новой цифровой культуры. По компьютерной сети по всему миру получили широкое хождение японские манга, анимэ, компьютерные игры, музыка и т. д., которые сразу же не только приобрели своих поклонников во всех странах, но и дали мощный толчок развитию этих современных жанров японской поп-культуры.

В экономике развитых стран к этому времени возникла новая сфера – так называемый креативный сектор или креативная индустрия, которая охватывает сферу производства так называемых коммерческих культурных товаров и делает ставку на использование искусства и культуры в обеспечении технологических инноваций и экономического роста.

В 1990-х годах, когда японская экономика находилась в глубокой и продолжительной депрессии, число работников во всех отраслях креативной индустрии возросло на 16% – с 1,2 млн. в 1996 г. до 1,4 млн. человек в 2001 г., в то время как в других сферах наблюдалось снижение этого показателя на 4,3% – с 60,9 млн. до 58,3 млн. человек.

Вся креативная индустрия заработала в 1999 г. в целом 28 трлн. иен (280 млрд. долл.) против 15 трлн. иен (150 млрд. долл.) в 1989 г., показав прирост за 10 лет на 86%³¹.

В свою очередь, стагнация национальной экономики и сужение внутреннего рынка заставили представителей креативного сектора сконцентрировать основные усилия на продвижении своей продукции на мировой рынок. Экспорт продуктов культурной индустрии увеличился за 1996 – 2006 гг. более чем в 3 раза – с 837 млрд. иен (8 млрд. долл.) до 2,5 трлн. иен (25 млрд. долл.).

Для сравнения отметим, что за этот же период весь японский промышленный экспорт в целом вырос примерно на 68%, с 44,7 трлн. иен (447 млрд. долл.) до 75,2 трлн. иен (752 млрд. долл.) Таким образом, рост экспорта товаров культурной индустрии в значительной степени опережал расширение объемов общего экспорта³².

³¹ Цит. по Soft Power Superpowers. Cultural and National assets of Japan and the United States. Под редакцией Watanabe Yasushi and David L. McConnell. N.Y., London, 2008, p.130.

³² Там же p.141.

Одним из главных мировых хитов того времени стало анимэ «Покемоны», популярность которого особенно поднялась после показа ленты по американскому телевидению в 1998 г. Вслед за этим ее увидели по телевидению жители около 70 стран. Среди зрительской аудитории дети от 4 до 12 лет составили 40%. Вместе с вышедшим на следующий год американским киновариантом этого мультфильма «Покемоны» собрали 85 млн. долл. по всему миру. Всего в разных странах было продано около 4 тыс. наименований сопутствующей продукции на сумму 700 млрд. иен (7 млрд. долл.), 13 млрд. торговых карт с изображением забавных созданий – *покемонов*. При этом мировой потребительский рынок этой художественной продукции оценивается в 2 трлн. иен (20 млрд. долл.), а японский внутренний рынок – в 1 трлн. иен (10 млрд. долл.)³³. Похожие цифры приводятся и по другим популярным анимэ: «Дракон Болл», «Сейлор Мун» и др.

Как указывает Дуглас Макгрей в своей сенсационной для того времени статье «Japan's Gross National Cool», опубликованной в журнале «Foreign Policy» в 2002 г., «даже в условиях, когда экономика и политика переживали смутные времена, культурное влияние Японии в мире, напротив, резко возросло. Именно в течение 1990-х годов Япония превратилась в культурную супердержаву»³⁴.

Рассуждая о резко возросшей в эти годы культурной мощи Японии, Д. Макгрей, вводит в оборот свой знаменитый термин «*gross national cool*», который по аналогии с понятием «*gross national product*» – «валовой национальный продукт», можно перевести как «валовой национальный модный продукт» или, как переводят у нас, – «валовая национальная крутизна».

Известный политолог Джозеф Ной – автор концепции «мягкой силы», предложенной им в 1989 г., также подчеркивает, что, несмотря на стагнацию японской экономики в 1990-х годах, Япония в действительности усилила «свое глобальное культурное влияние в мире на пороге 21 века через распространение поп-культуры, включая анимацию («Покемоны»), видео-игры, в дополнение к традиционному искусству, дизайну и кухне»³⁵. Эти факты, по его мнению, дают достаточно оснований, чтобы судить о резком возрастании «мягкой силы» этой страны, ее мирового влияния через культуру.

В свою очередь, руководитель японского центра Стенфордского университета (США) Накамура Ития предлагает в развитие модной

³³ Там же, p.133.

³⁴ Foreign Policy, 2002 (May-June), p. 130.

³⁵ Nye, Joseph S., Jr. Soft Power The Means to Success in World Politics. Нью Йорк, 2004 г., p. 86.

терминологии еще два смежных понятия – «*gross national power*» («валовая национальная сила») и «*gross national pop-power*» («валовая национальная поп-сила»)»³⁶. Таковы были культурные итоги так называемого «потерянного десятилетия» 1990-х.

Повторит ли на сей раз Япония этот опыт? На этот вопрос пока нет точного ответа, хотя определенные предпосылки для нового прорыва Японии в области креативного сектора японской экономики признаются рядом исследователей, в том числе и видным японским ученым Сугиура Цутому. Размышляя об особенностях развития страны, он заостряет внимание на том, что, начиная с 1990-х годов Япония, как и ряд других развитых стран, переживает конструктивные сдвиги в экономической сфере. Вместе с активизирующейся экспансией капиталов за рубеж, свертыванием производства внутри страны, застоем промышленных и бурным развитием коммуникационных технологий и другими кардинальными преобразованиями Япония в те годы пережила процесс превращения в постиндустриальное общество, ориентированное на сферу услуг.

При этом, как полагает Сугиура Цутому, невозможно не принять во внимание такую важную особенность развития страны, как стремительное старение населения. Эти тенденции предполагают, в первую очередь, что японская экономика будет формироваться в большей степени за счет «человеческого фактора». В таком обществе источник экономической активности бизнеса следует искать скорее в талантливых людях, чем в финансах», – полагает Сугиура Цутому³⁷.

Далее, считает Сугиура, согласно законам функционирования системы массового производства и экономического развития приоритеты людей в повседневной жизни смещаются с материального благополучия, что доминировало в старой экономике, к поиску духовного удовлетворения. В индустриально развитых странах люди имеют достаточно товаров для удовлетворения своих повседневных нужд, и многие из них уже в большей степени вовлечены в своей трудовой деятельности в информационные процессы, нежели чем в материальное производство – сельское хозяйство или текстильную промышленность. Эту ситуацию можно оценить как приближение информационной экономики³⁸.

И, наконец, по мнению Сугиура, «на глобальном мировом рынке современных информационных технологий, где действует высокая конкуренция, преимущество всегда на стороне креативности и способности к инновациям». Согласно мнению японского ученого и других

³⁶ Yamaguchi Yumi. Cool Japan..., p. 127.

³⁷ Цит. по Soft Power Superpowers..., p. 129.

³⁸ Там же.

цитируемых им исследователей, «идея креативного сектора или креативной индустрии активно пробивает себе дорогу в течение последних 15 лет»³⁹.

В общем, исходя из опыта 1990-х годов, есть достаточно веские основания предположить, что Япония имеет реальные возможности в условиях современного экономического кризиса для дальнейшего роста производства и потребления товаров современного культурного контента и значительного увеличения доли этой продукции в общем объеме экспорта, а, значит, речь может идти о дальнейшем росте показателя «мягкой силы» этой страны.

³⁹ Там же.

Раздел третий

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ЯПОНИИ В ПЕРИОД ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Мировой финансово-экономический кризис имеет для Японии глубокие политические последствия. Необходимость выработки государственной стратегии выхода из «нештатной ситуации» ставит на повестку дня и вопрос о коренной трансформации политических институтов.

Общей тенденцией последнего десятилетия стало усиление роли профессиональных политиков в сфере государственного управления в целом и в процессе принятия стратегических решений, в частности. Во многом на постепенное вытеснение бюрократов с позиций главного субъекта государственной политики были направлены попытки административных реформ, проводившихся кабинетами Р.Хасимото в 1997–1998 гг. и Д.Коидзуми в 2002–2006 гг. Хотя реформы проводились непоследовательно и часто сопровождалась отступлениями от общей генеральной линии, значение политического звена в государственном управлении в целом существенно возросло. Посты министров, политических заместителей министров, политических советников и иные должности «политической номенклатуры» стали в действительности ключевыми с точки зрения формирования политического курса в отдельных областях управления. В то же время чиновники, даже из числа высших должностных лиц в государственном аппарате, очевидно, переходят на второстепенные, во многом вспомогательные, позиции.

Проблему противостояния политической и бюрократической компонент в системе государственного управления в новом ракурсе высветил приход к власти кабинета Ю.Хатояма в августе 2009 г. Находясь с момента своего рождения в системной оппозиции, Демократическая партия Японии (ДПЯ) не могла похвастаться прочными связями с правительственной бюрократией, какими обладала Либерально-демо-

кратическая партия (ЛДП), построившая «партийно-правительственную» систему принятия решений. Перед демократами встала дилемма: либо спешно налаживать собственную «смычку» с бюрократами, заранее соглашаясь на второстепенные позиции в структуре власти, либо создавать альтернативную систему выработки государственной стратегии. О том, что на вооружение был взят последний вариант, свидетельствует появление в структуре государственного управления нового ключевого органа – Агентства государственной стратегии.

Анализ первых шагов антикризисной политики кабинета Ю. Хатоямы свидетельствует о том, что важнейшее место в рамках этой политики занимают меры внешнеполитического характера. Это связано с целым рядом причин. В первую очередь следует отметить системную уязвимость японской экономики, связанную с ее зависимостью от внешних поставок ресурсов, которая, несмотря на постепенное ослабление, продолжает сохранять свое значение и в современных условиях. Кроме того, несмотря на все усилия повысить роль внутреннего потребления, Японии так и не удалось отойти от высокой степени зависимости от внешнеэкономических источников роста.

Имеет значение и то обстоятельство, что два из трех магистральных направлений долгосрочной антикризисной стратегии нового кабинета имеют явно выраженную ориентацию на внешний мир. Во-первых, это курс на построение так называемого «низкоуглеродного общества», предполагающий не только широкое внедрение энергосберегающих технологий внутри страны, но и их активную продажу за рубеж, а также позиционирование Японии как мирового «законодателя мод» в сфере энергетики. Во-вторых, это активное участие Японии в формирующейся системе восточноазиатской экономической интеграции, а также строительство прочных отношений с азиатскими соседями. Что же касается третьего направления антикризисной стратегии – использования новых экономических возможностей, связанных с постарением общества и формированием новой структуры потребления, ориентированной на старшие возрастные группы населения, то и оно имеет «внешнее» измерение: обретение Японией положения передовой страны мира в деле разработки и коммерческого применения новых технологий, удовлетворяющих запросы «стареющего общества».

С учетом важности внешнеполитической составляющей в стратегии Японии по выходу из кризиса большой интерес вызывает вопрос о внутренних факторах внешнеполитического процесса (далее ВПП). Какой вклад вносит каждая из его составляющих в общую картину? Как формируется внешнеполитический курс и как принимаются ключевые внешнеполитические решения в рамках правительства, а в его составе – отдельных ведомств и структурных подразделений? В чем

конкретно проявляется политическая компонента внешнеполитического процесса? Наконец, какую роль в процессе формирования внешней политики играет само японское общество в лице деловых кругов, экспертного сообщества или общественного мнения? Именно эти вопросы являются главным предметом рассмотрения в настоящей работе.

Нормативно-правовая основа внешнеполитического процесса

Согласно действующей конституции, сфера внешней политики является прерогативой кабинета министров, который, в свою очередь, несет ответственность перед парламентом. Важнейшими функциями парламента является обсуждение вопросов государственной политики, принятие государственного бюджета, ратификация международных договоров. В каждой из палат парламента – палате представителей и палате советников – имеется постоянная комиссия по международным делам, в задачу которой входит обсуждение законопроектов и вопросов внешней политики Японии. Для рассмотрения некоторых важных вопросов нередко создаются специальные (непостоянные) комиссии, работающие над отдельными внешнеполитическими проблемами (например, такая комиссия создавалась и в связи с международными аспектами возвращения Окинавы в 1971 году). На заседания парламента могут вызываться члены кабинета министров и государственные служащие любого ранга для дачи пояснений по вопросам внешней политики. Парламентарии активно используют свое право делать запросы и задавать вопросы министру иностранных дел и премьер-министру. Принимаемые в результате обсуждения итоговые документы докладываются на пленарном заседании соответствующей палаты, которая вправе принимать или не принимать резолюции или одобрять законопроекты.

Положениями Конституции определяется круг отдельных субъектов внешнеполитического процесса. Император выполняет в основном церемониальные функции, которые в той своей части, что затрагивает внешнеполитический процесс, включают в себя подтверждение верительных грамот послов и посланников, а также ратификационных грамот и других предусмотренных законом дипломатических документов; приём иностранных послов и посланников (ст. 7 Конституции).

Премьер-министр располагает большими конституционными и нормативными возможностями в сфере внешней политики. Являясь руководителем исполнительной власти, глава правительства должен выступать с периодическим отчетом по вопросам внешней политики перед высшим законодательным органом страны – парламентом, которому принадлежит решающее слово в вопросах, связанных со стратегическим планированием и реализацией внешней политики.

Основным советником премьер-министра по вопросам планирования и реализации внешней политики является министр иностранных дел. Именно на это должностное лицо налагаются основные обязательства по выработке и реализации внешней политики страны. Как и во многих странах с развитой парламентской демократией, министерство иностранных дел в Японии возглавляет профессиональный политик.

В Японии по сравнению с другими западными странами премьер-министр как глава исполнительной власти представляет собой относительно более слабую политическую фигуру. Помимо ограничений, налагаемых вестминстерской системой кабинетно-парламентской демократии (зависимость от расстановки сил в нижней палате парламента), премьер-министры Японии, как правило, стеснены в свободе рук в силу большей, чем во многих других странах, шаткости своих позиций внутри правящей партии, что объясняется длительным существованием специфической для Японии системы определения председателя партии путем консультаций между внутрипартийными фракциями (эта система в целом характерна и для Либерально-демократической партии и для Демократической партии). Поскольку положение премьер-министра гораздо более шатко, а смена кабинетов случается гораздо чаще, чем в других странах, главы правительств нечасто могут похвастаться собственным внешнеполитическим курсом, который бы ассоциировался с именем конкретного премьер-министра.

Как отмечал российский исследователь А. Н. Панов, «в послевоенной японской истории не так уж часто правительство возглавляли политики, ставившие серьезные цели перед японской дипломатией и добивавшиеся их реализации»¹. Таковыми были в послевоенный период лишь «сильные», то есть достаточно активно применяющие фактор личного руководства, премьер-министры: И. Хатояма, добившийся в середине 1950-х годов XX в. восстановления межгосударственных отношений с СССР, Э. Сато, в период администрации которого произошла передача Окинавы под суверенитет Японии, К. Танака, нормализовавший в 1972 г. отношения с КНР, Д. Коидзуми, прославившийся принятием антитеррористического законопроекта и отправкой в 2003 г. «сил самообороны» в Ирак, а также проведением в 2002 и 2004 гг. нескольких саммитов с руководством Северной Кореи и др.

Ряд глав правительств получили известность благодаря персонифицированным внешнеполитическим концепциям (Р. Хасимото – концепции «евразийской дипломатии», Д. Коидзуми – «доктрине Коидзуми»), которые не всегда последовательно воплощались в жизнь, но позволяли Токио обозначить некоторые внешнеполитические приоритеты.

¹ А. Н. Панов. Японская дипломатическая служба М. 1986., с. 103.

Следует отметить, что спектр возможностей главы правительства во внешнеполитической сфере может быть существенно расширен в результате реализации административной реформы, предполагающей передачу главе правительства больших прерогатив в вопросах выдвижения новых инициатив в сфере государственной политики.

Персонифицированное начало ВПП necessarily представлено главой кабинета министров. Субъектом крупных внешнеполитических инициатив, включая выдвижение внешнеполитических доктрин, нередко выступает министр иностранных дел, реже – министр экономики, торговли и промышленности. Например, с именем министра экономики, торговли и промышленности ассоциируется так называемая «доктрина Никай», предполагающая новое видение зоны свободной торговли в АТР.

Вместе с тем по сравнению с другими странами персонификация ВПП оказывается в Японии менее выраженной. Слабость «личностного элемента внешней политики» нередко связана с проблемами институционального характера, а именно – с недостаточной для подобных задач функциональной инфраструктурой. Лишь в начале 2000-х гг. в результате административной реформы 2001 г. у главы правительства появился аппарат специальных советников, призванных оказывать ему поддержку в деле подготовки политических инициатив. Впрочем, поскольку эти советники обычно являются выходцами из соответствующих министерств и ведомств, они чаще выражают узковедомственные интересы, ведомственный взгляд на проблему.

В Японии отсутствует специальная «концепция внешней политики» или иной документ, определяющий программные установки правительства во внешнеполитической сфере. Традиционно концептуальное видение внешнеполитических целей определяется премьер-министром страны в его программных выступлениях, которые, как правило, озвучиваются вскоре после формирования правительства. Большую известность получило программное выступление премьер-министра Р. Хасимото 24 июля 1997 г. перед представителями Японской федерации экономических организаций, в котором он обозначил основные идеи концепции «евразийской дипломатии». Другая внешнеполитическая концепция – «Стратегия дуги свободы и процветания» – была провозглашена в ряде выступлений министра иностранных дел Т. Асо в ноябре 2006 – мае 2007 гг.: в его выступлении по случаю 20-й годовщины основания Японского форума по международным отношениям 12 марта 2007 г., выступлении на семинаре Института международных проблем «Дуга свободы и процветания: расширяющиеся перед Японией внешнеполитические горизонты» 30 ноября 2006 г. Тексты базовых выступлений премьер-министров и министров иностранных дел

по внешней политике за прошедший год публикуются в «Голубой книге по дипломатии» и на сайте МИД Японии².

Роль правительства

Участие правительственных учреждений в ВПП происходит на основании отдельно принимаемых «законов об учреждениях». Центральным ведомством, реализующим политическую линию правительства во внешнеполитическом процессе и осуществляющим координацию внешнеполитической деятельности прочих министерств и ведомств, является министерство иностранных дел. Отдельные аспекты внешней политики входят в сферу компетенции и прочих учреждений правительства. Так, министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП) занимается такими вопросами, как тарифная политика, внешнеторговые связи, инвестиционная политика Японии за рубежом, а также участие страны в работе международных экономических организаций. За министерством финансов закреплены таможенная и тарифная политика, вопросы официальной помощи развитию и т. д. Министерство финансов страны осуществляет также надзор за международной деятельностью японских банков, курирует сферу отношений Японии с международными финансовыми институтами, включая МВФ, Мировой банк, совещание министров финансов стран «Большой семерки», ОЭСР и проч. Именно это министерство имеет решающий голос при рассмотрении вопросов, связанных с международной финансовой интеграцией, спогодашениями с восточноазиатскими странами, деятельностью Азиатского банка развития, в котором Япония играет ключевую роль.

Среди прочих министерств и ведомств следует выделить министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства (далее – министерство сельского хозяйства), ведающее вопросами импорта сельхозпродукции, сельскохозяйственных тарифов. В ведении министерства здравоохранения, труда и благосостояния находятся вопросы миграции иностранной рабочей силы, министерства обороны – координация политики в области безопасности с США, являющимися партнером Японии по военно-политическому союзу.

В ряде случаев, когда международное звучание приобретают некоторые сугубо внутренние вопросы, внешнеполитической проблематикой вынуждены заниматься и прочие министерства и ведомства. Характерным примером в этом отношении является вопрос об учебниках истории для средних школ, находящийся в сфере компетенции министерства образования и науки. Интерпретация в этих учебниках япон-

² <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/index.html>

ской оккупационной политики в странах Восточной Азии, как известно, стала в середине 2000-х гг. причиной существенного охлаждения отношений Японии с Китаем и Северной Кореей.

Особенность правительственной системы послевоенной Японии заключается в более сильном, чем в других странах, элементе межведомственной разобщенности, секционализме, внутриведомственном эгоизме, относительной слабости общего координирующего начала в лице кабинета министров и премьер-министра. Широко распространено представление о том, что ведомства преследуют собственные цели, которые не обязательно соответствует общенациональным интересам. Характерным примером является расхождение позиций ведомств по вопросам тарифной политики: если МИД и МЭТП выступают за снижение импортных пошлин (что является необходимым шагом в русле общего процесса либерализации мировых внешнеторговых связей), то министерство сельского хозяйства – за продолжение протекционистской политики в отношении национального рынка сельхозпродукции. Например, Р. Смит в своем исследовании показывает «интервенционистскую» роль этого министерства, которое не всегда исходило из понятия «национального интереса» или «патриотического долга»³.

При этом, хотя МИД страны формально выступает головным ведомством в вопросах внешней политики, роль отдельных ведомств при принятии ключевых решений может быть различной в зависимости от конкретного контекста. Так, в 1956 г. именно министерство сельского хозяйства, а не МИД, выступило движущей силой процесса восстановления дипотношений с СССР, что было связано в первую очередь с нерешенностью вопроса о заключении рыболовной конвенции, имевшего огромное значение для продовольственной безопасности страны. Это проявилось, в частности, в том, что предварительные переговоры с советской стороной вел не представитель внешнеполитического ведомства, а министр сельского хозяйства И. Коно. Что касается последнего десятилетия, то позиция министерства сельского хозяйства, выступающего против либерализации внутреннего рынка, нередко блокировала возможности японской стороны на переговорах по вопросу о заключении соглашений о зонах свободной торговли. В свою очередь, министерство здравоохранения «продавлиало» ограничения в соглашениях об экономическом партнерстве с Филиппинами, не допуская свободный импорт в Японию рабочей силы. Позиция указанных ведомств имела принципиальные расхождения с позицией МИД и МЭТП, которые проводят стратегическую линию на расширение форматов соглашений о свободной торговле и экономическом партнерстве.

³ Roger D. Smith. Food Security and International Fisheries Policy in Japan's Postwar Planning. // Social Science Japan Journal 2008 Vol. 11, No. 2, pp 259–276.

В целом эксперты сходятся на том, что межведомственные распри являются негативным фактором, снижающим эффективность работы правительства. С 2001 г. в рамках административной реформы проводится системное усиление роли канцелярии кабинета министров (*най-какуфу*), которая должна стать главным органом правительства в деле координации деятельности отдельных министерств и ведомств во всех сферах государственного управления, включая и внешнеполитическую.

Большое значение для понимания внешнеполитического процесса современной Японии имеет правильное представление о процедурно-институциональных характеристиках этого процесса. Речь идет об особенностях организационной структуры, кадровой политики, процесса принятия решений, определяемых спецификой национального характера, управленческой культуры, деловой этики и т. д.

Несмотря на существование ряда различий между отдельными ведомствами, имеются общие для всех базовые характеристики бюрократического процесса. Прежде всего, это касается кадровой системы бюрократии, которую характеризует элитарность, корпоративная солидарность, однородность, закрытость и кастовая замкнутость, слабый уровень «обратной связи» с обществом, относительная независимость статуса от политической ситуации. Во многом указанные черты не являются специфическими только для Японии и могут в той или иной степени быть обнаружены и в других странах. Однако именно в Японии формирование бюрократии как особого «сословия», возвышающегося над обществом, проявляется во всей своей полноте.

По мнению британского исследователя Г. Хука, к числу системных характеристик японской внешнеполитической бюрократии относится существование особых неформальных связей внутри управленческой элиты (*human networks*, по-японски *дзиммяку*), позволяющих достаточно быстро найти нужные контакты для решения нестандартных проблем. Эти связи не замыкаются только на работниках каких-либо отдельных ведомств, а охватывают широкий круг лиц, представляющих так называемую «железную триаду» — бюрократию, политический мир и деловые круги. Кроме того, одной из таких характеристик является наличие уз солидарности между выпускниками одного учебного заведения (*гакубацу*). Речь идет о специфическом для Японии «образовательном цензе» — традиции взращивания бюрократической элиты в ограниченном числе учебных заведений, и, прежде всего, на юридическом факультете Токийского государственного университета⁴.

Оценивая степень участия бюрократии в ВПП, следует заключить, что она весьма высока, что вытекает из особенностей системы государ-

ственного управления Японии, в которой бюрократическая компонента занимает центральное положение. Вместе с тем возможности бюрократии существенно ограничиваются внутриведомственными конфликтами, соперничеством между ведомствами, узковедомственным эгоизмом и секционализмом, порождающими перманентный конфликт интересов внутри самой бюрократии. Кроме того, следует учитывать, что независимость внешнеполитического и других ведомств от политиков носит относительный характер. Прежде всего, это определяется спецификой того или иного ведомства. К категории «политических», т. е. достаточно сильно инкорпорированных в «железную триаду» и имеющих сильные неформальные связи в политическом мире, в числе прочих относятся министерство финансов, а также министерство сельского хозяйства. Что касается МИД и, отчасти, МЭП, они не входят в состав «политических министерств» и потому слабо участвуют в процессах закулисного лоббирования, сопровождающего все стадии законодательного процесса⁵.

Во многом по этой причине МИД, ограниченный в своих возможностях политического «прикрытия» в парламенте, оказывается сильно уязвимым в отношении вмешательства политической власти. Особенно это проявилось в период кабинетов Д. Коидзуми, когда на министерский пост была назначена М. Танака, деятельность которой сильно дезорганизовала и даже отчасти парализовала работу этого ведомства. Вмешательство политиков нередко приводило к тому, что целые внешнеполитические направления оказывались лишенными всяких ориентиров, а МИД самоустранился от каких бы то ни было инициатив, довольствуясь техническим оформлением и реализацией уже принятых решений. Для примера можно привести японо-российские отношения, переживающие, по мнению многих экспертов, застой с того момента, когда в 2002 г. в связи со скандалами, связанными с вмешательством политиков в его дела, из МИД было изгнано несколько ведущих специалистов по России.

По сравнению со многими другими странами МИД Японии, по мнению некоторых экспертов, достаточно сильно ограничен в своих кадровых и финансово-организационных возможностях. Так, например, численность сотрудников МИД в 2006 г. составляла 5289 человек, что соответствовало примерно четверти числа работников внешнеполитического ведомства Великобритании и двум третям — США⁶.

Как и во многих странах с развитой парламентской демократией, министерство иностранных дел в Японии возглавляет профессиональный

⁵ Подробнее о так называемых «политических ведомствах» см.: Д. В. Стрельцов. Система государственного управления Японии в послевоенный период // М., МАКС Пресс, 2002, с. 198.

⁶ См.: Внешняя политика Японии. История и современность. М., 2008, с. 301; Japan's International Relations. Politics, Economics and Security. Ed. by G. Hook. Routledge, 2007, p. 49.

⁴ Japan's International Relations. Politics, Economics and Security. Ed. by G. Hook. Routledge, 2007, p. 48.

политик. (Согласно конституции, кабинет министров формируется преимущественно из числа депутатов парламента). В руководство МИД, как и прочих министерств, входят еще по несколько представителей депутатского корпуса, формирующих так называемую политическую номенклатуру. К этой категории относятся, в частности, парламентские заместители министра (*фукудайзин*) и политические советники министра (*дайзин сэймукан*). Первые могут замещать его в случае отсутствия в стране, реально участвуя в процессе принятия решений, вторые консультируют министра по внешнеполитическим вопросам и могут представлять его на заседании парламентских комиссий⁷. Как правило, в МИД эти посты занимают достаточно опытные политики из так называемого «клана внешней политики». Высшей ступенькой кадровой дипломатической службы является пост административного заместителя министра (*гайму дзикан*), обладатели которого в реальности осуществляют оперативное руководство министерством. Этот пост занимают наиболее опытные дипломаты, имеющие за своими плечами многолетнюю карьеру в МИД и хорошо понимающие тонкости ведомственного процесса принятия внешнеполитических решений.

Что касается вопросов внутренней структуры МИД страны, то для нее, как и во многих других странах, характерно разделение функций между географическими и функциональными подразделениями и департаментами. В структуре МИД имеется пять географических департаментов: департамент Северной Америки, департамент Азии и Океании, департамент Латинской Америки и стран Карибского бассейна, департамент Европы, департамент Ближнего Востока и Африки. К числу функциональных относятся департамент внешней политики, департамент экономических вопросов, департамент экономического сотрудничества, департамент международных правовых вопросов и консульский департамент. Кроме того, в министерстве имеются департамент информации и анализа, а также департамент разоружения, нераспространения ядерного оружия и науки⁸.

Наибольший вес и влияние среди географических департаментов имеют департамент Северной Америки, а также департамент Азии и Океании. Во многом это отражает распределение внешнеполитических приоритетов: традиционную ориентацию Японии на стратегический союз с Соединенными Штатами, а также усиление значения Китая в международной и региональной политике⁹.

⁷ См.: Внешняя политика Японии. История и современность. М., 2008, с. 302.

⁸ См.: <http://www.mofa.go.jp/about/hq/chart.html>

⁹ Japan's International Relations. Politics, Economics and Security. Ed. by G. Hook. Routledge, 2007, p. 48.

В условиях сильного внутриведомственного сепаратизма, предопределяемого соперничеством отдельных структурных единиц (департаментов), большое значение для целостности министерств и ведомств имеют «координирующие структуры». Их роль заключается в согласовании разноплановых интересов отдельных департаментов, обеспечении информацией, согласовании позиций и т. д. В МИД Японии подобными структурами являются секретариат министра, департамент международных правовых вопросов, служба информации и анализа, которая занимается сбором и обработкой данных по широкому кругу международных проблем, а также департамент экономического сотрудничества, курирующий вопросы экономического и научно-технического сотрудничества Японии с зарубежными странами и вопросы предоставления им помощи.

Японские исследователи Сирояма Хидэаки и Цубоути Дзюн отмечают, что характерной чертой структурной организации японского МИД является «чрезмерность» (*redundancy*) – термин, означающий большую по сравнению с другими ведомствами степень кадрово-организационной самостоятельности отдельных структурных подразделений, меньшую степень единоначалия, индивидуальный подход к принятию решений, связанный с многообразием и сложностью региональных и международных процессов. Кроме того, обращает на себя внимание относительная слабость координирующих подразделений, наблюдаемая в некоторых региональных департаментах. Особенно характерным примером в этом отношении является департамент Азии, где отделы Китая, Северо-Восточной Азии и стран АСЕАН пользуются большой самостоятельностью при принятии решений, а согласование позиций выражено относительно слабо¹⁰.

Неправительственная компонента: роль политических структур

Влияние неправительственной компоненты на внешнеполитический процесс проявляется в Японии через артикулирование позиций корпоративных интересов неправительственных акторов и их формальном и неформальном воздействии на правительство. В последнее десятилетие происходит некоторое смещение субъектной базы процесса внешнеполитического планирования и анализа в пользу неправительственной компоненты и, прежде всего, политических структур.

В целом данная тенденция соответствует общему вектору политического развития Японии последних пятнадцати лет, который направлен

¹⁰ См.: Тюо сётё-но сэйсаку кэйсэй катэй. Нихон какурё-но кайбо (Процесс формирования политики в министерствах и ведомствах: анатомия японской бюрократии). Токио, 1999, с. 253–259.

в сторону повышения значимости политических партий в деле выработки государственной политики. Усиление роли партий как субъектной базы политического процесса, составлявшее важнейшую цель политической реформы 1994 г., призвано обеспечить преодоление узком ведомственных и установление приоритета общенациональных интересов, добиться повышения открытости и транспарентности процесса принятия решений, что крайне важно в свете стоящих перед страной глобальных вызовов.

Указанная тенденция проявила себя в усилении роли органов политического планирования в рамках политических партий и так называемых «манифестов» – их предвыборных программ, выдвигаемых в ходе борьбы на парламентских выборах. Кроме того, объективно повышается значение персонифицированной внешней политики, проводимой от имени конкретных политических деятелей (глав правительства, министров иностранных дел и экономики, торговли и промышленности, лидеров оппозиционных партий). Часто инициативы этих деятелей выдвигаются ими не как носителями определенной должности в государственном аппарате, а именно как политическими деятелями, представляющими конкретную политическую партию.

Следует отметить, что в связи с деидеологизацией внешнеполитической сферы, произошедшей после краха «системы 1955 года», существенные отличия между всеми политическими партиями (за исключением КПЯ) по принципиальным международным вопросам утратили свою актуальность. Если до начала 1990-х гг. линия водораздела в идеологическом противостоянии между партиями правящего блока и оппозицией проходила именно по внешнеполитическим вопросам (ЛДП ориентировалась на союз с Америкой, оппозиция, главным образом в лице Социалистической партии Японии (СПЯ) – на страны социалистического блока), то с окончанием «холодной войны» политическое противостояние переместилось в область внутренней политики. Таким образом, деидеологизация политического процесса, явившаяся следствием становления постбиполярного мира, проявилась в том, что внешнеполитические вопросы утратили идейную подоплеку, позиции партий в целом нивелировались, а споры между ними утратили принципиальный характер.

Характерным примером является унификация позиций партий по вопросам обеспечения безопасности. В середине 1990-х гг. важность военно-политического союза с Америкой признали все партии, включая даже СПЯ, которая на протяжении десятилетий выступала в поддержку 9-й статьи Конституции и против «договора безопасности» с Соединенными Штатами. В случае СПЯ, помимо утраты идеологических ориентиров, сыграл свою роль и ее переход, хотя и на непродол-

жительное время, в лагерь правящей коалиции. Как отмечал японский исследователь А. Мияшита, «СПЯ придерживалась пацифизма в значительной степени по причине того, что в период холодной войны она находилась в постоянной оппозиции... Иными словами, степень приверженности пацифистским нормам определялась дистанцией партии от власти: чем больше дистанция, тем больше пацифизма могла себе позволить СПЯ»¹¹.

Что касается различий между основными политическими партиями, составляющими костяк формирующейся двухпартийной системы – Либерально-демократической и Демократической, то споры между ними по основным международным проблемам не имеют принципиального характера. Для примера можно привести различия в позициях по поводу отправки «сил самообороны» за рубеж. Обе партии признают легитимность участия японских военных в миротворческих операциях. Но ЛДП, в отличие от ДПЯ, не считает мандат ООН обязательным условием для принятия Японией на себя военных обязательств в рамках антитеррористической коалиции.

Проведению более умеренной, проооновской и пацифистской политики в области национальной безопасности объективно способствовала партия Комэйто, до недавнего времени неизменно входившая в коалицию с ЛДП. Вместе с тем по принципиальным вопросам безопасности, например, вопросам отправки «сил самообороны» за рубеж, ЛДП действовала без оглядки на позицию своего партнера по коалиции¹².

Особая роль в деле формирования внешнеполитической платформы ЛДП принадлежит секции внешней политики (*гайко букай*) Совета по политическим вопросам. Эта структура в период нахождения партии у власти выступала субъектом координации интересов и согласования позиций между правительством и предпринимательскими организациями. Аналогичные структурные подразделения (Совет по политическим вопросам и Международный департамент) имеются и в ДПЯ. Кроме того, в ЛДП нередко создавались рабочие исследовательские структуры с неформальным статусом для проведения ситуационных анализов и «мозговых атак» на возникающие проблемы. Их рекомендации в некоторых случаях учитывались органами политического планирования ЛДП, приводя к существенному изменению внешнеполитического курса. Например, влиятельная исследовательская группа внутри ЛДП выступила в начале 1990-х гг. с докладом, который сыграл

¹¹ Akitoshi Miyashita. Where do norms come from? Foundations of Japan's postwar pacifism // International Relations of the Asia-Pacific Volume 7 (2007), p. 115.

¹² Подробнее см.: Takashi Inoguchi and Paul Bacon. Japan's emerging role as a 'global ordinary power' // International Relations of the Asia-Pacific Volume 6 (2006), p. 13.

важную роль в деле отхода Японии от «дипломатии чековой книжки», которую она проводила в отношении участия в антииракской коалиции западных стран в 1990 г., в пользу более активной военно-политической позиции¹³.

Свое право голоса в принятии решений имеют и внутрипартийные фракции и группировки. Говоря о ЛДП, следует отметить, что они играли различную роль на разных исторических этапах, а их позиция оказывала влияние на ВПП в зависимости от роли и места фракции в партийном руководстве. Например, фракции так называемого «главного течения» ЛДП (в частности, Мики и Охира) чаще выступали с более прагматических и гибких позиций по военно-стратегическим вопросам, в то время как «побочное течение» в лице фракций Фукуда и Накасонэ было более жестким, близким к «ястребиному крылу».

Различные позиции отдельных фракционных лидеров могут вносить существенные коррективы во внешнеполитическую линию. Так, И. Хатояма вступил в середине 1950-х гг. в прямой конфликт с лидером фракции Ёсида по вопросу о восстановлении отношений с СССР и после ожесточенной борьбы одержал победу. Стоит отметить, что в последние годы по мере утраты фракциями своего значения в качестве базового структурообразующего элемента в кадрово-организационной системе ЛДП их воздействие на решение вопросов внешней политики ослабевает.

Фракционная составляющая присутствует и в политике Демократической партии, представляющей собой конгломерат выходцев из политических партий различной внешнеполитической ориентации, включая такие полярные по своей направленности партии, как СПЯ и ЛДП. Так, фракция Маэхара Сэйдзи (исследовательское общество Рёункай) известна своими правонационалистическими взглядами, группировка бывших членов умеренного крыла ЛДП, возглавляемая нынешним премьером Ю. Хатояма, занимает центристские позиции, а бывших социалистов во главе с Ёкомити Такахиро характеризуют левые и пацифистские взгляды. В результате внутри партии постоянно разгораются споры по основным международным проблемам¹⁴.

В связи с приходом к власти кабинета Демократической партии, возглавляемого Ю. Хатояма, внимание экспертов переключилось на особенности подготовки решений в рамках партийного аппарата ДПЯ. Произойдет ли существенная корректировка процесса ВПП в связи со сменой администрации, формированием двухпартийной системы?

¹³ Jonathan Rynhold. Japan's cautious new activism in the Middle East: a qualitative change or more of the same? // International Relations of the Asia-Pacific Volume 2 (2002), p. 251.

¹⁴ Подробнее см.: Weston S. Konishi The Democratic Party of Japan: Its Foreign Policy Position and Implications for U.S. Interests (http://assets.opencrs.com/rpts/R40758_20090812.pdf).

Пока ясно, что ДПЯ не имеет опыта, а также разветвленной и хорошо институализированной инфраструктуры для подготовки внешнеполитических решений. Сильна вероятность, что ДПЯ будет в большей, нежели ЛДП, степени полагаться на альтернативные бюрократии структуры политического планирования¹⁵.

Становление двухпартийной системы достаточно радикально меняет механизмы ВПП. В так называемом «перекрученном парламенте», где парламентское большинство в палате представителей и палате советников принадлежало разным партиям (как это было до выборов 30 августа 2009 г.), оппозиционная партия имела дополнительные процедурные возможности воздействия на законодательный процесс, связанные с правом верхней палаты, в случае расхождения ее мнения с мнением нижней, задерживать вступление в силу принятых нижней палатой законопроектов на срок до 60 дней. Правящей партии не удавалось, несмотря на все свои старания, провести через парламент законопроект об участии Японии в антитеррористической коалиции, позволявший «силам самообороны» на постоянной основе осуществлять дозаправку американских боевых кораблей в Индийском океане. Теперь же ДПЯ, сформировав коалиционное правительство и имея стабильное большинство в обеих палатах, чувствует себя гораздо более уверенно в реализации своей внешнеполитической программы. Вместе с тем многое будет зависеть от итогов выборов в палату советников летом 2010 года: если ЛДП удастся взять реванш, это приведет к повторению ситуации «перекрученного парламента», что не замедлит сказаться и на ВПП, который вновь станет менее предсказуемым. В этом случае позиция Японии будет в большей степени определяться итогами переговоров двух ведущих политических партий страны.

Неправительственная компонента: роль деловых кругов

Важным субъектом внешнеполитического процесса является бизнес-сообщество, составляющее одну из частей «железной триады». В Японии особый характер воздействия деловых кругов на ВПП обусловлен повышенным значением внешнеэкономических связей в международной деятельности правительства, которое определяется ограниченностью ресурсной базы японской экономики и экспортной ориентацией промышленности. С 1990-х гг. в связи с переходом Японии на постиндустриальную стадию развития и переноса японскими компаниями производств в зарубежные страны произошло смещение приоритетов внешнеэкономических связей, в которых внешнеторговые проблемы

¹⁵ Например, у ДПЯ имеется собственный «мозговой центр» – Институт по изучению публичной политики «Платон».

стали уступать место вопросам инвестиционной политики. Так, внешне-экономические связи со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, ставшими ключевыми реципиентами японских инвестиций, вышли на передний план и во внешнеполитической повестке дня двусторонних отношений. Например, вопросы правовых гарантий для японских инвесторов неизменно поднимаются в ходе политических контактов Японии с КНР, странами АСЕАН, Ближнего и Среднего Востока. Ярko выраженный политический характер всегда имели и вопросы тарифной политики, часто отравлявшие атмосферу двусторонних отношений Японии даже с ее геополитическими союзниками и, в первую очередь, США (достаточно вспомнить «текстильные войны», «автомобильные войны», недавний конфликт вокруг ввоза американской говядины и т. д.). Нередко официальная позиция на переговорах с ведущими внешнеторговыми партнерами подвергалась существенной корректировке с учетом интересов фермеров и рыбопромышленников, составляющих важную часть электоральной базы партий правящего блока.

Имеются хорошо налаженные и институализированные форматы участия деловых кругов в ВПП. Представители бизнеса, как правило, крупного, входят в состав и активно участвуют в работе различного рода консультативных комитетов (*сингикай* и *тёсакай*) и исследовательских структур, действующих как под эгидой премьер-министра, так и при отдельных министерствах и ведомствах. К числу таких структур, действующих при МИД Японии, относятся Консультативный совет по дипломатическим кадрам, а также Консультативный совет по международным обменам.

Механизмы воздействия деловых кругов на ВПП отличаются многообразием. Помимо упомянутых формализованных институтов, имеется также комплекс неформальных связей крупнейших компаний с ведущими политическими партиями, который включает в себя личные связи, а также подпитку компаниями политических фондов партий и отдельных депутатов. В свою очередь, депутаты парламента из числа членов «внешнеполитического клана» оказывают прямое давление на внешнеполитическую бюрократию, нередко заставляя ее модифицировать официальную позицию по той или иной деликатной проблеме, часто в угоду узкокорпоративным интересам и в противовес общенациональным. Наиболее характерный пример деятельности «групп по интересам» – позиция Японии по вопросам либерализации мировой торговли: если общенациональные интересы требуют максимальной либерализации режимов внешнеторгового регулирования, то узкокорпоративные – принятия различного рода изъятий и исключений, затрагивающих «чувствительные товары». В результате японская пози-

ция в международных экономических организациях становится непоследовательной и аморфной.

Иногда вмешательство политических брокеров в дела внешнеполитических ведомств принимает достаточно изощренный, а порой – и грубый характер, приводя к политическим потрясениям. Наиболее известный пример – «дело М. Судзуки». Влиятельный депутат ЛДП Судзуки Мунэо, выступая «агентом влияния» рыбопромышленного сообщества и деловых кругов Хоккайдо, заинтересованных в нормализации политических отношений с Россией, осуществлял в начале 2000-х гг. прямое вмешательство в процесс принятия решений в МИД страны на российском направлении. В конечном счете, это вмешательство стало причиной происшедшего в 2002 г. внутривнутриполитического скандала, который привел к отставке ряда высокопоставленных японских дипломатов и аресту самого М. Судзуки. В ходе скандала вышли на поверхность подробности коррупционных связей политика с деловыми кругами, в частности, система «откатов», получаемых им за лоббирование государственных заказов на строительство объектов инфраструктуры на островах Южно-Курильской гряды.

В качестве субъектной базы консолидации и артикулирования многоплановых и нередко противоречивых интересов деловых кругов во внешнеполитической сфере выступает ряд предпринимательских ассоциаций и иных экономических организаций, объединяющих в своих рядах корпоративный сектор самого разного уровня – от крупнейших корпораций до мелких и мельчайших предприятий. Наиболее крупными из них являются Японская Федерация экономических организаций (Ниппон Кэйданрэн), Торгово-промышленная палата (Ниссё), Ассоциация экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай). Лоббистская деятельность этих структур осуществляется путем представления правительству собственного видения стоящих перед страной внешнеполитических проблем и путей их решения, через личные контакты авторитетных бизнесменов с представителями зарубежных правительств, в форме участия совместно с правительственными органами в переговорах с зарубежными партнерами и т. д.¹⁶

В каждой из указанных предпринимательских структур имеется собственная институциональная база для сбора информации, обсуждения и подготовки решений во внешнеполитической сфере. Так, например, в Ниппон Кэйданрэн имеется два департамента (по международным делам и по международному сотрудничеству), в составе которых насчитывается более двух десятков профильных комитетов по

¹⁶ Подробнее см.: Япония: некоторые аспекты внешней политики на пороге XXI века. М., 2003, с. 27.

отдельным региональным и функциональным аспектам международных связей¹⁷. Кроме того, внешнеполитической проблематикой занимаются и созданные Ниппон Кэйданрэн «мозговые центры», например, Инициатива Японии (*Косо Нихон*).

Неправительственная компонента: экспертное сообщество и общественное мнение

Определенное воздействие на внешнеполитический процесс оказывает также экспертное сообщество. В Японии насчитывается несколько сот «мозговых центров», существенно различающихся по масштабам, юридическому статусу, степени влияния и кадрово-экспертному потенциалу. Некоторые из таких центров действуют непосредственно при премьер-министре, облегчая ему задачу выдвижения программных инициатив в тех сферах, где официальным структурам это оказывается не под силу. Нередко эти центры выступают с интересными аналитическими материалами и оценками, которые учитываются в работе официальными структурами, например, министерством иностранных дел. Так, множество материалов по внешнеполитической проблематике содержится в ежемесячном журнале «мозгового центра» NIRA – «NIRA сэйсаку кэнкю» («NIRA Policy Research»).

Вместе с тем возможности «мозговых центров» оказывать влияние на ВПП в Японии достаточно ограничены, особенно по сравнению с зарубежными странами. Как подчеркивал российский исследователь А. И. Сенаторов, «роль существующих центров, их влияние на формирование японской политики недостаточны, а их исследования не всегда носят самостоятельный, независимый характер, зачастую лоббируя частные интересы или вовсе оставаясь неустраиваемыми»¹⁸.

Все большее воздействие на внешнеполитический процесс оказывает в последнее время общественное мнение страны. Во многом это связано с усилением значения популизма как важного политического ресурса не только действующей власти, но и оппозиционного лагеря. Ослабление закулисного характера процесса принятия решений произошло после 2001 г., когда кандидат на пост председателя ЛДП Д. Коидзуми рискнул обратиться за поддержкой напрямую к партийным массам – шаг, совершенно нехарактерный для традиционной политической культуры Японии. Получив мандат из рук «народа», Д. Коидзуми активно использовал ресурс популистской политики и во внешнеполитической сфере, например, в отношении КНДР. Тема похищенных японских граждан активным образом раскручивалась для

повышения рейтинга администрации, имея в большей степени внутривополитическое, нежели международное звучание.

В Японии имеется достаточно мощная инфраструктурная исследовательская база по изучению общественного мнения по отдельным аспектам международной политики, позволяющая политическому руководству страны получать представление о внешнеполитическом сознании японцев и использовать полученную информацию в собственных имиджевых интересах. В числе субъектов социологических исследований – канцелярия премьер-министра и министерство иностранных дел, выступающие как заказчики опросов, и их исполнители – телеграфные агентства «Дзидзи цусин» и «Кёдо цусин», ряд крупнейших медиа-корпораций («Асахи», «Йомиури», «Майнити» и др.). Например, опросы агентства «Дзидзи цусин», проводимые на протяжении десятков лет с регулярностью раз в три месяца, позволяют с высокой степенью точности судить о флуктуациях японского общественного мнения по различным внешнеполитическим проблемам и вопросам отношений Японии с отдельными странами.

К числу системных особенностей внешнеполитического сознания, оказывающих свое влияние на ВПП, следует отнести пацифизм (сохранение уникального невоенного статуса страны), «азиатизм» (принадлежность Японии к восточноазиатскому культурно-цивилизационному ареалу), а также западное миссионерство – осознание Японией себя как члена западного сообщества и своей особой роли в Азии как носителя западной системы ценностей. Общим вектором развития внешнеполитического сознания последнего времени является смягчение пацифистской компоненты, связанное со сменой поколений и ослаблением памяти о тяготах военного времени, и одновременное усиление элементов «азиатизма» и «миссионерства». Отражением первой тенденции явился отход Японии от многих антивоенных положений (запрет на отправку вооруженных сил за рубеж, на экспорт вооружений и т. д.). С середины 80-х гг. прошлого столетия во внешнеполитическом сознании японцев произошло усиление националистической компоненты, отражающее тенденцию к активизации политической роли Японии в мире.

Формирование общественного мнения по внешнеполитическим вопросам является результатом действия целого комплекса культурологических, национально-психологических и иных факторов. Огромную роль здесь играет, безусловно, система гуманитарного образования и воспитания, формирующая мировоззренческие ориентиры японцев. Вместе с тем трудно переоценить и роль «четвертой власти» в формировании отношения японцев к определенным конкретным проблемам.

¹⁷ <http://www.keidanren.or.jp/english/profile/secretariat.pdf>

¹⁸ См.: Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXIII. М., 2007, с. 38.

Особенность воздействия СМИ на общественное мнение по внешнеполитическим вопросам заключается в том, что здесь масс-медиа являются главным и фактически монопольным источником информации (в отличие от проблем внутренней политики, где важную роль играет эмпирический опыт). Для примера можно привести отношение общественного мнения к проблеме так называемых «северных территорий», которое во многом сформировалось под воздействием многолетнего освещения этой проблемы в СМИ и которое определяет в целом негативное отношение японцев к России¹⁹. В то же время достаточно негативный образ Кореи сильно улучшился в глазах японцев в 2000-е гг. в результате демонстрации южнокорейского телесериала «Зимняя соната». Важную роль в формировании внешнеполитических взглядов также играют так называемые «лидеры общественного мнения», к числу которых относят известных экспертов по определенным внешнеполитическим вопросам, а также политических комментаторов из ведущих СМИ. Их комментарии, интерпретация ими международных событий задают определенную тональность в восприятии этих событий рядовыми гражданами.

Конечно, как и в любой другой демократической стране, в Японии механизмы экстраполяции общественного мнения в плоскость внешнеполитических решений носят опосредованный характер, проявляясь в ходе парламентских выборов в форме поддержки той или иной политической партии, использующей (или не использующей) внешнеполитические инициативы в своей политической платформе. В целом аналитики едины во мнении, что общественное мнение оказывает воздействие на ВПП, однако определить с аптекарской точностью степень этого влияния оказывается невозможным. Вероятно, типичным примером того, что общественное мнение учитывается официальным Токио, является вопрос о 9-й статье Конституции, запрещающей Японии иметь собственные вооруженные силы, а также официальная политика в отношении обладания ядерным оружием.

Вместе с тем следует признать, что внешнеполитическая проблематика в целом находится на периферийных, по сравнению с внутриполитической, позициях в политической повестке дня современной Японии. Данная тенденция отчетливо проявляется в постбиполярную эпоху, когда идеологические противоречия утратили свое значение в политической жизни. Более значимыми для Японии оказываются вопросы внутренней политики: проблемы социального обеспечения, образования, найма и т. д. Усилия правящей партии по апеллированию к общественности через внешнеполитическую повестку дня (вопросы

участия Японии в антитеррористической коалиции, отношения страны с Китаем и Южной Кореей, «договор безопасности» и т. д.), принятые в условиях сложной социально-экономической ситуации середины 2000-х гг., оказались малоэффективными и привели к сокрушительному поражению правящей партии на выборах в 2007 и 2009 гг.

В последние годы повышается роль «народной дипломатии», которая в некоторых случаях способна оказывать прямое воздействие на внешнеполитический процесс. Это особенно заметно на примере таких стран, как Тайвань, Ирак, Россия, Беларусь, некоторые страны Африки, в отношениях с которыми официальный Токио оказывается несколько связанным в своих действиях. Здесь усиливается значение неправительственных и некоммерческих организаций (НПО), например, действующих в гуманитарной или культурной сфере, которые позволяют улучшить имидж страны и облегчить в дальнейшем продвижение межгосударственных взаимоотношений. Например, гуманитарные организации, работающие в Ираке, во многом дополняли и развивали ту миссию, которую выполняли «силы самообороны», действовавшие в рамках миротворческого контингента. Наиболее сильно позиции НПО артикулированы в таких сферах, как вопросы ядерного оружия и ядерного разоружения, американских военных баз на японской территории, участия Японии в войнах и вооруженных конфликтах, вопросы экологии, «культурной дипломатии», двусторонних отношений с некоторыми странами (США, Китай, страны Западной Европы, Россия).

Некоторые выводы

Можно выделить целый ряд отличительных характеристик внешнеполитического процесса в современной Японии. Прежде всего, это относительно низкий уровень правовой регламентации. В Японии отсутствует базовый закон о внешней политике страны, который определял бы сферы ответственности отдельных акторов ВПП на различных его этапах. Что касается «законов об учреждении», на основе которых ведут свою деятельность отдельные звенья исполнительной власти (министерства и ведомства), то они носят достаточно общий характер, что переводит вопрос о нормативной регламентации ВПП в плоскость подзаконных актов. В результате в процессе подготовки и имплементации внешнеполитических решений в большей, чем во многих зарубежных странах, степени проявляется сильная роль бюрократической компоненты и слабость политического начала. Обращает на себя внимание не столько «смещенность» ВПП в сторону исполнительной власти,

¹⁹ Подробнее см.: Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004, с. 74–97.

сколько постоянное соперничество между отдельными ведомствами при относительной слабости общекоординирующей роли кабинета министров. В этой связи большую проблему для исследователя ВПП продолжает составлять его теневой характер, являющийся, впрочем, системной проблемой всей административной сферы Японии.

Вместе с тем в последние годы наблюдается рост значения политической компоненты ВПП. В связи с приходом к власти ДПЯ и ускорением процесса формирования двухпартийной системы старые методы взаимоотношений бюрократии и политиков находятся в процессе существенного переформатирования. Неясно пока, сможет ли ДПЯ найти оптимальную схему взаимодействия с внешнеполитической бюрократией. Вряд ли следует ожидать коренной реформы базовых схем внешнеполитического процесса, а также его субъектной основы. Вместе с тем, как было указано выше, роль альтернативных структур внешнеполитического планирования, вероятно, будет возрастать.

Важной особенностью ВПП Японии является приоритет внешнеэкономических интересов страны в ее международных связях, отражающий большую зависимость экономического роста от внешних факторов. Как уже отмечалось, эта зависимость, несмотря на все усилия переориентировать экономику на внутренний спрос, только усилилась. В результате во внешнеполитическом истеблишменте происходит явное усиление позиций «интернационалистов» и ослабление позиций партии «изоляционистов». Существенную роль в этом отношении играет также высокая зависимость Японии от внешних поставок сырьевых ресурсов, в условиях которой японская политическая и экономическая элита оказывается жизненно заинтересованной в установлении стабильной и безопасной международной среды. Вместе с тем по отдельным аспектам внешней политики, как было показано, в правящей партии наблюдается борьба соперничающих группировок, каждая из которых имеет собственное видение путей решения внешнеполитических проблем. В результате этого во внешнеполитическом курсе Японии, вероятно, в течение некоторого времени будут проявляться элементы неустойчивости, непоследовательности, а в некоторых случаях – и противоречивости.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ДВУХПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ

В условиях кризиса, захлестнувшего политическую и экономическую жизнь сегодняшней Японии, вопрос о необходимости эффективно действующей двухпартийной системы из плоскости теоретических изысканий перешел в сферу практической политики. Причин тому было достаточно. Во-первых, популярность кабинета Асо Таро начала падать уже через два месяца после его формирования осенью 2008 г. и к февралю 2009 г. опустилась до критической отметки в 14%¹. Во-вторых, наметилась перспектива раскола Либерально-демократической партии (ЛДП) и многие её депутаты опасались – как оказалось, совсем не напрасно – потерять свои мандаты на предстоящих выборах в палату представителей в результате сокращения поддержки со стороны избирателей. Третьей причиной стало продолжавшееся укрепление авторитета главной оппозиционной силы – Демократической партии Японии (ДПЯ).

Такое положение осложнило и даже отчасти нарушило полноценную деятельность правительства и парламента, верхняя палата которого контролировалась оппозицией с 2007 г. События на политической сцене менялись как в калейдоскопе. В мае 2009 г. отставка председателя ДПЯ Одзава Итиро из-за получения незаконных политических пожертвований его секретарем несколько подняла рейтинг популярности Т. Асо и его кабинета, но это уже не имело принципиального значения. Либерал-демократы стремительно теряли поддержку избирателей, внутри партии обострились разногласия по поводу проведения основного курса и даже встал вопрос об отставке Т. Асо с поста главы ЛДП. Демократы, несмотря на уход И. Одзава, бывшего движущей силой при подготовке партии к выборам, с избранием нового председателя Хатояма Юкио продолжали продвигаться к достижению поставленной цели. Однако успех превзошел все ожидания.

Под лозунгом «смена политического режима» (*сэйкэн котай*) ДПЯ одержала беспрецедентную в истории страны победу на выборах в

¹ Асахи. 10.02.2009.

палату представителей 30 августа 2009 г., получив 308 мандатов из 480. В прежнем составе этого ключевого органа законодательной власти она имела лишь 115 мест. Демократы совершили головокружительный рывок, фактически поменявшись местами с ЛДП в национальной политике. Либерал-демократы находились у власти с 1955 г., и созданная тогда система называлась «система 1955 года». Возможно, в будущем можно будет говорить о «системе 2009 года».

Действительно, результаты выборов были ошеломляющими. В-первых, оппозиционная партия впервые пришла к власти, получив большинство мандатов в нижней палате. Во-вторых, вообще впервые такое число мест принадлежит одной партии. В-третьих, поражение ЛДП, сохранившей чуть более трети прежних мандатов (119 из 300), стало настоящим разгромом. Некоторые партийные тяжеловесы, экс-министры и даже бывший премьер Кайфу Тосики, остались «за бортом» нового созыва. Многие влиятельные члены кабинета Т.Асо, включая министра финансов Ёсано Каору и министра по делам административной реформы Амари Акира, потерпели поражение в своих округах и прошли в парламент только по партийным спискам. В одномандатных округах либерал-демократы провели только 62 кандидата (демократы – 221), но еще более тревожным для ЛДП стал тот факт, что ее опытные и пожилые политики, казалось бы прочно «пустившие корни» на местах, уступили новичкам-демократам, в том числе женщинам. Председатель и генеральный секретарь Комэйто, младшего партнера ЛДП по правящей коалиции, также лишились мест в парламенте, проиграв в одномандатных округах и не включив себя в партийные списки по системе пропорционального голосования. Сама партия утратила более трети мандатов, сохранив в нижней палате 20 мест из прежних 31.

Результаты показали действенность избирательной системы 1994 г., согласно которой выборы проводятся по одномандатным округам и партийным спискам. Как известно, одной из важнейших задач новой системы было перенесение центра тяжести политической борьбы с личностей кандидатов на партии, поднятие их значимости и привлечение внимания избирателей к их программам. Реформа помогла создать действенную оппозицию, лишившую ЛДП многолетней монополии на власть. По оценке газеты «Асахи», последние выборы «впечатляюще продемонстрировали огромный потенциал одномандатной избирательной системы в плане осуществления тектонических сдвигов в национальном политическом ландшафте. Мощная волна народных ожиданий открыла новую главу в политической истории нации, возвещая смену власти»².

² Асахи. 01.09.2009.

Аналитик журнала «Economist» сделал вывод, что «электорат одним махом отверг не только одну партию, но и всю систему»³. При этом он отметил, что в существующих, несмотря на кризис, неплохих условиях в стране сложно увидеть принципиальную разницу во взглядах двух главных партий, тем более что оба их лидера – внуки премьер-министров. Однако в результате выборов ДПЯ отстранила ЛДП от власти, разрушив «систему 1955 года».

О том, что серьезные перемены уже произошли, свидетельствует, прежде всего, масштабы победы демократов и поражения их главных противников. В 1993 г. либерал-демократы впервые не получили большинства в палате представителей, но остались крупнейшей партией страны и вернулись к власти через 11 месяцев. Нынешнее положение ЛДП можно расценивать как кульминацию глубоких сдвигов в политической жизни, которые готовились не одно десятилетие. В данный момент «избиратели пошли за ДПЯ. Масштабная победа партии отражает надежды населения на реальные изменения в политике, вызванные их недовольством существующим положением»⁴. По оценке известного американского политолога Дж. Кёртиса, «выборы были своего рода актом политического протеста. Отторжение от ЛДП было намного сильнее скептицизма избирателей в отношении неопытной ДПЯ, забывших даже, что она представляет собой конгломерат нескольких прежних партий – от консервативных до социалистических»⁵.

Полученный результат позволял демократам сформировать однопартийный кабинет. Однако новое правительство стало коалиционным, поскольку это обеспечило ДПЯ большинство и в палате советников. Для гладкого прохождения законопроектов демократам нужна поддержка младших партнеров. Посты в новом правительстве получили лидеры Социал-демократической партии Японии (СДПЯ, 9 мандатов) Фукусима Мидзухо и Новой народной партии (ННП, 3 мандата) Камэи Сидзука, с которыми ДПЯ заключила предвыборный альянс. Таким образом, осуществилось давно зревшее в обществе стремление отстранить ЛДП от власти и создать партию, которая сможет ее заменить. Теперь главное, чтобы ДПЯ смогла удержать власть.

Вопрос в том, каковы будут последствия этого знаменательного события и можно ли говорить о том, что полноценная и эффективная двухпартийная система уже создана и работает. В ее поддержку высказался руководитель ведущей организации деловых кругов страны –

³ Economist. com http://www.printedition/displaystory.cfm?story_id=...

⁴ Асахи. 01.09.2009.

⁵ http://www.economist.com/printedition/displaystory.cfm?story_id=...

президент Японской федерации экономических организаций (Ниппон Кэйданрэн) Митарай Фудзиро. Результаты выборов в палату представителей он назвал историческим событием: «Мы достигли эпохи, когда впервые в послевоенный период стала возможна реальная передача власти»⁶.

Вопрос о формировании в Японии двухпартийной системы имеет давнюю историю. Он обсуждался еще в период становления демократии в первые послевоенные годы. Главные достижения демократии, связанные в Европе с социал-демократической моделью развития, в Японии явились результатом важнейших реформ, которые позволили ей быстро и успешно сблизиться со странами Запада. Происходила быстрая замена старых социально-экономических и политических структур новыми, демократическими. Этот процесс сопровождался стремительным усвоением достижений западных стран и обеспечивался консолидированными усилиями в экономике и политике. На таком фоне, как бы вступая в противоречие с объективным ходом развития, в стране сложилась политическая система, абсолютно не похожая на действующие в Европе или в США.

В первое послевоенное десятилетие, казалось, должны были сложиться реальные условия для установления в стране двухпартийной политической системы классического европейского образца: попеременная смена власти консервативной и социал-демократической партий. Однако сразу же, за исключением кратковременного пребывания у власти с мая 1947 г. по февраль 1948 г. и с марта по октябрь того же года коалиционных правительств социалиста Катаяма Тэцу и демократа Асида Хитоси, власть возглавили консерваторы, которые беспрерывно удерживали ее до начала 1990-х годов. С момента своего создания в 1955 г. в результате слияния Либеральной и Демократической партий ЛДП единолично формировала кабинеты до 1993 г. Преодолев формальную потерю власти в этом году – фактически она осталась в руках тех же консерваторов, недавно покинувших ряды ЛДП, – партия вновь овладела ею спустя одиннадцать месяцев. Но это не было возвратом к прежнему положению вещей. Теперь, не располагая устойчивым большинством в палате представителей, ЛДП была вынуждена действовать с оглядкой на многочисленную, но разнородную и разобщенную оппозицию.

Серьезные перемены во внутренней ситуации, диверсификация элиты, разнообразие политических пристрастий населения, повышение интереса к опыту западноевропейских стран свидетельствовали о намерении Японии не только сделать свой политический потенциал

⁶ Киодо цусин. 31 августа 2009.

на мировой арене равным экономическому, но и искать пути обновления внутри страны.

Таким путем явилось, прежде всего, изменение существующей системы, которое выдвинулось в попеременном пребывании у власти двух крупных партий. Однако в стране действовал феномен доминантной партии⁷, который не наблюдается ни в одной развитой демократической державе. Это выделяло Японию из их числа и заставляло относиться к ней как к некоей аномалии. Но все встает на свои места, если помнить о том, что это страна с неевропейской политической традицией, избравшая путь демократии. Примерно таким же путем в своем политическом развитии идут и другие азиатские страны ареала конфуцианской культуры.

Существовавшая до середины 1990-х годов избирательная система обеспечивала ЛДП необходимое число голосов для создания однопартийного правительства. Каждая страна формирует такую систему, которая в наибольшей степени соответствует уровню развития демократии в ней в тот или иной период. До 1994 г. в Японии действовал весьма специфический вариант средних избирательных округов – разновидность мажоритарной системы или так называемая многомандатная система относительного большинства, когда от каждого округа избирается несколько депутатов.

Такой вариант был данью традиционной политической культуре и избирательной практике довоенных лет, когда у власти сменялись две мало отличавшиеся друг от друга политические партии. Избирательный закон 1925 г. гарантировал каждой из них хотя бы одно-два места во всех без исключения округах. Это был компромисс между соперничающими партиями, старавшимися не допустить чрезмерного усиления друг друга и потери получаемых голосов. Распределение мест в парламенте при многомандатной системе относительного большинства не соответствует действительному соотношению сил и обеспечивает завышение парламентского представительства крупных партий, что способствует появлению большого числа «пропадавших» голосов, особенно у тех партий, чья доля электората в избирательном корпусе невелика. Это ведет к неравенству веса голосов, что явно противоречит демократическим принципам⁸.

Тем не менее, система средних избирательных округов в принципе обеспечивала многопартийность представительных органов власти,

⁷ См.: Э. В. Молодякова. ЛДП-доминантная партия в условиях демократии // Япония: свет и тени, М., 2008, с. 160–178.

⁸ Подробнее см. Молодякова Э. В. Избирательная система Японии. – Японский опыт для российских реформ. М., 1998, вып. 3, с. 45–54.

поэтому она была закреплена в законе «О выборах общественных должностных лиц» (1950). Правда, уже в 1954 г. правительство выступило с предложением о введении одномандатных избирательных округов и создании двухпартийной системы по образцу Великобритании. Стоит напомнить, что, начиная с 1920-х годов, японские политики считали для себя образцом вестминстерскую двухпартийную систему, в которой действуют две массовые, хорошо структурированные партии различной политической ориентации, со своей социальной базой, с преданностью электората в большей степени партиям, чем конкретным кандидатам. Но в довоенной Японии, особенно в условиях авторитарного режима, подобная модель не могла быть реализована. В 1990-е годы при проведении новой реформы политической системы партийные лидеры вспомнили о ней.

В первые послевоенные годы социалисты в принципе поддерживали предложение консерваторов, полагая, что они смогут претендовать на создание альтернативного кабинета. Однако, как отчетливо показали парламентские выборы 1955 г. (левая и правая социалистические партии получили вместе меньше мандатов, чем консервативная Демократическая партия), даже иллюзорная надежда на создание коалиционного правительства под их эгидой стала невозможной. В этих условиях, опасаясь, что изменение прежней системы средних избирательных округов даст преимущество консерваторам и обеспечит им стабильные две трети мест в парламенте, необходимых для пересмотра Конституции, социалисты изменили свою точку зрения⁹.

В созданной в 1955 г. политической структуре на одном полюсе сосредоточились все консервативные силы в лице ЛДП, на другом – все социал-демократические в лице Социалистической партии Японии (СПЯ, ныне СДПЯ). Объединение консервативных сил диктовалось потребностями строительства мощной экономики. ЛДП создавалась как парламентская партия, цель которой – завоевать и удержать власть.

Объединяясь в единую партию, левые и правые социалисты, несмотря на серьезные расхождения по принципиальным вопросам, преследовали вполне прагматическую цель сплочения сил. ЛДП и СПЯ придерживались разных взглядов и были приверженцами разных ценностей, что в общем соответствовало тогдашнему делению общества на два лагеря – консервативный и прогрессивный.

После создания биполярной структуры в стране, казалось, появились предпосылки двухпартийной системы европейского образца. В частности, на выборах в палату представителей в 1958 г. СПЯ получила 166 мандатов (35,5% общего числа), а ЛДП – 287 (61,5%). В глазах

избирателей ЛДП символизировала консерватизм и традиционализм, СПЯ – всё новое, современное, прогрессивное. Первоначальный успех социалистов был связан с послевоенной демократизацией общества, но в условиях периода высоких темпов экономического роста эта партия не сумела адаптировать свой курс к серьезным переменам, произошедшим в сознании и образе жизни людей, что привело к резкому сокращению ее социальной базы. Вскоре у СПЯ не осталось даже гипотетических шансов на приход к власти, которая стала монополией ЛДП.

Эта партия в середине 1950-х годов сумела определить и затем реализовать объединившую всех национальную цель – догнать западные страны по уровню экономического развития. Именно при единоличном правлении либерал-демократов долгое время в стране сохранялись социальный мир и стабильность. Общество при этом выглядело плюралистическим, поскольку в нем свободно действовали различные политические силы. Вместе с тем динамизм общественного развития обеспечивали не оппозиционные партии, а сама ЛДП в силу своей фракционности. Борьба и соперничество фракций за реальную политическую власть гарантировали гибкость и адаптивность проводимого ею курса при сохранении его принципиальной преемственности.

В формате «системы 1955 года» постепенно менялось соотношение сил не только между двумя основными партиями (ЛДП, СПЯ), но и между ними и вновь появившимися. Если на выборах 1958 г. они вместе получили 91% голосов избирателей, то в 1986 г. – только 66,6%. Соотношение сил между правящей партией и всей оппозицией долгое время отражало реальное положение дел в обществе при котором ЛДП представляла интересы народа в целом, а оппозиционные партии – относительно небольших групп населения. При этом политическая система превращалась в многопартийную.

С усложнением в 1970–1980-е годы политической картины в стране практически впервые начались дискуссии о возможном создании коалиции оппозиционных партий, с тем, чтобы заставить ЛДП поделить власть. Диверсификация национальных интересов, усложнение структуры общества, возникновение и усиление гражданских движений, рост электората оппозиционных партий показали правящей элите необходимость задуматься о коррекции своих действий. Избиратели, отдавая голоса оппозиции, знали, что пока она не только не придет к власти, но и не составит серьезную конкуренцию ЛДП. Это был путь, которым электорат побуждал либерал-демократов серьезно заняться решением внутриполитических и внутрипартийных проблем.

Другими словами, в обществе ощущалась потребность проведения политической реформы. Лидеры появившейся в результате раскола

⁹ Катоки тоситэ-но 1950 нэндай (1950 годы как переходный период). Токио, 1997, с. 67–70.

СПЯ в 1960 г. Партии демократического социализма (ПДС), связанные с Социнтерном, хотели создать европейский вариант двухпартийной системы, в которой консервативной ЛДП будет противостоять партия социал-демократической ориентации. Служившая опорой обеих социалистических партий, Японская конфедерация профсоюзов (Рэнго) имела схожее представление о создании двухпартийной системы. Она выступала за объединение в долгосрочной перспективе оппозиционных партий с некоторыми консервативными элементами и за создание на этой основе новой большой партии – оппонента ЛДП. Однако, несмотря на благие пожелания инициаторов, состояние оппозиции сделало нереальной перспективу любой коалиции из-за коренных расхождений ее участников (прежде всего социалистов) по важнейшим вопросам, а также из-за непомерных амбиций партийных лидеров.

В рядах правящей партии периодически раздавались голоса в пользу «частичной коалиции» с ПДС и Комэйто, но речь шла лишь о парламентском сотрудничестве, а не о предоставлении оппозиции министерских портфелей. Занимавший в 1989–1991 гг. пост генерального секретаря ЛДП Одзава Итиро говорил о необходимости содействовать усилиям всех партий по формированию новой политической структуры. Он выдвигал идею создания второй консервативной партии за счет объединения части либерал-демократов с Комэйто¹⁰, т. е. фактически предлагал американский вариант двухпартийной системы. Правящая коалиция ЛДП с СПЯ или Комэйто на уровне межпартийного сотрудничества в то время казалась абсолютно нереальной.

Это был, пожалуй, единственный путь, поскольку существование фракций в ЛДП затрудняло создание второй консервативной партии исключительно на ее базе. Только выход из рядов ЛДП групп «диссидентов» и их дальнейшее блокирование с центристскими партиями могли оказаться продуктивными и с точки зрения образования новых консервативных партий. Но изменения на политической сцене пошли по другому сценарию.

Несмотря на серьезные кризисные явления в правящей партии, начавшиеся проявляться с конца 1980-х годов, никакая другая сила не могла соперничать с ней в борьбе за власть, ибо оппозиция никогда не предлагала позитивной альтернативы, а лишь всё подвергала критике. Разговоры о создании дееспособной оппозиции и о переходе к двухпартийной системе до начала 1990-х годов оставались словесными спекуляциями. Реальная возможность перевода дискуссий на эту тему в практическую плоскость обозначилась лишь после выборов 1993 г., когда кончилось единоличное правление ЛДП и появились новые

партии, вскоре объединившиеся с самораспустившимися старыми в единую общенациональную Партию новых рубежей (ПНР).

Важную роль в этом сыграл харизматический И. Одзава. Один из блестящих молодых функционеров ЛДП, он в числе первых покинул ее ряды и занялся партийным строительством. Его «раскольническая» деятельность начала 1990-х годов на первых порах значительно ослабила ЛДП и способствовала концу «системы 1955 года», в которой монополия на власть принадлежала либерал-демократам.

Существование Партии новых рубежей оказалось недолговечным из-за пестроты состава, наличия в ней разнородных политических сил и отсутствия четкой политической позиции. Заметную роль в ее распаде сыграла разгоревшаяся в высшем партийном руководстве борьба бывших премьер-министров Кайфу Тосики, Хосокава Морихиро и Хата Цутому как между собой, так и против амбициозного И. Одзава, а также тяготение многих партийцев к своей альма-матер – ЛДП. Уже в 1997 г. ввиду критической внутривнутрипартийной ситуации ПНР была распущена с тем, чтобы вместо нее создать одно-два крупных объединения. Никто не ожидал, что она расколется на мелкие кусочки. Из образовавшихся шести (!) партий самыми крупными стали Либеральная партия И. Одзава и Новая Комэйто, возродившаяся в 1998 г. после самороспуска.

Сложившаяся ситуация свидетельствовала о том, что ведущие политики не только не желали, но и не были способны вести конструктивный диалог о реорганизации политической системы. За три года в стране сменились четыре коалиционных правительства. Первые два, без участия либерал-демократов, оказались неустойчивыми. Два других, при участии ЛДП и СДПЯ, продемонстрировали казавшийся ранее немыслимым альянс, свидетельствующий об обретении обществом единообразия. Доминирующей идеологией весьма аморфного «среднего класса», к которому причисляет себя подавляющее большинство японцев, стал неоконсерватизм, ориентированный на создание системы «социального рыночного хозяйства». Он практически не оставил места тому, что ранее считалось «прогрессивным».

Коалиционные кабинеты при доминировании либерал-демократов продемонстрировали пример готовой к компромиссам политики и сумели достигнуть определенной стабильности. Но слишком разные базовые позиции участников требовали реформирования правительства, и ЛДП начала готовиться к выборам в палату представителей по новой избирательной системе 1994 г., при разработке которой учитывался британский опыт.

В соответствии с новой системой 300 депутатов избираются в одномандатных округах и 200 (в настоящее время 180) – в 11 региональ-

¹⁰ Молодякова Э. В. Япония. Профсоюзы и общество. М., 1994, 141–144.

ных блоках по списку политических партий, сроком на четыре года. В целом такая система благоприятствует крупным партиям, оставляя мало надежд небольшим. В одномандатном округе избиратель поставлен перед жестким выбором: сколько бы кандидатов не выдвигалось, победит только один.

Учитывая политические традиции, в соответствии с которыми даже малые партии оппозиции сохраняли возможность получать места в парламенте, японские политики нашли компромиссное решение при реорганизации избирательной системы: наряду с одномандатными округами сохранилось и пропорциональное представительство по партийным спискам. Казалось, в середине 1990-х появилась возможность построить политическую систему, похожую на столь привлекательный для японских консерваторов британский образец. Если дальнейшее реформирование избирательной системы пойдет по этому образцу, т. е. сохранятся только одномандатные округа, то даже такие старые партии, как Коммунистическая партия Японии (КПЯ), имеющие устойчивый электорат по всей стране, лишатся будущего. Это прекрасно подтвердили всеобщие выборы 2009 г.: КПЯ сохранила свои 9 мандатов, но не добилась успеха ни в одном одномандатном округе, получив голоса только по партийным спискам.

Большинство партий были недовольны своим представительством в парламенте, считая себя обойденными. Новая Комэйто вспомнила о своем прежнем проекте увеличения многомандатных округов. КПЯ и СДПЯ выступили против одномандатных округов, а некоторые деятели ЛДП желали их реорганизации. В то время казалось, что введение новой системы не обеспечит условия для становления двухпартийной системы, при которой партии регулярно сменяли бы друг друга у власти.

В условиях нивелирования противоречий между политическими силами наиболее естественным путем реформ представлялось создание двухпартийной системы американского образца, при которой у власти сменяют друг друга две консервативные партии. Но в середине 1990-х годов развитие ситуации в стране пошло по пути, во многом напоминающему опыт европейских стран, где громко заявили о себе левоцентристские партии, представленные политиками нового поколения. Подобный процесс в Японии проявляется в формировании партий демократического толка, а также в сотруничестве части молодых либерал-демократов с СДПЯ и другими оппозиционными партиями.

Появление в 1996 г. Демократической партии Японии сенсацией не стало, поскольку нечто подобное ожидалось уже давно. Ее костяк составили выходцы из ПДС, партии «Инициативы» (Сакигакэ), отколовшейся от ЛДП в 1993 г., и некоторые парламентарии от СДПЯ.

ДПЯ позиционировала себя как партия, приближенная к народу, партия городского населения, а опора на горожан – верный путь для политической силы, которая рассчитывает на длительную перспективу и хочет действовать в соответствии с социально-экономической ситуацией, сложившейся в Японии к началу нового тысячелетия. В отличие от других, эта партия строилась не по принципу «пирамиды», а по принципу «горизонталей», с опорой на местные отделения. Инициаторами ее создания выступили Хатояма Юкио и Кан Наото.

Воспользовавшись расколом Партии новых рубежей, ДПЯ предложила создать блок родственных оппозиционных сил. В новом объединении сразу же обозначились серьезные противоречия между лидерами вошедших в него группировок по вопросу о характере блока, возможности превращения его в партию, будущих союзниках и партнерах. Несмотря на это, в апреле 1998 г. им удалось договориться и создать ДПЯ, которая и существует в нынешнем виде. Однако её сразу же стали преследовать неудачи, в частности, неуспех на выборах в 2003 г. В такой ситуации демократы в сентябре того же года объединились с Либеральной партией Одзава, что принесло им восемь дополнительных мест на выборах в палату советников. Объединение двух партий было расценено их лидерами как шаг на пути создания «двухпартийной системы, которая будет обеспечивать сменяемость правительства». Казавшаяся трудно осуществимой, цель стала реальностью спустя шесть лет, в 2009 г.

Первым председателем ДПЯ (апрель 1998 – сентябрь 1999) был Кан Наото. Его сменил Хатояма Юкио (сентябрь 1999 – декабрь 2002), преемником которого стал опять-таки Кан (декабрь 2002 – май 2004). Примерно по году партией руководили Окада Кацуя (май 2004 – сентябрь 2005) и Маэхара Сэйдзи (сентябрь 2005 – март 2006), т. е. все основные действующие лица ее нынешнего руководства. Однако подобные перестановки ничего не дали, и демократы решили, как говорится, «позвать на царство» Одзава Итиро. Они рассудили, что харизматический и очень опытный политик, один из наиболее эффективных и успешных руководителей партийного аппарата ЛДП, сочетающий популизм с навыками закулисной борьбы, несмотря на имидж «правого» и даже «ястреба», поможет поднять авторитет партии. Альянс объективно повышал шансы демократов на увеличение своего представительства в парламенте – за счет электората СДПЯ (группа Ёкомити Такахио) и за счет консервативных избирателей (благодаря авторитету Одзава среди «правых»)¹¹.

¹¹ Основные влиятельные группы в ДПЯ: центристская во главе с Хатояма Юкио (около 60 парламентариев); «группа обновления» («Иссинкай») сторонников Одзава (около 50 человек);

Укрепление ДПЯ благоприятствовало созданию двухпартийной системы, аналогичной американской. Противостояние либерал-демократов и демократов не имеет столь принципиального значения, как пытаются представить их лидеры, периодически обменивающиеся резкими заявлениями. Коротко говоря, у них гораздо больше того, что их объединяет, чем разъединяет. Практически все высшее руководство ДПЯ, за исключением Кан Наото, составляют выходцы из ЛДП. У всех общий политический и социальный background, схожее мировоззрение и взгляды.

При создании ДПЯ одним из сложнейших был и остается вопрос о ее характере. Все согласны, что это – демократическая, центристская партия, но одни хотят видеть ее партией «левоцентристской ориентации» или «демократически-либеральной», другие – «консервативно-центристской». Партия в целом придерживается «умеренно демократической ориентации, близкой к центристской», поставив целью смещение ЛДП и приход к власти «демократического коалиционного правительства». Двери ее открыты для всех политических сил, придерживающихся среднего пути и выступающих против ЛДП.

Для лидеров левоцентристского крыла демократов моделью служила итальянская коалиция «Оливковое дерево» с участием умеренных коммунистов, созданная премьер-министром Романо Проди, который, в свою очередь, сравнивал ее с Новой Лейбористской партией Тони Блэра. Речь идет о предвыборных альянсах партий, которые претендуют на право формирования правительства и могут договориться о кандидатуре премьер-министра. Пожалуй, впервые так отчетливо японские политики примеривали на себя политический опыт западно-европейских стран. Кан Наото полагал, что ДПЯ должна быть чем-то средним между «партиями Тэтчер и Блэра». После того как либерал-демократам не удалось повторить реформы британских консерваторов 1980-х годов, ДПЯ считала, что сможет сделать это, когда придет к власти: модернизировать тэтчеризм, присовокупив к нему политику социальной защищенности, чтобы привлечь на свою сторону новые слои избирателей¹².

Что касается партийного строительства, Кан заявлял, что коалиция с разнообразными силами важнее, чем установление единовластия.

левоориентированная группа Кан Наото (30 человек); группа бывшей Либеральной партии под руководством Одзава и Фудзии Хирохиса (30 человек); наиболее левая группа выходцев из СДПЯ во главе с Ёкомити Такахиро (около 30 человек); группа ПДС во главе с Ёнэдзава Такаси (около 50 человек); вторая консервативная группа («Рёункай») выходцев из «Сакигакэ» под руководством Маэхара Сэйдзи и Ёдано Юкио (около 20 человек); самая маленькая и консервативная группа выходцев из ЛДП.

¹² Подробнее см.: Curtis Gerald L. The Logic of Japanese Politics. Tokyo. N. Y. 1999, p. 193–195.

Второй основатель ДПЯ Хатояма Юкио был против установки на широкую коалицию и утверждал, что необходимо укреплять структуру партии, с тем чтобы превратить ее во вторую главную силу будущей двухпартийной системы.

Долговечность и стабильность партии во многом зависит от политической воли ее руководящего ядра, от его способности сохранить единство рядов в условиях беспрецедентного «перетекания» политиков из партии в партию и, конечно, от стремления реализовать намеченную программу действий. Как показали события последнего времени, японским демократам все это удалось.

Несмотря на то, что у ДПЯ есть много сильных сторон – наличие большого числа молодых, энергичных депутатов, хорошо выглядящих на экранах телевизоров и на трибунах, сравнительно «чистый» облик, не столь явные связи с лоббистскими группировками – ее статус в политическом спектре долгое время оставался неопределенным. До последних выборов в палату представителей большинство депутатов ДПЯ в принципе выглядели как «младшие братья» либерал-демократов, хотя руководство партии заявляло, что представляет интересы «горожан, налогоплательщиков, потребителей». В интерпретации бывшего председателя партии Окада Кацуя это означало «защиту идей трудового населения», что вполне вероятно было реверансом в сторону левого крыла партии. Во многом ДПЯ остается конгломератом разнородных группировок, и ей еще предстоит четко определить свое политическое лицо.

2009 г. показал, что политическая система Японии разбалансировалась, и угадать дальнейшее развитие событий непросто. В феврале, на фоне постоянно падающего рейтинга премьер-министра Т. Асо, эксперты уверенно предсказывали демократам победу на предстоящих выборах в палату представителей. Как отмечал журнал «Economist», «до скандала (вокруг И. Одзава – Э.М.) всеобщие выборы выглядели бы легкой победой для ДПЯ, уничтожившей политическую систему, в которой ЛДП более полувека удерживала власть»¹³. Вынужденный уход И. Одзава с поста председателя ДПЯ казался равнозначным проигрышу на выборах, а для него самого означал крушение надежд занять кресло премьера и невозможность исполнить «мечту всей жизни и последнюю задачу» – сокрушить более чем полувековое правление ЛДП¹⁴.

Проблемы с руководством ДПЯ оказались «манной небесной» для правящей коалиции. Сразу же пошел вверх рейтинг премьер-министра

¹³ http://www.economist.com/printedition/displaystory.cfin?story_id=...

¹⁴ Economist. 26.03.2009.

Т.Асо. По данным опроса, проведенного газетой «Иомиури», в конце марта 2009 г. кабинет министров поддерживало 23,2% опрошенных, что на 6% больше, чем во время предыдущего опроса. С 75% до 65% сократилось число недовольных политикой правительства¹⁵. Одновременно быстро падала популярность ДПЯ, что было связано с решением ее лидера сначала остаться на высшем посту, а затем все-таки уйти в отставку. Согласно японской политической традиции, лидер берет на себя ответственность за просчеты или поражение своей партии. Однако И.Одзава сразу заявил, что ни он, ни его секретарь не совершали ничего противозаконного с «юридической и политической точек зрения», не оказывали никаких услуг бизнесу и не получали никаких незаконных политических пожертвований. Затем он перешел в наступление, прямо связав выдвинутые против него обвинения с предстоящими выборами, на которых у демократов были очень хорошие шансы на успех. И.Одзава открыто обвинил правящую ЛДП в «незаконном использовании мощи прокуратуры», назвав ее действия «беспрецедентными». В итоге ему все-таки пришлось подать в отставку, а его колебания вызвали недовольство в партии, среди избирателей и привели к падению рейтинга ДПЯ¹⁶. Тем не менее, И.Одзава не покинул политическую арену, поскольку демократы по-прежнему рассчитывали на его способности проводить избирательные кампании. Выборы 30 августа блестяще подтвердили это. В сентябре И.Одзава стал новым генеральным секретарем ДПЯ, которому его преемник на посту председателя партии Хатояма Юкио поручил специально позаботиться о подготовке к выборам в верхнюю палату в 2010 г.

Именно Ю.Хатояма, представляющий четвертое поколение известной политической династии, привел партию к победе и стал новым премьер-министром Японии. Уже первые после его избрания председателем ДПЯ экспресс-опросы общественного мнения показали, что он пользуется большей поддержкой населения, чем премьер-министр Т.Асо. По данным газеты «Асахи», 40% респондентов полагают, что Ю.Хатояма – наиболее подходящая кандидатура на пост главы правительства, и лишь 29% опрошенных высказались в пользу действовавшего премьера. Несмотря на то, что, по данным газеты «Иомиури», 53% избирателей не возлагали на Ю.Хатояма каких-либо надежд¹⁷, шансы демократов на победу начали быстро расти. Главное внимание было уделено консолидации сил оппозиции, поскольку ДПЯ в одиночку не надеялась получить необходимое большинство в

¹⁵ Ёмиури. 27.03.2009.

¹⁶ Асахи. 29.04.2009.

¹⁷ Асахи. 17.05.2009; Иомиури. 17.05.2009.

палате представителей. Ее партнерами по предвыборному альянсу стали СДПЯ и небольшая Новая народная партия, созданная «диссидентами» из ЛДП.

В первом официальном заявлении после оглашения результатов парламентских выборов Ю.Хатояма заявил, что «партия принимает результаты выборов с исключительной серьезностью и полна решимости оправдать оказанное доверие... Я считаю, что результат выборов больше, чем просто победа Демократической партии. Итог голосования показал недоверие нашего народа к существующей политике, его неприятие провалившейся политической и экономической системы и вытекающее из этого резкое недовольство»¹⁸.

Демократы одержали блестящую победу, но смогут ли они эффективно руководить страной? Это не риторический вопрос, поскольку, как показал опрос общественного мнения, проведенный газетой «Асахи» сразу же после выборов, поддержка населения не так безусловна, как считают лидеры ДПЯ, и представляет достаточно сложную картину. По оценке газеты, ожидания общества тесно переплетены с беспокойством. В частности, 74% респондентов возлагают большие надежды на новую администрацию демократов, но при этом только 32% ожидают радикальных перемен в политике страны. Результаты опроса показывают, что избиратели в целом приветствуют изменения на политической сцене, но многие совсем не очарованы предвыборными популистскими обещаниями ДПЯ и не убеждены, что партия выполнит их. Достаточно интересный факт: 69% опрошенных, включая 46% голосовавших за ЛДП в секторе пропорционального представительства, заявили о поддержке смены партий власти. Лишь 10% респондентов выступили против этого. На вопрос, было ли желание видеть изменения в правительстве главной причиной победы ДПЯ, 81% респондентов ответили утвердительно. Но при этом 37% тех, кто возлагает большие надежды на новую администрацию, и 31% тех, кто голосовал за демократов, не ожидают радикальных перемен в политике¹⁹.

Выборы дали шанс Демократической партии Японии прийти к власти, а избиратели авансом оказали ей большое доверие. Демократы обещают, что сумеют радикально улучшить процесс выработки политических решений, изменить отношения между политиками и бюрократами, но, понятно, что одним махом это решить невозможно. Предстоит большая и сложная работа, а пока партии необходимо заняться формированием бюджетной политики и определить внешнеполитический курс.

¹⁸ Асахи. 31.08.2009.

¹⁹ Асахи. 31.08.2009.

При создании ДПЯ отдельные аналитики высказывали мнение о нежизнеспособности такого объединения из-за разнородности его состава, что в перспективе могло привести в действие центробежные силы. Но эти прогнозы, как показали события первого десятилетия XXI в., не оправдались. Сначала ДПЯ, которую в целом можно рассматривать как аналог Демократической партии США, заставила говорить о себе как о реальной силе современного политического процесса. Затем она стала правящей партией и сформировала правительство, а ее председатель Хатояма Юкио – как лидер партии большинства в парламенте – был избран премьер-министром.

Ныне проблема состоит в том, сможет ли эта партия руководить страной столь же успешно, как это на протяжении более чем полувека делала ЛДП. Тогда можно будет сделать вывод, что в Японии действительно сложилась устойчивая и эффективная, реально работающая двухпартийная система.

В заключение следует сказать о союзниках демократов по правящей коалиции, лидеры которых получили министерские посты в кабинете Ю. Хатояма. Председатель ННП Камэи Сидзука является выходцем из ЛДП, в которой он возглавлял небольшую фракцию, в 2003 г. неудачно боролся с Коидзуми Дзюнъитиро за пост председателя партии, а в 2005 г. покинул ее ряды из-за несогласия с программой приватизации национальной почтовой службы. С. Камэи претендовал на кресло министра по административным делам и коммуникациям, но получил созданный специально для него пост государственного министра по пересмотру приватизации почтовой службы, а также по делам финансовой системы.

53-летняя лидер СДПЯ Мидзухо Фукусима заявила, что хотела бы получить пост министра по вопросам занятости или по охране окружающей среды. Эти проблемы, на которых легко заработать политический капитал, давно были в центре внимания социал-демократов, желавших поправить свое заметно пошатнувшееся положение на политическом олимпе. Однако новый премьер-министр Ю. Хатояма сам уделяет им повышенное внимание, а потому оставил оба портфеля за своей партией. В итоге М. Фукусима пришлось довольствоваться традиционно «женским» постом государственного министра по делам потребителей, гендерного равенства, демографической политики и продовольственной безопасности.

Включение в состав правительства лидеров партий-партнеров является попыткой демократов избежать дополнительных консультаций на уровне глав партий правящей коалиции, на которых СДПЯ и ННП фактически претендовали на равный с ними статус. Однако, генсек

ДПЯ Кацуя Окада, который в новом правительстве возглавил МИД, сразу после выборов сказал, что решения будут приниматься кабинетом министров. Тем самым он дал понять, что последнее слово по всем важнейшим вопросам остается за его партией, одержавшей столь беспрецедентную победу.

Знатоки «политической кухни» с интересом ожидают начала работы нового состава парламента и, в частности, строят прогнозы относительно возможного раскола в рядах ЛДП. «Диссиденты» этой партии, переживающей трудные времена, могут усилить ряды демократов, а могут заняться собственным партийным строительством, что сделает политический пейзаж Японии еще разнообразнее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЭПОХИ КРИЗИСОВ

Это Сэйсиро – министр, дипломат, законодатель

Сокрушительное поражение Либерально-демократической партии (ЛДП) на выборах в нижнюю палату японского парламента 30 августа 2009 г. и ее переход в оппозицию – это еще не смена элиты, как поспешили объявить некоторые наблюдатели, но и не просто переход власти от одного кабинета к другому. Это именно «смена политического режима», которую победившая Демократическая партия сделала своим главным предвыборным лозунгом, принеся ей беспрецедентный успех. Ну а в условиях продолжающегося кризиса смена политического режима в такой стране, как Япония, приобретает особое значение не только для нее, но и для всего мира.

Возникает резонный вопрос: означает ли поражение ЛДП провал ее политики в целом, ошибочность выбранного курса и непригодность методов? Непредвзятый анализ событий приводит к отрицательному ответу. Во-первых, нынешний кризис имеет глобальный характер, так что никому не приходит в голову винить в нем японских либерал-демократов. Во-вторых, несомненные успехи Японии во многом связаны именно с политикой ЛДП, практически бессменно находившейся у власти с 1955 г. Наконец, почти все руководство Демократической партии – а это министры и вице-министры нового кабинета Хатояма Юкио – состоит из бывших либерал-демократов, покинувших ряды партии в 1990-е годы. Они прошли политическую школу именно в рядах ЛДП, которая более полувека оставалась доминантной партией, и там постигли стратегию и тактику «политической кухни». Как показали выборы, демократы оказались хорошими учениками, которые и в будущем будут пользоваться полученными уроками. Что касается многочисленных новичков, пришедших в парламент на волне успеха Демократической партии, то они тоже не обойдутся без уроков и опыта либерал-демократов.

В условиях нынешнего кризиса и на фоне происшедшей смены режима особый интерес представляет то, как ЛДП выращивала политиков, сумевших обеспечить Японии ее нынешнее положение второй экономики мира и одного из ключевых членов «большой восьмерки». Здесь следует «копнуть глубже»: ЛДП – это не только ее лидеры и идеологи, лица которых десятилетиями не сходили с экранов телевизоров, но и «реальные», «рабочие» политики – депутаты, вице-министры, министры, не определявшие генеральную линию в целом, но претворявшие ее в жизнь и разрешавшие внутри- и внешнеполитические конфликты. Заметное место среди них занимает 68-летний Это Сэйсиро, являющийся именно практиком, а не «раскрученной» медиа-персоной. За его плечами восемь депутатских сроков в нижней, ключевой, палате парламента, несколько важных министерских и вице-министерских постов и работа в «силовых центрах» ЛДП и парламента, включая руководство бюджетным комитетом нижней палаты в 2008–2009 гг.¹

В новом составе парламента он занял пост вице-спикера нижней палаты.

Политик как воплощение «японской мечты»

Политическая карьера Это Сэйсиро – типичный вариант одного из воплощений «японской мечты». Начнем с того, что он родился 29 апреля 1941 г. – в день рождения императора Сёва и ровно через сорок лет после него. Конечно, совпадение, но приятное и значимое.

Будущий политик появился на свет в небольшой деревеньке Хидзю в префектуре Оита, расположенной в северной части острова Кюсю. До ближайшего небольшого города Кусу (нынешнее население – 17 300 чел.) в те годы надо было очень долго добираться по разбитым сельским дорогам, которые становились непроходимыми в сезон дождей, или кратчайшим путем (около четырех часов) через горы и леса. Первым заметным успехом администратора С. Это стало строительство современной дороги на «малой родине», по которой от Хидзю до Кусу теперь можно доехать за четверть часа. Возможно, односельчане больше всего благодарны ему именно за эту дорогу.

Для политической биографии С. Это место и обстоятельства рождения можно считать «хижиной, в которой родился Линкольн». На его официальном сайте подробно рассказано, как любознательный мальчик учился в маленькой деревенской школе, но быстро «перерос» ее и уговорил родителей-крестьян, в семье которых был третьим сыном,

¹ В статье использованы материалы официального сайта Это Сэйсиро <http://www.sei-shiro.jp/> (биографические данные) и банки данных информационных агентств ИТАР-ТАСС и Киодо (хроника событий); далее ссылки на них не приводятся.

отдать его в начальную школу в том самом городе Кусу, кратчайший путь до которого занимал четыре часа. Он проводил под родительским кровом только выходные дни, а в остальное время жил в скромном школьном общежитии, полностью заботясь о себе сам. Затем С.Это пришлось прервать образование из-за постоянной нехватки денег в семье и заняться физическим трудом (он изготавливал древесный уголь и выращивал грибы сиитаке), из-за чего окончил школу только в 21 год, на два года позже, чем должен был по возрасту. Можно сказать, что подобные детали необходимы для «жития» любого *self-made man'a*, но в случае С. Это здесь нет никакого преувеличения. Более того, для уроженцев сельской местности из его поколения это было в порядке вещей. Но не все из них стали депутатами и министрами.

С.Это оказался упорным человеком и способным учеником, что позволило ему сделать следующий рывок на пути к реализации «японской мечты»: в 1962 г. «мальчик из провинции» поступил на политико-экономический факультет знаменитого и престижного токийского университета Васэда. Выбор высшего учебного заведения говорит о многом – прежде всего о больших амбициях молодого человека, не желавшего довольствоваться провинциальным университетом или заштатным в столице, и о том, что он рано сделал выбор своего будущего пути. Возможно, Токийский университет, особенно его юридический факультет – главная «кузница кадров» государственных чиновников, и высоко котирующийся в бизнес-сообществе университет Кэйо показали «деревенскому парню» не просто слишком высокой, но непреодолимой планкой. Не менее престижный, но более либеральный – во всех отношениях – университет Васэда дал Японии многих ученых, интеллектуалов и политиков, включая будущего либерал-демократического премьера Мори Ёсиро, *сэмтая* (старшего товарища) С. Это в мире большой политики.

Годы, проведенные им в Васэда, тоже укладываются в стандарт «японской мечты». Он старательно учился, сам зарабатывая на оплату своего обучения, но не был «книжным червем», играл в футбол (несмотря на солидный возраст, сейчас С.Это возглавляет футбольную команду японского парламента и созданную в 2002 г. Лигу футбольной дипломатии²) и старательно укреплял дружеские отношения с товарищами, понимая, что диплом престижного университета и завязанные там связи пригодятся в дальнейшей жизни.

Окончив университет в 1966 г., С.Это на некоторое время остался в Токио, чтобы «осмотреться» в политической жизни, а затем отпра-

² 11 июня 2002 г. сборная Государственной Думы РФ выиграла у японских коллег с разгромным счетом 11 : 0.

вился в США – стажироваться в Калифорнийском университете и своими глазами посмотреть на «демократию в действии». Предметом особого интереса амбициозного юноши стала президентская кампания 1968 г.: он присутствовал в качестве зрителя на съездах обеих партий, наблюдая за ходом выдвижения кандидатов в президенты. Но если опыт национальных предвыборных кампаний казался ему полезным для достаточно отдаленного будущего, то другая тема – городское управление и организация городского хозяйства, которые он изучал в Пасадене и Сакраменто, – стала для С.Это куда более актуальной. Закончив «годы учения», он в 1970 г. вернулся на свою «малую родину» и стал готовиться к дебюту на местной политической арене – в качестве мэра города Кусу, страдавшего от бездорожья.

Иного пути в политику у С.Это не было. Земляки худо-бедно знали его семью и не могли сказать о ней ничего плохого, а диплом политико-экономического факультета одного из лучших университетов страны был для захолустного Кусу исключительной редкостью. Для земляков он в какой-то степени стал «столичной штучкой», но не порвал связей с «малой родиной», что заметно сыграло в его пользу. Против С.Это были возраст – в Японии, даже в провинции, политика считается делом пожилых – и отсутствие практического, прежде всего административного опыта, а также высоких покровителей, которые могли бы передать ему свою электоральную, политическую и финансовую базу. Кандидат сделал ставку на «живые» контакты с людьми, требовавшие много сил и времени, но мало денег. Стратегия оказалась удачной: в 1971 г. в неполные 30 лет С.Это стал мэром Кусу и самым молодым градоначальником в стране. В 2009 г. этой тактикой успешно воспользовались демократы, положившие конец более чем полувековому господству ЛДП. Перед парламентскими выборами их кандидаты успешно «пошли в народ», а самым молодым мэром Японии на момент написания этих строк является 31-летний демократ Кумагаи Тосихито, одержавший победу на выборах 14 июня 2009 г.

Расчет оказался верен, но, став мэром, С.Это сразу же начал готовиться к штурму новой вершины. Он снова засел за книги, поступив – по прежней специальности – в аспирантуру Васэда, которую успешно окончил в 1973 г., получив степень магистра политологии. Несмотря на частые отлучки, мэром он тоже оказался неплохим и в 1975 г. был переизбран на свой пост. На молодого, успешного и честолюбивого градоначальника обратили внимание местные либерал-демократы, которых в 1970-е годы все сильнее теснили социалисты. В 1977 г. С.Это получил предложение выставить свою кандидатуру в верхнюю палату парламента от ЛДП и был избран в нее на шестилетний срок, сумев

победить действующего депутата от оппозиции. В общенациональном масштабе на этих выборах ЛДП потеряла три места в верхней палате, зато социалисты – шесть. Пост мэра пришлось оставить. Первая ступень была пройдена. «Японская мечта» сбылась: в 36 лет «парень из Оита» заседал в палате советников как представитель правящей партии. Но для него это было только начало настоящей карьеры.

Парламентская «школа» и парламентская «кухня»

Шесть лет в палате советников, имеющей по конституции гораздо меньшее значение, чем палата представителей, стали для С.Это, как и для многих японских государственных деятелей, своего рода «политическим университетом» после «школы», пройденной на уровне местной власти.

В палате советников С.Это не проявил себя как политик национального уровня. С одной стороны, он сосредоточился на проблемах своего избирательного округа, зарекомендовав себя как хороший практик, с другой – постигал искусство, или «кухню», парламентской и партийной рутины. Его принял под свое крыло и в свою фракцию внутри ЛДП властный и влиятельный политик Охира Масаёси, в 1978–1980 гг. возглавлявший правительство. Большая Политика началась для С.Это с избрания в 1983 г. в нижнюю палату парламента от 1-го округа префектуры Оита (позднее от 2-го).

В феврале 1986 г. в кабинете Накасонэ Ясухиро, С.Это занял пост парламентского секретаря министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, которое в то время имел гораздо большее значение, нежели сейчас. Ведомство возглавлял Хата Цutomу, ставший позднее одним из диссидентов ЛДП и премьер-министром, а ныне он – один из старейшин Демократической партии и депутат-ветеран, избранный в нижнюю палату в 14-й раз. В 1960-е – 1980-е годы либерал-демократы, не раз терпевшие поражение в крупных городах, опирались на сельскую местность и на провинцию, играя на консервативных настроениях и дотируя убыточный аграрный сектор и рыболовство «в обмен» на голоса во время выборов. Работа в качестве парламентского заместителя министра – связующего звена между бюрократами и народными избранными – стала для С.Это школой уже не только политической, но и государственной деятельности. Молодого – по японским понятиям – депутата оценило и партийное руководство, назначив его в том же 1986 г. на пост заместителя председателя комитета ЛДП по парламентским делам. Так он оказался в связке ЛДП – парламент – правительство, управлявшей Японией на протяжении более полувека, вплоть до недавних выборов.

Основная деятельность С.Это в парламенте была связана с финансовыми вопросами и с проблемами сельского хозяйства. В марте 1990 г. он был одновременно избран главой финансового комитета нижней палаты и финансового отдела партийного Совета по исследованию политики – «мозгового треста» ЛДП. Япония переживала последний год «экономики мыльного пузыря». На ее достижениях основывались успехи ЛДП на выборах, за которыми пожилые руководители партии не видели или не хотели видеть надвигающийся экономический и политический кризис. В ноябре 1991 г. С.Это, успевший зарекомендовать себя как опытный администратор, возглавил «отдел кадров» ЛДП – Бюро по делам персонала – и одновременно стал членом ее «политбюро» – Политического совета. Для 50-летнего политика это было неплохо, хотя более удачливые или имевшие лучшую политическую «наследственность» деятели к этому возрасту уже имели за плечами как минимум один пост министерского уровня.

Крах «мыльного пузыря» в конце 1990 г. совпал с растущим недовольством молодых – поколения С.Это – либерал-демократов засильем в партийном руководстве «коррупцированных стариков», наиболее одиозными среди которых считались бывшие генеральные секретари партии Канэмару Син и Такэсита Нобору. Самые нетерпеливые и упорные диссиденты во главе с будущим премьером Хосокава Мориhiro и Одзава Итиро, на рубеже 1980–1990-х годов занимавшим пост генерального секретаря ЛДП, вышли из ее рядов и занялись собственным партийным строительством. Начала дробиться и парламентская фракция либерал-демократов. В таких условиях С.Это в 1992 г. вторично стал заместителем председателя партийного комитета по парламентским делам, а годом позже – ключевой фигурой в бюджетном комитете нижней палаты, но спасти положение, разумеется, не мог. В 1993 г. изрядно ослабленные либерал-демократы впервые с момента создания партии в 1955 г. проиграли парламентские выборы и оказались в оппозиции, чуть ли не ежедневно теряя перспективных политиков. Хосокава сформировал первое правительство без ЛДП, а его правой рукой стал Хата, под началом которого С.Это получил первое самостоятельное назначение правительственного уровня. Однако кабинет Хосокава оказался недолговечным, а его преемник Хата пробыл у власти и того меньше. В 1994 г. либерал-демократы вернулись во власть, но в составе коалиционного кабинета, который возглавил лидер социал-демократов (бывших социалистов) Мураяма Томиити. Все, разумеется, понимали, что это не более чем реверанс в сторону младшего партнера, но партнера необходимого для того, чтобы отобрать бразды правления у крепнущей оппозиции.

Временное отстранение от власти стало для либерал-демократов периодом перегруппировки сил в условиях кризиса. С.Это остался верен партийному единству: он входил во фракцию Миядзава Киити, неудачное премьерство которого привело ЛДП к поражению на выборах. Нетрудно предположить, что, оставив ряды партии, он мог бы рассчитывать на министерский пост, пусть даже второго ряда, в кабинете Хосокава или Хата, которые в борьбе со «стариками» усиленно вербовали на свою сторону молодых и амбициозных политиков. Но С.Это, напротив, обвинил Хосокава в причастности к финансовым аферам и скандалу вокруг транспортной компании «Сагава кюбин», «прикармливавшей» многих либерал-демократов. После этого путь в правительство вчерашних однопартийцев ему был закрыт, но он приобрел дополнительную известность в стране как поборник «чистой» политики.

С.Это сыграл невидную, но важную роль в «зализывании ран» ЛДП, возглавив в 1994 г. ее комитет по связям с избирателями, а годом позже занял важный аппаратный пост заместителя генерального секретаря ЛДП. Можно сказать, что в эти годы он был одним из кризисных менеджеров партии, в которой происходила смена поколений и избавление от наиболее скомпрометированных и одиозных фигур. Возвращение либерал-демократов к власти в 1994 г. казалось прочным и естественным восстановлением статус-кво – пусть в ином персональном составе и с социал-демократом во главе кабинета – а их противникам закрывало путь на вершину Олимпа. Так продолжалось 15 лет, на которые приходится основная часть деятельности Это Сэйси в национальном и международном масштабе.

Кризисный менеджер оборонной политики

В августе 1995 г. 54-летний С.Это получил свой первый министерский пост, причем сразу один из ключевых – он стал начальником Управления национальной обороны (УНО), которое уже в новом тысячелетии было переименовано в министерство. Назначение сугубо штатского человека на эту должность соответствовало традициям послевоенной японской политической культуры: министры не вмешивались в процесс военного строительства, но «пробивали» необходимые ассигнования для армии и в случае необходимости давали необходимые объяснения стране и миру, исходя из собственного политического опыта. Нередко на этот пост приходили так называемые «ястребы», но их «ястребиность» заключалась лишь в заявлениях о необходимости дальнейшего укрепления сотрудничества с США и разного рода «оговорках» – случайных или намеренных – о пользе паломничества в храм Ясукуни, посвященный памяти всех павших за Японскую империю.

С.Это, ставший начальником УНО в правительстве, которое возглавлял премьер-социалист, никогда не считался «ястребом». Назначение «хозяйственника» на пост военного министра никого не удивило, но никто и не ждал от него каких-либо значимых шагов в новом качестве: товарищи по политическим кругам понимали, что для него это не более чем очередная ступень в карьере. Однако, время и обстоятельства прихода С.Это на пост главы УНО и последовавшие за этим события показали, что он оказался в непростой ситуации, а для решения возникших проблем потребовались способности кризисного менеджера несколько иного профиля, нежели ранее.

15 августа 1995 г., всего через несколько дней после реорганизации кабинета Мураяма, в котором С.Это занял свою первую должность министерского уровня, Япония отмечала 50-летие окончания Второй мировой войны: в этот день в 1945 г. император Сёва выступил по радио с заявлением о принятии условий Потсдамской декларации и о том, что пришла пора «вынести невыносимое». По традиции в зале «Кудан кайкан», в центре Токио и рядом с храмом Ясукуни, прошла торжественная памятная церемония, на которой присутствовали императорская чета, глава правительства и многие министры. Мураяма выступил с программной речью, в которой в очередной раз принес странам Азии «окончательные извинения» за агрессивные действия Японии до и во время Второй мировой войны.

Положение «военного министра» (тогда этот термин применительно к Японии обычно брали в кавычки) в данной ситуации было особенно деликатным. Безопаснее было промолчать, и С.Это не стал публично высказываться о событиях прошлого. Однако от нового министра ждали деклараций, пусть даже не конкретных, о его будущем курсе, так как этого требовал политический ритуал. С.Это высказался обтекаемо и «политично».

Отвечая на вопросы лево-либеральной «Асахи» о своем подходе к отношениям с КНДР, Китаем и Россией он сказал: «Мы совершенно не считаем КНДР и КНР враждебными государствами, хотя совершенно очевидно, что они продолжают двигаться по пути наращивания своих вооруженных сил. Что касается России, то фактор нестабильности возрастает. Поэтому мы намерены проводить нашу политику в области обороны с учетом военных возможностей ближайших к нам соседних государств». Новый министр осудил намерение Пекина и Парижа продолжать ядерные испытания, заявив: «Япония как единственная страна, подвергшаяся атомной бомбардировке, выражает крайнее сожаление в связи с решениями КНР и Франции». Относительно мнения социал-демократов – партнеров по коалиции – о пользе сокра-

щения вооруженных сил он высказался не менее деликатно, заметив, что Япония «хотела бы осуществлять программы развития своих сил самообороны на основе баланса с другими странами, внимательно следя за общемировыми тенденциями в сфере обеспечения безопасности и вооружений»³. Большого ожидать было трудно.

Беседуя через несколько дней с корреспондентом «Иомиури», С. Это снова вернулся к проблеме отношений с Россией. Отвечая на вопрос, собирается ли Япония отказаться от стратегии придания важного значения «северным направлениям» в условиях продвижения процесса разоружения в России, начальник УНО сказал: «Мы обеспокоены тем, что в России усиливаются факторы нестабильности и неопределенности. Поэтому нет необходимости менять базисный курс, которого придерживалось до этого УНО. Но если появится необходимость пересмотра системы размещения вооруженных сил на территории страны, мы готовы рассмотреть этот вопрос». Комментируя это заявление, газета тут же отметила, что «тезис о “советской угрозе” становится на деле все более неубедительным, а в качестве нового аргумента в пользу обеспечения оборонной мощи нашей страны начинают высказываться мнения о необходимости проявления настороженности в отношении КНР и КНДР». Памятуя, что социал-демократы выступали за развитие дружеских отношений с Пекином и даже Пхеньяном (при отсутствии дипломатических отношений между Японией и КНДР), журналисты предположили, что выработка оборонной политики в рамках коалиционного кабинета может столкнуться с трудностями, а их урегулирование «будет во многом зависеть от способностей С. Это в качестве главы оборонного ведомства»⁴. Впрочем, в условиях господства либерал-демократов, «генеральную линию» которых новый глава УНО проводил исправно, разногласия ЛДП и ее младших партнеров могли играть лишь роль политического декорума. Замечу, что нечто подобное ожидает и нынешний кабинет Хатояма Юкио, несмотря на многообещающие заявления и претензии социал-демократов играть самостоятельную политическую роль в новой правящей коалиции.

С первым зарубежным визитом С. Это отправился, конечно, в США, благо представился удачный повод: 50-летие окончания войны на Тихом океане, которое за пределами Японии отмечается 2 сентября, в день подписания Акта о ее безоговорочной капитуляции. 1 сентября в Гонолулу он встретился с министром обороны США Уильямом Перри, чтобы подготовить почву для успешного проведения оборонной части переговоров премьера Мураяма, мало сведущего в международ-

³ Асахи. 11.08.1995.

⁴ Иомиури. 17.08.1995.

ных и в оборонных вопросах, с президентом Биллом Клинтон. Премьеру-социалисту предстояло обсуждать перспективы сотрудничества Токио и Вашингтона в рамках «договора безопасности», который в течение многих лет действовал на его партию, как красная тряпка на быка.

С. Это успокоил коллегу, но предложил распространить существующую систему обеспечения безопасности на весь регион, недвусмысленно намекая на возможную угрозу со стороны Пекина и Пхеньяна, которую в Токио всегда чувствовали острее, чем в Вашингтоне. Кроме того, американский министр должен был знать, что его собеседник считается принадлежащим к «тайваньскому лобби» и является сторонником более тесных отношений с Республикой Корея, что, мягко говоря, не способствовало его популярности в КНР и КНДР. Начальник УНО сослался на то, что «холодная война» кончилась, с чем ключевому министру администрации Клинтона пришлось согласиться хотя бы на словах. Гораздо меньший энтузиазм у него вызвала уклончивая позиция С. Это – а значит и всего правительства Мураяма – по вопросу об увеличении японских ассигнований на содержание американских войск (очередное соглашение об этом истекало в марте 1996 г.). В условиях продолжавшегося кризиса кабинет Мураяма взял курс на сокращение государственных расходов, что должно было обеспечить ему широкую поддержку. Разумеется, ни о каком отказе от военного союза с США речь не шла, но Токио хотел скорректировать детали. Заметим, что и это напоминает заявления нынешнего премьер-министра Хатояма.

Годовщина окончания Второй мировой войны, к тому же встреченная на Гавайях, все-таки потребовала от С. Это заявления об оборонной политике Японии – слишком весом был информационный повод. 2 сентября начальник УНО официально разъяснил, что новая военная программа Токио не несет угрозы соседним странам и соответствует положениям послевоенной мирной конституции страны. Документ, который С. Это назвал «компактным» и «гибким», подчеркивал важность участия Японии в миротворческой деятельности ООН и в спасательных операциях внутри страны и за рубежом при стихийных бедствиях. Он также отметил, что диалог по проблемам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе развивается «неравномерно», что было правильно понято как намек на Пекин и Пхеньян.

Вернувшись домой, С. Это сразу же столкнулся с инцидентом, непосредственно относящимся к международной деятельности его ведомства, – возможно, мелким в масштабе Большой Политики, но крайне неприятным и, как говорится, знаковым. 4 сентября трое американских

военных на Окинаве изнасиловали японскую школьницу. Власти объявили их в розыск, но получили ответ, что те задержаны собственной военной полицией и препровождены на территорию базы. По соглашению о статусе американских военнослужащих в Японии подозреваемые могут быть переданы местному правосудию только после завершения следствия и предъявления им официального обвинения. Хотя за предшествующее десятилетие произошло около 1300 подобных инцидентов, случившееся вызвало в Японии взрыв возмущения. Префектуральное собрание Окинавы единогласно приняло резолюцию с требованием пересмотреть статус американских военнослужащих, которую губернатор Ота Масахидэ вручил в Токио послу США Уолтеру Мондейлу, бывшему вице-президенту в администрации Картера. Мондейл принес извинения, но не отреагировал на призыв окинавцев передать насильников японским следственным органам. Заместитель министра иностранных дел Хаяси Садаюки сразу же заявил, что его ведомство не намерено поднимать вопрос о пересмотре соглашения. На фоне недавних извинений Токио за преступления императорской армии поведение американцев и неспособность японских властей не только наказать виновных, но и защитить сограждан распалили гнев общественности. Правительство не могло остаться в стороне, хотя и не сразу решило, что делать.

18 сентября, во время посещения авиабазы сил самообороны Хякури в префектуре Ибараки, С. Это назвал инцидент «крайне возмутительным» и выступил за пересмотр соглашения о статусе американских военнослужащих. Оговорившись, что вопрос «находится в исключительной компетенции МИД, которое и должно его решить», начальник УНО предложил внести в соглашение такие изменения, которые позволили бы японским властям арестовывать солдат США, подозреваемых в совершении преступлений на территории Японии. Его поддержало большинство членов комитета по вопросам национальной обороны Политического совета ЛДП. 20 сентября премьер Мураяма потребовал выдачи насильников местному правосудию и дал понять, что не намерен мириться с создавшимся положением. При этом он пояснил, что не требует пересмотра соглашения в целом, таким образом, намекнув американцам на необходимость жертвы для успокоения растревоженной общественности.

22 сентября, в разгар конфликта, С. Это отправился с официальным визитом в Сеул. Своему южнокорейскому коллеге он предложил сделать такие встречи регулярными и использовать их для создания структуры диалога по вопросам обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Сейчас подобное предложение кажется само собой

разумеющимся, однако, как специально отметила «Йомиури» в преддверии визита, это был «первый случай, когда Япония обратилась к зарубежному государству, кроме США, с предложением о проведении таких встреч»⁵ (выделено мной – В. М.). Жернова истории мелют медленно, но все-таки делают свое дело.

С. Это привез с собой и более конкретные предложения. Военное ведомство Японии было готово приступить к совместной с Южной Кореей разработке вооружений и к экспорту японского оружия в эту страну. Инициатива исходила от Сеула, который предложил приступить к обмену информацией о вооружениях и начать переговоры о взаимных поставках. В Токио понимали, что Южная Корея стремится получить доступ к новейшим военным технологиям, но решили принять предложение, полагая, что оно укрепит трехстороннее сотрудничество США, Японии и Южной Кореи, а также будет способствовать росту доверия между двумя странами, отношения между которыми оставались далеко не безоблачными. Препятствием стали, как ни странно, отношения с Большим Братом: в Японии действовал запрет на предоставление информации по вооружениям и военным технологиям другим странам, за исключением США. Поэтому министерство торговли и промышленности и объединение компаний ВПК заранее обратились к правительству с просьбой отменить запрет и разрешить поставки военных технологий и документации в дружественные страны.

С. Это стал одним из главных лоббистов данного проекта, подчеркивая важность партнерских отношений с Сеулом в области как обороны, так и экономики. Во время переговоров с ним южнокорейский премьер-министр Ли Хон Гу подчеркнул, что сотрудничество двух стран приобретет особое значение, если Вашингтон и Пхеньян не смогут договориться по ядерной проблеме КНДР – как они не смогли сделать это до сих пор. В ответ на «дежурное» опасение Ли Хон Гу по поводу возможного возрастания военной мощи Японии С. Это заверил собеседников, что Токио будет соблюдать «мирную» конституцию, придерживаться трех «неядерных принципов» (не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие) и не намерен претендовать на статус ведущей военной державы региона.

Разумеется, визит С. Это в Сеул и его инициативы не стали неожиданностью для США. Через несколько дней он отправился в Нью-Йорк на переговоры с Перри и госсекретарем Уорреном Кристофером по вопросам безопасности в Азии, включая ядерную программу КНДР. К нему присоединился министр иностранных дел Коно Ёхэй, единственный председатель ЛДП, не ставший премьер-министром. Здесь

⁵ Йомиури. 22.09.1995.

обошлось без сюрпризов. 27 сентября четыре министра подписали соглашение о специальных мерах, которое закрепило статус 47 тыс. американских солдат и обязательства Японии как страны их пребывания на следующие пять лет, за что США обязались ежегодно выплачивать около 1,7 млрд. долларов. Дело было сделано, но «холодок» в двусторонних отношениях был настолько очевиден, что Перри и Кристофер – по мнению журналистов, в попытке избежать острых вопросов – отменили традиционную пресс-конференцию, запланированную после подписания документа.

Однако, вернувшись в Токио, Ё. Коно и С. Это высказались за сокращение числа американских баз и военнослужащих на Окинаве и предложили форсировать реальную передачу Японии ряда используемых американскими войсками объектов. Ё. Коно заявил об этом 3 октября во время беседы с Мондейлом, а С. Это – на пресс-конференции. Масла в огонь подлил новый инцидент, когда в курортном местечке Хаяма неподалеку от Токио (там же находится летняя вилла японского императора) автомобиль американского военного с базы ВМС Ёкосука сбил ехавшего на мотоцикле 16-летнего японского школьника, который скончался на месте. 11 октября Мондейл посетил С. Это на его рабочем месте и принес ему официальные извинения за происшествие на Окинаве. В ответ глава УНО подтвердил приверженность Токио военно-политическому союзу с США и выразил надежду на продуктивные переговоры Клинтона и Мураяма.

Окинавцы остались недовольны компромиссной политикой правительства и начали новую кампанию протестов, которую сразу же поддержал губернатор Ота. 16 октября премьер Мураяма пообещал провести общенациональную дискуссию о будущем системы американско-японской безопасности и определяемом ей статусе военных баз США. Цель заявления главы правительства была совершенно очевидна: владельцы земельных участков, на которых находились базы, сообщили, что не будут продлевать действующие контракты, а губернатор заявил, что не намерен заставлять их сделать это своей властью, на что имел право. Его поддержали 13 из 47 губернаторов префектур страны. Увещевания из Токио оказались безрезультатными: Ота отказался разговаривать с посланцами УНО и кабинета. Тогда на Окинаву в качестве «главно-уговаривающего» собрался отправиться сам С. Это. Однако, его поездку, запланированную на 23 октября, пришлось перенести.

Учитывая остроту вопроса, президент Клинтон срочно отправил в Токио военного министра. Прибыв в японскую столицу 31 октября, Перри заявил, что Вашингтон готов рассмотреть предложения о сокращении военного присутствия США на Окинаве, но настоял на не-

обходимости сохранить общую численность американского контингента, который, по его словам, уже приведен в соответствие с реалиями эпохи «после холодной войны» (ответ на слова С. Это, сказанные в Гонолулу). Выразив «глубокое сожаление» по поводу инцидента со школьницей, министр выразительно заметил: «Мы не можем позволить, чтобы он отравил наши отношения в целом», – и напомнил, что от партнерства в области обороны и безопасности Япония выигрывает больше, чем кто-либо другой. На следующий день, в результате переговоров Перри с С. Это и Ё. Коно, стороны договорились не сокращать общую численность расквартированных в Японии войск, но создать комиссию для изучения вопроса об их частичной передислокации в будущем (процесс продолжается и сейчас). Что касается пересмотра статуса американских военнослужащих, то Перри в очередной раз заявил о его неприемлемости. Большого Токио тогда добиться не смог, но 14 лет спустя кабинет Хатояма Юкио включил этот пункт в свою программу.

7 ноября на Окинаве начался процесс над насильниками, переданными японскому правосудию, дабы не провоцировать новую волну недовольства и не омрачать предстоящий визит Клинтона в Токио. 11 ноября С. Это – в качестве не столько «официального лица», сколько опытного переговорщика – отправился уговаривать окинавского губернатора пойти на компромисс в вопросе о сдаче земли в аренду американским базам. Несмотря на репутацию обаятельного и красноречивого человека, умеющего ладить с людьми и мирно разрешать конфликты, начальник УНО не преуспел в своей миссии. 20 ноября он принял участие в первом заседании специального двустороннего комитета, созданного для разрешения этого вопроса, а пять дней спустя предложил «мятежному губернатору» отойти от «лобового подхода» и приступить к «тщательному изучению» вопроса. На языке японской бюрократии это означало начало долгого процесса, который может привести к компромиссу, но требует уступок от обеих сторон.

Последней заметной акцией С. Это в качестве главы УНО стало участие в разработке и продвижении пятилетней оборонной программы, дискуссии по которой начались в правительстве 6 декабря 1995 г. Предложенный военным ведомством план предполагал оснащение военно-воздушных сил самообороны истребителями нового поколения FSX, совместно разработанными Японией и США. С. Это назвал их массовое производство и постановку на вооружение «абсолютно необходимыми». Он предложил закупить 12 таких самолетов уже в новом финансовом году, начинающемся 1 апреля 1996 г., 60 – к концу «пятилетки» и 141 – к 2007 г., прося ассигновать более 1 трлн. иен. Социал-демократы, традиционно выступающие против любого увели-

чения военных расходов, заявили, что самолеты «слишком дорого стоят» и что предварительно «нужно добиться понимания со стороны народа». Проект оборонного ведомства также предусматривал закупку кораблей с многоцелевой ракетной системой «Иджис» (без которой сейчас невозможно представить защиту Японии от «северокорейской угрозы»), двух крупных транспортных кораблей, 5 подводных лодок, 4 самолетов-заправщиков, 90 танков. На покупку вооружений запрашивалось около 4,5 трлн. иен, а общая «цена вопроса» превысила 25 трлн. иен на пятилетку. Министерство финансов попыталось урезать эти суммы соответственно до 3 и 24 трлн. иен, но к 19 декабря С.Это добился выделения его ведомству в 1996 фин.г. 4,8 трлн. иен – на 2,6% больше, чем в предыдущем году.

Значительная часть вооружения, на которое требовались столь внушительные суммы, была уже заказана, изготовлена и частично получена, так что усилия главы УНО мотивировались не «ястребино-стью», но пониманием экономических и оборонных интересов. Аналитики сделали вывод, что Токио отказался от политики сдерживания оборонных ассигнований, которой придерживался с начала экономического кризиса. Социал-демократам пришлось согласиться. В годовом обращении к личному составу сил самообороны С.Это отметил необходимость продолжения диалога с США по вопросам баз и обещал приложить к этому максимум усилий. Но кабинет Мураяма доживал последние дни. 11 января премьер подал в отставку. В новое правительство, которое сформировал либерал-демократ Хасимото Рютаро, С.Это не вошел.

Пять месяцев пребывания Это Сэйсино на посту главы УНО – срок небольшой, но полный событий, проблем и конфликтов, которые он, надо признать, весьма успешно урегулировал. Кстати, именно он стал первым начальником УНО, выступившим с инициативой посетить Россию с официальным визитом. Смена правительства в Токио помешала его миссии, но инициатива С.Это, несомненно, сказалась на дальнейшем развитии контактов оборонных ведомств двух стран – в том числе на высшем уровне.

Законотворческая деятельность и перспективное мышление

После отставки кабинета Мураяма С.Это на несколько лет оказался в тени. Точнее, на скамейке запасных – если воспользоваться термином из любимого им футбола. В 1997 г. он был переизбран в состав Политического совета ЛДП, занимал ключевые посты в партийных комиссиях и комитетах по финансам и реформе налоговой системы, в 1999 г. стал заместителем генерального секретаря партии, а два года спустя – заместителем главы ее «политбюро». Практик-аппаратчик, С.Это редко по-

являлся на первых полосах газет и экранах телевизоров, пока в январе 2001 г., при реорганизации второго кабинета Мори Ёсино, не был назначен одним из двух статс-секретарей МИД – из числа депутатов парламента, с правом замещать министра во время его отсутствия в стране. Кабинет оказался недолговечным и 26 апреля того же 2001 г. ушел в отставку, но пребывание С.Это на новой должности было отмечено – или омрачено – еще одним знаковым событием.

9 февраля 2001 г. неподалеку от Гавайских островов американская подводная лодка потопила японский учебный корабль «Эхимэ-мару». Девять человек, включая четырех школьников, погибли. Виновность командира и экипажа субмарины в случившемся была очевидной. 15 февраля статс-секретарь МИД С.Это вылетел на Гавайи, чтобы проконтролировать поиски девяти пропавших (американцы поспешили объявить их погибшими и, к сожалению, оказались правы), а оттуда – в Вашингтон на встречу с министром обороны Дональдом Рамсфельдом. С резким заявлением в адрес американских моряков выступил начальник УНО Сайто Тосицугу.

Случай с «Эхимэ-мару» имел для политической карьеры С.Это особое значение не только потому, что ему снова пришлось улаживать неприятный инцидент в отношениях с США, причем случившийся по вине американцев. Среди японских политиков С.Это известен повышенным вниманием к «морским» вопросам – от развития торгового мореплавания до обеспечения безопасности на океанских просторах. Парадокс Японии в том, что, будучи островной страной, она не стала глобальной «нацией мореплавателей», хотя исторически кормилась дарами моря, а каботажное плавание вдоль берегов играло огромную экономическую и культурную роль, соединяя ее разные части и провинции. Особое значение в истории страны имело ее Внутреннее Японское море (Сэтонайкай): Карл Хаусхофер назвал его «несравненной школой мореплавания и рыболовства, которая стала исходной точкой всех дальнейших попыток морской экспансии Японской империи»⁶. Уроженец выходящей к Внутреннему морю префектуры Оита на острове Кюсю, который традиционно был центром морской торговли с Китаем и Кореей, С.Это уже в начале политической карьеры осознал важность моря – в широком смысле – для будущего развития страны, а позднее сделал этот комплекс проблем одним из важнейших направлений своей деятельности. «У нас в Либерально-демократической партии, когда говорят «море», сразу вспоминают господина Это», – заметил в начале 2009 г. тогдашний премьер-министр Асо Таро⁷.

⁶ Хаусхофер К. О геополитике. М., 2001, с. 70.

⁷ Это Сэйсино. Уми кара мита Нихон. (Взгляд на Японию с моря), Токио, 2009, с. 20.

С. Это стал одной из ключевых фигур в разработке Основного (базового) закона о море, принятого японским парламентом 20 апреля 2007 г. подавляющим большинством голосов и вступившего в силу три месяца спустя⁸. Сам С. Это предложил считать 2007 г. «первым годом морской державы», используя слово *ганнэн*, которым обозначают первый год правления нового императора, и отказаться от традиционного определения Японии как «островной страны», видя в нем проявление изоляционизма.

Популяризации нового закона и концепции Японии как морской державы посвящена книга С. Это «Взгляд на Японию с моря», включившая тексты его выступлений и бесед (популярный в японской политической культуре жанр), а также документы, к разработке которых он имел непосредственное отношение. С. Это подчеркнул комплексный характер нового закона, выделив в качестве важнейшего компонента экономический: «Наше торговое мореплавание, являющееся «линией жизни» для экономики и самого существования страны, существует в условиях жесткой конкуренции с США, Южной Кореей и другими странами»⁹. Напомнив, что по морю в Японию ввозится 99,7% импортируемых товаров, он решительно высказался в поддержку новых тарифов, устанавливаемых в соответствии с тоннажом ввозимых грузов, которые за пределами страны были подвергнуты критике как протекционистские¹⁰.

Политические партии были едины в поддержке проекта нового закона, разработанного либерал-демократами. Против него голосовали только социал-демократы, известные тем, что они особенно чувствительны к реакции Пекина. Закон позволяет Японии закрывать для судоходства и проведения исследовательских работ отдельные районы в Восточно-Китайском море, где Токио и Пекин ведут ожесточенный спор о праве на добычу природного газа. Практически это выражается в праве устанавливать в пределах японской эксклюзивной экономической зоны «безопасные водные районы», куда суда могут заходить только по специальному разрешению соответствующих ведомств Токио. Однако Китай не признает «японских» границ и претендует на часть данного района. Пока шли длительные и безрезультатные переговоры о разграничении участков, китайские суда периодически оказывались в водах, которые японцы считают своими. Поэтому «обеспечение безопасности мореплавания во внутренних водах» стало од-

⁸ Полный текст: Там же. Приложение, с. 3–21.

⁹ Там же, с. 26.

¹⁰ «Круглый стол» по данному вопросу под председательством С. Это (1 декабря 2008): Сэнкё. 2009. № 1; перепечатано: Это Сэйсиро. Уми кара мита Нихон, с. 107–137.

ним из важнейших положений нового закона. Как один из его главных разработчиков, С. Это не скрывает, что закон, прежде всего, должен обеспечить права Японии на разработку месторождений природного газа в Восточно-Китайском море¹¹. Важность «газового фактора» для японской экономики очевидна, что, как известно, непосредственно влияет и на отношения Токио с Москвой.

С. Это и ранее уделял большое внимание проблемам энергетической безопасности Японии, полностью зависящей от импорта энергоносителей, и Азии в целом. Выступая 6 марта 2001 г. в Токио на открытии международного симпозиума «Энергетическая безопасность Азии и внешняя политика Японии» в качестве его «хозяина» (мероприятие проводилось под эгидой МИД), он акцентировал внимание не только на экономическом «рывке» азиатских стран в XXI в., но и на неизбежно сопутствующем ему росте потребления энергоносителей. Страны региона становятся импортерами нефти, отметил С. Это, но кроме Японии и Республики Корея никто не озабочен созданием ее запасов на случай чрезвычайных обстоятельств. Подчеркнув важность диверсификации используемых источников энергии и стран-экспортеров энергоносителей, он заявил, что Япония «намерена обеспечить себе стабильные поставки энергии внутри региона». С. Это особенно выделил газовые ресурсы Сибири и Сахалина, отметив, что вопрос об участии Японии в их разработке «рассматривается»¹². Через восемь лет после этого выступления президент Д. Медведев и премьер Т. Асо торжественно открыли на Сахалине первый завод по производству сжиженного природного газа. Так что прогресс в российско-японских отношениях, хотя и небыстрый, возможен – когда речь действительно идет о национальных интересах, а не об амбициях политиков.

С морем связан еще один амбициозный замысел С. Это. 15 февраля 2008 г. СМИ сообщили о создании в японском парламенте межпартийной инициативной группы под его председательством по реализации проекта строительства подводного тоннеля между Японией и Южной Кореей, что позволит осуществить давнюю мечту японцев проехать на поезде от Токио до... Лондона. По предварительному плану тоннель длиной 128 километров должен пройти от города Карацу в префектуре Сага на острове Кюсю до южнокорейского порта Пусан, через острова Ики и Цусима в Корейском проливе. Заявив на первом заседании группы, что «идея сооружения подводного железнодорожного тоннеля между Кюсю и южной частью Корейского полуострова

¹¹ Там же, с. 35–38.

¹² <http://www.mofa.go.jp/policy/energy/address0103.html>

поддерживается многими политическими партиями Японии», С. Это выразил надежду на поддержку большинства законодателей, которая позволит добиваться от правительства Японии (а в перспективе – и Южной Кореи!) выделения бюджетных средств для проведения технико-экономического обоснования проекта. Однако, грянувший осенью 2008 г. мировой финансовый кризис отложил реализацию этой масштабной затеи на неопределенный срок. Сможет ли опытный кризисный менеджер добиться ее реализации в условиях перехода власти от либерал-демократов к их оппонентам, покажет будущее.

Заслуживает внимания тот факт, что в выступлениях С. Это на морскую тематику часто присутствует термин «морская сила» или «морская мощь», причем он, не питающий пристрастия к заимствованным словам, использует кальку *си пава* от английского «sea power». На ум сразу приходит классический термин А. Т. Мэхэна, идеи которого были популярны в военно-морских кругах довоенной Японии и оказали влияние на ее внешнюю и военную политику¹³. Призывая к укреплению и развитию «морской силы» Японии, С. Это не делает акцент на ее военном значении, хотя как политик, озабоченный проблемами национальной безопасности, не игнорирует его, недвусмысленно имея в виду КНДР, а в перспективе, возможно, и Китай.

Более того, понимая, что безопасность Японии – экономическая, энергетическая, сырьевая и собственно военная – должна быть обеспечена на всех стихиях, С. Это отмечает важность «наземной (сухопутной) силы» и «небесной (воздушной) силы», которые также называет английской калькой *рандо пава* (land power) и *скай пава* (sky power)¹⁴. Если воспользоваться терминологией Хаусхофера, можно сказать, что он является сторонником «границы равновесия», при которой Япония обеспечивает себе безопасность на суше (оборона побережья), на море в пределах территориальных вод и экономических зон и в воздухе, что стало особенно актуальным в свете возможной ракетной угрозы со стороны КНДР, от которой естественные выгоды островного географического положения уже не спасают. Остается надеяться на военные корабли, оснащенные противоракетными комплексами «Иджис», на закупке которых С. Это настаивал в бытность свою начальником УНО.

Обсуждая проблему «морской силы» во время «круглого стола» с бизнесменами и чиновниками 31 марта 2009 г., С. Это, несмотря на кризис, оптимистически высказался о перспективах развития торгового мореплавания Японии, но одновременно напомнил о необходимо-

¹³ Mahan and Japanese-American Relations // Sadao Asada. Mahan to Pearl Harbor. The Imperial Japanese Navy and the United States. Annapolis MD, 2006.

¹⁴ Это Сэйсиро. Уми кара мита Нихон, с. 67.

сти оказания ему государственной поддержки – с точки зрения национальных интересов¹⁵. Его нередко называют лоббистом данной отрасли экономики, но он парирует возможные упреки, напоминая, что более эффективного и экономичного способа доставки в Японию того, в чем она так остро нуждается, пока не придумано. Следует добавить, что С. Это имеет репутацию «чистого» политика, которую не подорвали даже предъявленные его секретарю в январе 2007 г. обвинения в незаконном сборе политических пожертвований для патрона. В Японии трудно найти политика, которого бы в этом не обвиняли, и, добавляют знающие люди, секретаря, который был бы полностью безгрешен, не забывая и о собственной выгоде.

На выборах 30 августа 2009 г. С. Это потерпел поражение в своем избирательном округе и прошел в парламент по партийному списку. Перед выборами он возглавлял бюджетный комитет палаты представителей и содействовал проведению через него дополнительных антикризисных бюджетов, любимого детища премьера Т. Асо. В новом составе парламента он стал, как уже упоминалось, вице-спикером нижней палаты: опытные и разносторонние кризисные менеджеры нужны всегда и везде.

¹⁵ Там же, с. 75–76, 95–99.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ПЕРИОД МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

На внешнюю политику Японии, как, впрочем, и на политику любой другой страны оказывают воздействие как объективные, так и субъективные факторы. Понятно, что в качестве одного из объективных факторов можно рассматривать конкретную историческую обстановку, складывающуюся в мире, где на данный момент свои условия диктует мировой финансово-экономический кризис.

Япония не в первый раз в своей истории сталкивается с задачей адаптации своей внешнеполитической линии к реалиям глобального кризиса. В качестве примера можно вспомнить период 1920-х – 1930-х гг.¹

С марта 1920 г. Япония одной из первых почувствовала на себе воздействие мирового финансового кризиса. Стоит отметить, что начался он именно в Японии, раньше чем в других странах – США, Великобритании, Германии. Кризис оказал тогда значительное влияние на японские внешнеполитические действия. Во многом из-за кризисной ситуации Япония была вынуждена начать сокращение своей оккупации в Сибири, ограничившись только Южным приморьем и Сахалином, а также оставить в октябре 1922 г. Владивосток и фактически прекратить активные действия в Китае.

Кризис середины 1930-х гг., наоборот, привел к усилению силовых факторов в японской внешней политике, расширению экспансии в Китае и Юго-Восточной Азии, нападению на Пёрл-Харбор и другим агрессивным действиям². Однако после Второй мировой войны Япония начала использовать в борьбе с кризисными явлениями исключительно «несиловые» методы.

Как свидетельствует исторический опыт, она, как правило, успешно справлялась с этой задачей в 1970-е – 1990-е гг. При этом японской

дипломатией использовались такие меры, как заметная активизация усилий по укреплению роли и авторитета страны на международной арене, разработка и продвижение выгодных с точки зрения собственных национальных интересов и привлекательных для азиатских партнеров внешнеполитических концепций и инициатив, переориентация внешнеэкономической активности на те направления, которые обеспечивают интересы японских компаний и организаций, наиболее пострадавших от кризиса, и ряд других сходных с этими методами.

К текущему глобальному финансово-экономическому кризису японская экономика подошла более подготовленной по сравнению с экономиками других ведущих стран. Вместе с тем, следует заметить, что специфическая внутривнутриполитическая ситуация, сложившаяся в Японии после победы на выборах в нижнюю палату парламента оппозиционной Демократической партии (ДПЯ), нарушившей почти полувековое господство Либерально-демократической партии (ЛДП), также отразилась на японской внешней политике. Более того, есть определенные основания полагать, что мировой кризис во многом способствовал поражению ЛДП, которая не смогла, с точки зрения японских избирателей, найти наиболее эффективные меры для борьбы с последствиями кризиса. Можно сказать, что уже таким косвенным образом мировой кризис повлиял на внешнюю политику Японии.

Однако данный внутривнутриполитический фактор не следует переоценивать. Декларируемые руководством ДПЯ новации во внешней политике, в частности, двусторонних американо-японских и российско-японских отношениях, пока не приобрели конкретную форму. Одновременно наличие долгосрочных национальных задач и планов при сохранении несмотря на кризис мощной экономической базы, необходимой для их реализации, обуславливает и сохранение стабильности и преемственности во внешней политике Токио на глобальном, региональном и двустороннем уровнях.

Позиции Японии по основным глобальным вопросам

Япония заметно активизировала свое участие в работе Организации Объединенных наций. Она является одним из крупнейших доноров ООН (ее доля составляет около 20% бюджета этой организации). В 2008 г. она была вновь избрана непостоянным членом Совета Безопасности ООН (в 10-й раз с момента вступления в ООН в 1956 г.) на период 2009–2010 гг. (за кандидатуру Японии проголосовали 158 стран, включая Россию, против – 32), а также председательствовала в Совете в феврале 2009 г.³

¹ К. Харнский. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926, с. 219.

² Там же, с. 275.

³ Гайко сэйсё (Голубая книга по внешней политике). Токио, 2009, с. 105.

Акцент в работе японская сторона делает на важности реформирования ООН, совершенствования ее структуры, оптимизации методов ее работы и улучшения бюджетной дисциплины, а также на необходимости исключения из ее устава положений о бывших вражеских государствах. Наряду с этим Япония стремится к расширению японского кадрового присутствия в системе ООН, к тому, чтобы сделать его адекватным ее финансовому взносу и экономическому весу в мире.

Япония претендует на место постоянного члена в расширенном составе Совета Безопасности, и в блоке вопросов реформирования ООН для Токио ключевой остается задача сохранения и, по возможности, активизации переговорной динамики по расширению СБ. Ее кандидатуру поддерживают США. В частности, президент Дж. Буш на открытии 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2007 г. назвал Японию наиболее подходящей, «высококвалифицированной» страной, достойной вхождения в СБ ООН на постоянной основе.

С японской стороны поднимается также вопрос о пересмотре шкалы взносов в бюджет ООН для членов Организации, в том числе с целью снижения финансового бремени самой Японии, хотя в последнее время Токио практически отказался от публичной «раскрутки» данного тезиса ввиду отсутствия «видимого прогресса». Японские предложения включают сокращение с 4,5 до 3 лет статистического базового периода для расчета совокупного национального дохода (как основного критерия при формировании шкалы взносов) с ежегодным уточняющим пересчетом, а также введение для постоянных членов СБ ООН минимальных ставок взносов в бюджет на уровне 3–5%. При этом японскими представителями неоднократно заявлялось о возможности пересмотра размеров японского финансового взноса в ООН, если не будут созданы условия для качественного расширения роли Японии в Организации.

В последние годы Япония последовательно проводит курс на концептуальное подкрепление своей роли в ООН, выдвигая различные идеи и инициативы. Наиболее активно японская сторона прилагает усилия по продвижению своей концепции «человеческой безопасности», финансирует проекты по содействию развитию, экологии, борьбе с бедностью, эпидемиями и т. д., активно рекламируя их на регулярно проводимых семинарах.

Япония продолжает линию на расширение своего представительства в международных организациях. На выборах Генерального директора МАГАТЭ в 2009 г. победил японский кандидат – постоянный представитель при международных организациях в Вене Ю. Аmano. Решение о его назначении было принято 3 июля после нескольких меся-

цев активных обсуждений и голосований и утверждено на 53-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ 14 сентября 2009 г.

Японская сторона приняла активное участие в открытии 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2009 г. Премьер-министр Японии Ю. Хатояма в ходе своего выступления на Саммите по проблеме изменения климата в Нью-Йорке (22 сентября) заявил о намерении сократить к 2020 г. выбросы парниковых газов на 25%. Кроме того, японский премьер участвовал в Саммите СБ ООН, прошедшем 24 сентября 2009 г.⁴

На Генеральной Ассамблее выступил также министр иностранных дел Японии К. Окада. Он акцентировал внимание на необходимости более активных усилий международного сообщества в области ядерного разоружения и нераспространения.

Япония продолжала играть важную роль в работе саммитов «Группы восьми» и «Группы двадцати». В частности, она активно участвовала в обсуждении вопросов, касающихся путей выхода из мирового финансово-экономического кризиса, на саммитах, прошедших в 2008–2009 гг. Токио солидаризировался с общими подходами, т. е. с идеей о необходимости принятия дополнительных мер по усилению международного контроля за финансовыми рынками, а также высказался за модернизацию регуляторных механизмов международной финансовой системы и, прежде всего, МВФ и Всемирного банка, за счет повышения значимости «растущих экономик» (в первую очередь, в бюджетах этих организаций). Были озвучены и параметры дополнительного кредитования Японией МВФ для оказания помощи малым странам – на уровне 10% от накопленных золотовалютных резервов страны (около 100 млрд. долл.).

Стоит отметить, что в диалоге с иностранными партнерами в рамках «восьмерки», «двадцатки» и ВТО Япония активно использует тезис о недопустимости новых протекционистских барьеров в условиях кризиса. В списке стран, к которым Токио предъявляет претензии, присутствует и Россия в связи с решением российского правительства об увеличении импортных пошлин в отношении автотранспорта и металлопродукции.

Япония по-прежнему продолжает уделять приоритетное внимание вопросам разоружения, принимает активное участие в международных усилиях по укреплению режима нераспространения ядерного оружия в мире, содействию ядерному и ракетному разоружению, борьбе с международным терроризмом, изменениями климата, голо-

⁴ Выступление премьер-министра Японии Ю. Хатояма на климатическом саммите в Нью-Йорке. 22 сентября 2009 г. (www.mofa.go.jp).

дом, бедностью и эпидемическими болезнями в развивающихся странах, а также другими глобальными угрозами и вызовами.

Региональные инициативы

С приходом к власти в Японии кабинета Ю.Хатояма наметилось явное стремление Токио улучшить свой имидж в Азиатско-тихоокеанском регионе, имея в виду в перспективе лидерство в ключевых областях региональной дипломатии. Решающим шагом в этом направлении стало выдвижение новым японским премьером концепции «Восточноазиатского сообщества».

Идея создания так называемого монолитного «Восточноазиатского сообщества» (ВАС) позиционировалась в предвыборной программе Демократической партии Японии как один из основных элементов нового внешнеполитического курса Токио, нацеленного на улучшение отношений с ближайшими соседями в АТР, связи с которыми отягощены противоречиями в оценках исторического прошлого.

Сама концепция подается в контексте линии на осуществление «братской дипломатии» в Азии. Этот термин был, судя по всему, заимствован новым японским премьером у своего деда – Хатояма Итиро, также занимавшего пост премьера в середине 1950-х гг. И.Хатояма проявлял большой интерес к идеям пан-европеизма австрийского мыслителя Рихарда Гуденхоф-Калерги (имевшего, кстати, японские корни), который в 1920-х гг. активно использовал термин «братство» (*bruderlichkeit*) и построил на нем свою теорию, ставшую впоследствии идейной основой для создания нынешнего Европейского союза.

Применительно к Азии трудно говорить пока о создании объединения по типу Евросоюза в практической плоскости, однако идея «Восточноазиатского сообщества» Ю.Хатояма предполагает «уплотнение» сотрудничества между государствами региона в экономической, энергетической, экологической и целом ряде других областей жизни региона⁵.

Основные положения этой идеи были изложены в выступлении премьер-министра Ю.Хатояма на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также в ходе состоявшейся «на полях» этого мероприятия его встречи с Председателем КНР Ху Цзиньтао.

«Восточноазиатское сообщество» видится новому японскому лидеру в качестве жестко организованного и сплоченного интеграционного объединения азиатских стран, сравнимого по масштабам и задачам с

⁵ Выступление Премьер-министра Японии Ю. Хатояма в Институте внешней политики. Нью-Йорк, 23 сентября 2009 г. (www.mofa.go.jp).

такой интеграционной структурой, как Евросоюз, включая в перспективе и возможность создания единой региональной валюты. Приступить к формированию Сообщества, которое будет создаваться на базе принципов открытого регионализма, предлагается путем активного задействования наработанных странами Азии опыта сотрудничества в экономической сфере (включая либерализацию торговли и сотрудничество в области финансов на основе соглашений о свободной торговле), в области охраны окружающей среды, борьбы с последствиями стихийных бедствий, а также на основе наращивания позитивной динамики в двухсторонних связях и уплотнения взаимодействия в рамках действующих многосторонних структур.

Значительное внимание при этом предполагается уделять преодолению проблем «исторического прошлого», которые являются существенным раздражителем в японо-китайских и японо-южнокорейских отношениях. Коснувшись этого аспекта в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН, японский лидер по существу признал совершенные Японией в прошлом ошибки в отношениях со странами Азии⁶.

На министерской встрече так называемой «восточноазиатской тройки» (Япония – КНР – Республика Корея), которая состоялась в Шанхае 28 сентября 2009 г., министр иностранных дел Японии К.Окада подчеркнул, что линия на формирование ВАС является одним из стратегических направлений азиатской дипломатии Токио. Примечательно, что одновременно было отмечено, что японо-американский союз сохраняет свое значение в качестве основы японской внешней политики, хотя высказывания министра, как, впрочем, и выступление Ю.Хатояма в рамках мероприятий ООН, не были на этот раз перегружены традиционными для японских лидеров постулатами о «краеугольности» альянса Япония – США⁷.

В целях реализации новой концепции Токио предпринял шаги по формированию для нее соответствующей финансовой базы, что корреспондировало с давно вынашиваемой японской дипломатией идеей о повышении роли региональных финансовых механизмов за счет создания Азиатского валютного фонда. В форматах «АСЕАН плюс 3» и «Восточноазиатской тройки» (Япония – КНР – Республика Корея) уже готовятся меры по модернизации имеющихся договоренностей в рамках «чиангмайских инициатив» по оказанию финансовой поддержки странам-участницам в случае возникновения кризисных явлений. На

⁶ Выступление Премьер-министра Японии Ю. Хатояма на климатическом саммите. Нью-Йорк, 22 сентября 2009 г. (www.mofa.go.jp).

⁷ Сообщение о трехсторонней встрече министров иностранных дел Японии, Китая и Республики Корея. 29 сентября 2009 г. (www.mofa.go.jp).

ежегодной сессии Азиатского банка развития на о. Бали (прошедшей 2–3 мая 2009 г.) было достигнуто соглашение о создании паназиатского фонда валютных резервов в размере 120 млрд. долл. в формате «АСЕАН плюс 3». Доля Японии – 38,4 млрд. долл. (32%)⁸.

Особенности двусторонней дипломатии

Военно-политический союз с США остается «краеугольным камнем» японской внешней политики, прежде всего в области обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем, премьер Ю. Хатояма в последнее время начал подчеркивать необходимость его адаптации к новым реалиям, включая расширение роли Японии в союзе и распространение его деятельности на «невоенные» сферы, такие как здравоохранение, образование и другие.

На данном этапе в этом союзе сохраняется главенствующая роль США, что ограничивает возможность превращения Японии в самостоятельную военную величину, адекватную ее экономической мощи. В то же время США выступают за расширение участия Японии в союзе – таким образом, чтобы при сохранении за собой главных функций вспомогательные передать ей.

В свою очередь сама Япония заинтересована в повышении своей военной роли, рассматривая это как одно из средств утверждения себя в качестве мировой державы.

Принятие сторонами в 1997 г. новых «Руководящих принципов двустороннего сотрудничества в области обороны» показало, что японо-американский союз встал на путь расширения масштабов своей деятельности. Помимо прежней основной его задачи – отражения прямой агрессии против Японии – было намечено совместными усилиями обеспечивать общую стабильность в АТР, предупреждать возникновение региональных конфликтов, осуществлять их урегулирование. В Японии последовательно ведется работа по совершенствованию законодательства в целях более эффективного осуществления договоренностей с США в области безопасности.

К числу приоритетов японской внешней политики относятся и отношения с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

В Токио исходят из того, что одним из ключевых для Японии государств АТР является КНР. Японцы рассматривают Китай как возможную в перспективе «державу номер два» в мировой политике, и отношениям с этой страной придается весьма большое значение. После

⁸ Сообщение об очередной сессии Азиатского банка развития. 4 мая 2009 г. (www.mofa.go.jp).

нормализации японо-китайских отношений налажен устойчивый политический диалог как на высшем, так и на рабочем уровнях. Поступательно развиваются японо-китайские экономические отношения. Япония прочно удерживает пальму первенства по объему инвестиций в китайскую экономику. Приход к власти в Японии кабинета Ю. Хатоямы был позитивно встречен в КНР и воспринят как сигнал к активизации отношений между двумя странами в политической и экономической областях.

По тайваньской проблеме Япония исходит из принципа «одного Китая» и не поддерживает с островом официальных отношений. Вместе с тем экономические связи и неофициальные контакты продолжают осуществляться.

Официальные японо-китайские переговоры последнего времени подтверждают, что между двумя странами продолжает сохраняться ряд принципиальных расхождений в подходах к проблемам, затрагивающим их национальные интересы.

Япония не поддерживает дипломатических отношений с КНДР, хотя в последнее время предпринимала ряд попыток их установить. Одной из основных проблем, мешающих установлению дипломатических отношений, является вопрос о похищенных северокорейскими спецслужбами японских гражданах (некоторые из них возвращены в Японию, однако японцы считают, что этого недостаточно).

Японская сторона высказывается за «политико-дипломатическое» решение северокорейской проблемы и обеспечение «прочного мира» на Корейском полуострове. При этом Токио считает, что решение должно быть «пакетным», т. е. включать урегулирование ядерных и ракетных аспектов, а также вопроса о похищениях японских граждан.

Япония готова участвовать в экономическом содействии Пхеньяну только после нормализации японо-северокорейских отношений, условиями для которой называет решение указанных проблем.

Японское руководство подчеркивает тезис о том, что Россия является важным партнером Японии в АТР, с которым Токио намерен развивать сотрудничество в целях обеспечения безопасности и стабильности региона. Между двумя странами в 2009 г. активно развивался политический диалог, осуществлялись контакты на парламентском и министерском уровнях. Под влиянием глобального кризиса в 2009 г. было зафиксировано определенное снижение двустороннего товарооборота, который в 2008 г. достиг 30 млрд. долл. Тем не менее, продолжался активный поиск новых возможностей для осуществления совместных проектов, включая региональный уровень.

Премьер Ю. Хатояма в выступлении на пресс-конференции 30 августа 2009 г. после победы на всеобщих парламентских выборах ука-

зал на наличие значительного неиспользованного потенциала в российско-японских отношениях. 17 сентября 2009 г. в ходе телефонного разговора Президента Российской Федерации Д.А.Медведева с Ю. Хатояма, а также на их отдельной встрече, которая состоялась 23 сентября «на полях» 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, был продемонстрирован настрой обоих лидеров на активизацию совместных усилий по реализации незадействованного потенциала, имеющегося в двусторонних отношениях.

* * *

В целом, как уже было сказано ранее, в японской внешней политике в период текущего кризиса наблюдаются устойчивость и преемственность. В то же время просматриваются и новые тенденции – в сторону большей активизации роли Японии в мире. Это создает, в том числе, и дополнительные возможности для активизации российско-японского взаимодействия в АТР, включая перспективу выхода на стратегическое партнерство, предполагающее реальное сотрудничество в вопросах безопасности на глобальном и региональном уровнях, взаимопомощь в международных делах, масштабную экономическую и научно-техническую кооперацию, кардинальное расширение культурных, гуманитарных и человеческих обменов, межрегиональных связей.

Есть потенциал расширения российско-японского взаимодействия и в контексте предстоящего председательства двух стран в АТЭС – соответственно в 2010 г. и 2012 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Денисов Юрий Дмитриевич</i>	кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Ильишев Александр Витальевич</i>	кандидат социологических наук
<i>Катасонова Елена Леонидовна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Лебедева Ирина Павловна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Леонтьева Елена Львовна</i>	кандидат экономических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН
<i>Маркарьян Седя Багдасаровна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Матрусова Татьяна Николаевна</i>	кандидат экономических наук Институт востоковедения РАН
<i>Молодяков Василий Элинархович</i>	доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)
<i>Молодякова Эльгена Васильевна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Стрельцов Дмитрий Викторович</i>	доктор исторических наук, МГИМО(У) МИД России
<i>Тимонина Ирина Львовна</i>	доктор экономических наук, профес- сор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

CONTRIBUTORS

<i>Denisov Yuri Dmitrievich</i>	Ph. D. (Technology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Ilyshev Alexandr Vitalyevic</i>	Ph.D. (Sociology)
<i>Katasonova Yelena Leonidovna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Lebedeva Irina Pavlovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Leontyeva Yelena Lyvovna</i>	Ph.D.(Economics), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
<i>Markarian Seda Bagdasarovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Matrusova Tatiana Nikolaevna</i>	Ph.D. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Molodyakov Vasily Elinarkhovich</i>	Prof. (Philosophy, Political Science), Takushoku University (Japan)
<i>Molodyakova Elgena Vasilyevna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Streletsov Dmitry Viktorovich,</i>	Prof. (History), Moscow State Institute of International Relations (U.), Ministry of Foreign Affairs R.F .
<i>Timonina Irina Lvovna</i>	Prof. (Economics), Moscow State University

Центром японских исследований Института востоковедения РАН

изданы в 1995–2009 гг.
индивидуальные и коллективные монографии:

Лебедева И. П. Японские корпорации: стратегия развития. М., 1995
Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Японское общество: книга перемен.
М., 1996
Япония: конец XX века. М., 1996
Японский феномен. М., 1996
Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы.
М., 1998
Япония 90-х: кризис системы или временные сбои. М., 1998
Япония: мифы и реальность. М., 1999
Матрусова Т. Н. Организация профессиональной подготовки в Японии.
М., 1999
Япония: консерватизм и традиционализм. М., 2000
Япония и современный мировой порядок. М., 2002
Тимонина И. Л. Япония: региональная экономика и политика. М., 2002
Герасимова М. П. Киотоский альбом. М., 2002
Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в
послевоенный период. М., 2002
Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003
Катасонова Е. Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра
великих держав. М., 2003
Лебедева И. П. Малый бизнес в Японии. М., 2004
Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004
Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Мацури. Традиционные праздники
Японии. М., 2004
Катасонова Е. Л. Последние пленники второй мировой войны:
малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005
Портрет современного японского общества. М., 2006
Япония, открытая миру. М., 2007.
Глобальный вызов – японский ответ. М., 2008.
Продолжается издание ежегодника «Япония».

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АИРО-XXI»

В 2005 — 2008 гг.

ВЫШЛИ КНИГИ

Молодяков В. Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения. Серия «АИРО – монография». – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 224 с.

Монография известного историка является первым в отечественной и мировой историографии комплексным исследованием деятельности японского государственного деятеля Гото Симпэй (1857–1929) в области российско-японских отношений первой трети XX века. Гото был не только одним из наиболее выдающихся политиков своего времени, но и внёс исключительный вклад в развитие взаимопонимания и партнерства между Японией и Россией. Основу монографии составил обширный корпус документов, впервые опубликованный нашим издательством в 2005 г. в сборнике «Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия».

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 336 с.

Собрание документов из архивов России и Японии, посвященных усилиям выдающихся государственных деятелей Кацура Таро (1847–1913) и Гото Симпэй (1857–1929) по развитию и укреплению российско-японских отношений. Документы, большая часть которых публикуется впервые, охватывают широкий круг проблем: от необходимости согласования политики обеих держав на Дальнем Востоке до частных вопросов торгово-экономического сотрудничества. Сборник будет полезен как специалистам, так и всем интересующимся историей внешней политики России и международных отношений.

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В. Э. Молодякова. [Текст]. / Тосио Сиратори. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 160 с. (Серия «АИРО – первая публикация» под ред. Г. А. Бордюгова).

Сборник статей и документов видного японского дипломата и политика Тосио Сиратори (1887–1949) представляет его читателю как авторитетного комментатора международных событий 1930–1940-х годов и оригинального политического мыслителя. Это первое посмертное издание его сочинений и первое издание его работ за пределами Японии. Книга подготовлена историком В. Э. Молодяковым, выпустившим в 2006 г. в издательстве АИРО-XXI биографию «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио – дипломат, политик, мыслитель».

Молодяков В. Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель. Серия «АИРО–Монография». – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 528 с.

Монография российского историка В. Э. Молодякова является первым в отечественной и зарубежной историографии комплексным исследованием жизни, идей и деятельности СИРАТОРИ Тосио (1887–1949), видного японского дипломата и политического аналитика 1930-х годов, оказавшего заметное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Японии. На основе японских, советских, германских, итальянских, американских, английских, французских и шведских документов, сочинений и писем Сиратори, дневников и воспоминаний его современников, автор подробно описывает весь жизненный путь своего героя на фоне исторических событий, свидетелем и участником которых тот был, – от Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. до Токийского процесса. Подробно рассмотрены взгляды Сиратори на советско-японские отношения и его геополитические теории, в том числе оригинальная концепция «евразийского блока» Германии, СССР и Японии. Монография включает обстоятельный историографический очерк, подробную хронологию жизни и полную библиографию сочинений Сиратори.

Несмотря на академический характер и обширный научный аппарат, книга рассчитана на широкого читателя, интересующегося современной историей, и написана с ориентацией на лучшие традиции биографического жанра в отечественной историографии.

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

Мировой кризис и Японии

Руководитель *Э. В. Молодякова*
проекта

Ответственные *И. П. Лебедева,*
редакторы *С. Б. Маркарьян*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

На обложке фотография *О. В. Андреевой*

Дизайн обложки *К. Струков*

технический редактор М. А. Кононов
корректор С. В. Виноградов

Подписано в печать с оригинал-макета 23. 12. 2009.
Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага оф. №1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 16. Тираж 500 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: 8-917-547-84-24. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
